

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Казначейский Владимир Васильевич

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НЕ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ ПРОТИВ
СЕБЯ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, РАЗВИТИЕ В ПРАВОВЫХ
ПОЗИЦИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель: доктор
юридических наук, профессор, Матейкович
Максим Станиславович

Тюмень - 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Понятие, сущность и содержание конституционного права не свидетельствовать против себя в России и в зарубежных странах.....	17
1.1. Природа конституционного права не свидетельствовать против себя для современного общества и государства	17
1.2. Генезис юридического закрепления права лица не давать показания против себя в отечественном законодательстве	24
1.3. Сравнительный анализ реализации конституционного права не свидетельствовать против себя в России и зарубежных странах	34
ГЛАВА 2. Право не свидетельствовать против себя в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.....	50
2.1. Постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации: толкование статьи 51 Конституции Российской Федерации, правовые позиции	50
2.2. Разъяснения Верховного Суда по вопросам судебной практики Российской Федерации: конституционное значение для обеспечения права не свидетельствовать против себя.....	67
2.3. Критический анализ правовых позиций Европейского суда по правам человека в области применения права не свидетельствовать против себя.....	99
ГЛАВА 3. Конституционные механизмы реализации права не свидетельствовать против себя.....	133
3.1. Конституционные основы деятельности кассационных судов общей юрисдикции и их роль в укреплении конституционных гарантий права не свидетельствовать против себя	133
3.2. Анализ судебных ошибок при принятии итоговых судебных решений. Причины и условия, способствующие ограничению конституционного права не свидетельствовать против себя в судах общей юрисдикции, существующие проблемы и пути их решения.....	159

3.3. Исследование вопросов конституционного правосознания судей (в контексте применения или неприменения положений статьи 51 Конституции Российской Федерации).....	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	192
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	196
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	198

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Конституция Российской Федерации своими нормами закрепляет и защищает права граждан от незаконного привлечения к уголовной ответственности и осуждения. Повышенное внимание Основного закона к регулированию этих отношений обусловлено не только их значимостью, но и возможностью серьезного ограничения прав и свобод лиц, вовлечённых в орбиту уголовного судопроизводства, в виде лишения свободы, изъятия имущества, запрета на профессиональную деятельность. Соответствующие положения Конституции обеспечивают как общее нормирование, так и непосредственное регулирование рассматриваемых отношений. В полной мере это относится к закреплённому частью 1 статьи 51 Конституции¹ праву каждого не свидетельствовать против себя самого, которое не требует конкретизации в процессуальном законе и на практике применяется непосредственно.

Право на «молчание», или на отказ от самоизобличения, является относительно новым для отечественного конституционного права. Нормативно отказ от признания вины как «царицы» доказательств произошёл лишь с принятием Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 года, положения которой нашли своё полное отражение в действующей Конституции. Однако судебная практика, а, главное, правосознание работников правоохранительных органов далеко не всегда в полной мере воспринимают требования Основного закона, что приводит как к нарушению фундаментальных прав и свобод личности, так и судебным ошибкам, негативно влияющим на авторитет судебной власти и государства в целом. В частности, несмотря на действующие почти два десятилетия позиции

---

¹ Конституция Российской Федерации офиц. текст. Ст. 51 https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lmqfyjlkdh722512285. (дата обращения 11 января 2023 года).

Конституционного Суда и многочисленные решения Верховного Суда Российской Федерации, значительная часть обвинительных приговоров содержит ссылки на показания сотрудников полиции, иных правоохранительных органов, воспроизводящие сведения, полученные от обвиняемых при их задержании, опросе, личном досмотре в отсутствие защитника. Такое игнорирование права на отказ от самоизобличения влечёт не только нарушение требований части 1 статьи 51 Конституции, но и многих других положений Основного закона: о праве пользоваться помощью адвоката (статья 48), о презумпции невиновности (статья 49), о недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (статья 50) и т.д.

Как справедливо отмечено на X Всероссийском съезде судей Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, «вызовы, угрозы, с которыми столкнулась и сталкивается сегодня страна, не могут служить оправданием для поверхностного или обвинительного подхода при проведении судебных разбирательств, следственных и других процессуальных действий».

Обеспечение прав и свобод человека правосудием, как того требует статья 18 Конституции, является «отличительным качеством российской модели судопроизводства», его важнейшей конституционной основой, признаком его соответствия самым высоким конституционным и международным стандартам.

Председатель Второго кассационного суда общей юрисдикции А.В. Бондар, рассматривая причины изменений и отмен судебных решений, обратил внимание на то, что судьи недостаточно уделяют внимание вопросам подготовки к судебному заседанию, что влечет рост допускаемых ими судебных ошибок. А.В. Бондар выразил убежденность в том, что

аналитическая работа на постоянной основе может способствовать предупреждению тиражирования ошибок¹.

При этом существует потребность в систематизации существующих и формировании новых теоретических положений, служащих научной базой для нормотворчества и правоприменения в сфере реализации конституционных основ уголовного судопроизводства. Назрел глубокий анализ судебной практики по вопросам применения положений статьи 51 Конституции, прежде всего, на уровне судов общей юрисдикции. Наконец, путем социологического исследования с высоким уровнем репрезентативности необходимо выявить потенциальные дефекты конституционного правосознания судей, обуславливающие ошибки в применении норм процессуального права, базирующихся на фундаментальных положениях российского Основного закона.

Эти и другие факторы обуславливают необходимость проведения диссертационного исследования, направленного на изучение сущности, содержания, реализации в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, отражения в правосознании правоприменителя конституционного права каждого не свидетельствовать против себя в судах общей юрисдикции, на разработку научных положений, на формирование комплекса прикладных рекомендаций по устранению выявленных недостатков правотворчества и правоприменения.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Значительное внимание вопросам реализации фундаментальных прав личности в рамках уголовного судопроизводства уделяли классики отечественной юриспруденции дореволюционного периода: С.И. Баршев, Я.И. Баршев, В.М. Гессен, А.Ф. Кони, П.П. Пусторослев, Д.Г.

---

¹ Бондар А.В. Соглашательская позиция судей с органами следствия недопустима // Уголовный процесс. 2014. N 12. С. 22.

Тальберг, И.Я. Фойницкий, А.П. Чебышев-Дмитриев и др. В советский период названные вопросы активно освещались в трудах А.Я. Вышинского, М.С. Строговича, И.Е. Фарбера, М.А. Чельцова-Бebutова. Большое значение для формирования теоретической базы настоящего исследования имели работы по вопросам теории конституционализма, прав и свобод человека и гражданина, конституционных гарантий этих прав, вышедшие в свет как в советский, так и современный период развития отечественного правоведения, в том числе работы С.А. Авакьяна, Н.А. Богдановой, Н.С. Бондаря, Л.Д. Воеводина, Н.В. Витрука, Н.М. Добрынина, В.Д. Зорькина, В.Т. Кабышева, В.А. Карташкина, С.Д. Князева, А.И. Ковлера, А.Н. Кокотова, А.Н. Костюкова, Е.И. Козловой, Е.И. Колюшина, О.Е. Кутафина, А.В. Малько, Е.А. Лукашевой, В.О. Лучина, Н.Г. Салищевой, Т.Я. Хабриевой, Б.С. Эбзеева. Значительное внимание вопросам реализации конституционных норм при осуществлении правосудия уделяют в своих научных публикациях Г.А. Гаджиев, М.И. Клеандров, В.В. Лазарев, В.М. Лебедев, С.П. Маврин, М.С. Матейкович, В.В. Момотов. Вопросы свидетельского иммунитета, непосредственно связанные с темой настоящего исследования, поднимались в работах Е.К. Антонович, О.Я. Баева, В.А. Блинникова, А.Б. Богомолова, Т.Г. Бородиновой, Д.П. Великого, Н.Ю. Волосовой, И.В. Воронцовой, Е.В. Гриценко, Е.П. Гришиной, Т.Н. Добровольской, В.В. Ершова, Е.А. Ершовой, Г.А. Есакова, С.А. Касаткиной, А.Ю. Ключникова, Б.И. Кожохина, Н.А. Козловского, В.Н. Корнева, А.И. Коробеева, Л.В. Лобановой, Н.Э. Мартыненко, Г.Л. Минакова, Л.Х. Мингазова, И.А. Пантелеева, Н.Н. Параскевова, А.Р. Султанова, И.А. Фаргиева. При этом вопросы реализации конституционного права не свидетельствовать против себя рассмотрены в основном фрагментарно, судебная практика судов общей юрисдикции в данной сфере глубоко не исследовалась, высокорепрезентативные социологические исследования не проводились.

Предмет и объект диссертационного исследования. Объектом данного исследования являются общественные отношения, регулируемые статьей 51 Конституции Российской Федерации о праве граждан не свидетельствовать против себя, складывающиеся при рассмотрении судами общей юрисдикции уголовных дел. Предметом исследования являются нормы права, дефекты правового регулирования, причинно-следственные связи, актуальные доктринальные идеи в контексте их потенциального применения для формирования новых фундаментальных знаний и совершенствования правового регулирования в рассматриваемой сфере, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, судебные решения судов общей юрисдикции, отражение правосознания российских судей в результатах социологических опросов.

Цели и задачи диссертационного исследования. Целью исследования является формирование новых знаний о сущности, содержании, концептуальном отражении в текущем законодательстве и правовых позициях судов, реализации в правоприменительной практике конституционного права каждого не свидетельствовать против себя, преодоление дефектов правосознания на уровне восприятия значимости конституционных норм и правовых позиций высших судов.

Для достижения указанной цели автором диссертации поставлены следующие задачи:

- сформулировать на основе новое определение конституционного права не свидетельствовать против себя;
- описать генезис конституционно-правового регулирования отношений, связанных с отказом от самоизобличения в отечественном законодательстве;
- систематизировать правовые позиции Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации по вопросам реализации конституционного права не свидетельствовать против себя;

- выявить пробелы конституционно-правового регулирования отношений, связанных с правом на отказ от самоизобличения в уголовном судопроизводстве;

- провести эксперимент, в ходе которого опросить действующих судей, работающих в девяти субъектах Российской Федерации, по вопросам непосредственного применения конституционных норм в уголовном судопроизводстве, проанализировать причины отсутствия единого подхода при применении положений ст. 51 Конституции РФ, выявить существующие дефекты правосознания;

- аргументировать предложения по изменению учебной программы переподготовки назначенных судей, повышения квалификации действующих судей для реализации обеспечения реализации права не свидетельствовать против себя.

Методологическая основа и методы диссертационного исследования. В основе исследования применены общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование, аналогия, конкретизация), позволившие дифференцировать и систематизировать существующие теоретические знания, нормативно-правовые акты, судебную практику в рассматриваемой сфере; частно-научные методы (институциональный, аксиологический, исторический, социологический), предоставившие возможность увидеть генезис конституционного закрепления права не свидетельствовать против себя в отечественном праве, обозначить этапы его развития, оценить конституционное правосознание судей и выявить его дефекты; специально-юридические методы (сравнительно-правовой, формально-юридический), позволившие увидеть сходства и различия в реализации конституционного права не свидетельствовать против себя в России и зарубежных странах.

Теоретическая основа диссертационного исследования. При проведении исследования использованы научные работы учёных по

конституционному праву, уголовному праву, уголовно-процессуальному праву, истории и теории государства и права.

Нормативная база исследования. В работе использованы Конституция Российской Федерации, международно-правовые нормы, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (свыше тысячи постановлений и определений), Верховного Суда Российской Федерации (постановления Пленума, Президиума, определения Судебной коллегии по уголовным делам).

Эмпирическая база исследования. В работе проанализировано свыше 314 решений судов общей юрисдикции по уголовным делам, затрагивающих конституционное право не свидетельствовать против себя.

Автором проведено социологическое исследование (эксперимент) по случайно-стратифицированной выборке, охватывающей судей судов общей юрисдикции восьми субъектов Российской Федерации, репрезентативной по судебным инстанциям, регионам, стажу судьи, по теме: «Статья 51 Конституции Российской Федерации: практика применения в судах общей юрисдикции, дефекты конституционного правосознания». Общий объем выборки - 1453 респондента; статистическая погрешность 3 процента.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что автором проведено одно из первых мультидисциплинарных, с элементами экспериментального, поискового, исследований, посвящённых проблеме сущности и содержания конституционного права не свидетельствовать против себя. В частности, впервые был проведён социологический опрос 1 453 судей на предмет выявления как позитивных свойств, так и дефектов правосознания судей, применяющих нормы процессуального права, основанных на фундаментальных положениях Конституции Российской Федерации. По результатам проведённого исследования получены новые результаты, а именно:

- новое определение конституционного права не свидетельствовать против себя, совершенствующее существующий понятийно-категориальный аппарат конституционно-правовой науки;

- описан генезис нормативного отражения и реализации на практике права на отказ от самоизобличения в период с XV века по настоящее время;

- доказано, что посредством конституционного правосудия произошла трансформация содержания конституционного права не свидетельствовать против себя, фактически в настоящее время это право представляет собой одну из фундаментальных конституционных ценностей;

- показаны недостатки правоприменительной практики, препятствующие реализации конституционного права не свидетельствовать против себя;

- впервые проведено социологическое исследование 1453 судей судов общей юрисдикции различных судебных инстанций в восьми субъектах Российской Федерации по подробному опросному листу, которое позволило выявить как позитивные стороны, так и дефекты конституционного правосознания судей по отношению к положениям статьи 51 Конституции Российской Федерации;

- внесены предложения, направленные на изменение учебной программы переподготовки назначенных судей, повышения квалификации действующих судей в целях наиболее полной реализации права не свидетельствовать против себя.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту

1. Конституционное право не свидетельствовать против себя относится к фундаментальным, личным, неотчуждаемым правам и свободам, является конституционной гарантированной возможностью лица отказаться от раскрытия информации о своей причастности или непричастности к совершенному преступлению без претерпевания неблагоприятных последствий такого отказа.

2. Установлено, что в России в период с XV по XVIII вв., со времени определения понятия преступления и зарождения первых процессуальных процедур, право не свидетельствовать против себя полностью отсутствовало. Номинально право не свидетельствовать против себя получило первое законодательное закрепление при Екатерине II в Уголовном уложении 1767 года, когда появился Наказ об отторжение пытки, как средства получения признания. Впоследствии попытка отменить пытки была предпринята и царём Александром I, который 27 сентября 1801 года в своём Указе запретил применение пыток. Только устав уголовного судопроизводства 1864 года предпринял первые шаги к тому, что обвиняемый мог давать показания без ожидания негативных для себя последствий.

3. Конституционное законодательство Российской Федерации до принятия Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 года не допускало возможность не свидетельствовать против себя, что фактически обязывало лицо доказывать свою невиновность. Указанное конституционное право обеспечивает реализацию других фундаментальных конституционных прав и принципов, в том числе на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), право на защиту (ст. 48 Конституции РФ), презумпцию невиновности (ст. 49 Конституции РФ), поскольку исключает постановление обвинительного приговора суда только на основании показаний обвиняемого.

4. Содержание конституционного права не свидетельствовать против себя в Российской Федерации является беспрецедентным для современного конституционализма, данное право является абсолютным, неограничиваемым в отличие о конституционного законодательства зарубежных стран, США и стран Европы, допускающих обязанность лица раскрывать информацию о своём участии в налоговых преступлениях, преступлениях в сферах высоких технологий, экономических преступлениях, а также посягающих на национальную безопасность.

5. Положения статьи 51 Конституции Российской Федерации является эталонным примером прямого действия конституционных норм, не требующего конкретизации в текущем законодательстве, в том числе процессуальном. В отличие от других нормативных положений норма статьи 51 Конституции РФ разъясняется правоохранительными органами непосредственно, отсутствие такого разъяснения влечёт недействительность принятого сообщения сделанного лицом, обвиняемым или подозреваемым о своем участии в совершении преступления.

6. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации обеспечивают ценностный характер права не свидетельствовать против себя, поскольку затрагивают конституционные положения следующим образом: не позволяют использовать показания сотрудников полиции об обстоятельствах, ставших им известными со слов обвиняемого (подозреваемого); определяют условия, при которых явка с повинной может быть принята; устанавливают критерии квалифицированной юридической помощи, легитимирующие статус защитника в уголовном судопроизводстве, в том числе при получении признательных показаний лица об обстоятельствах совершенного им преступления.

7. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации являются конституционно признанными актами толкования норм материального и процессуального права, в том числе по вопросам реализации конституционного права не свидетельствовать против себя. В случае расширительного толкования данных норм правовые позиции, изложенные в постановлениях Пленума, обзорах практики, по существу, приобретают нормативный характер, поскольку имеют руководящее значение для всей последующей судебной практики. В частности, нормативное значение имеют предъявляемые, исходя из смысла положений Основного закона страны, требования к явке с повинной, показаниям понятого, содержанию протокола осмотра, правилам обжалования в суд действий должностных лиц,

нарушающих конституционные права граждан в сфере уголовного судопроизводства.

8. При наличии сформированных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций, направленных на реализацию конституционного права не свидетельствовать против себя, значительное число судей не применяют их на практике. Выявлено 109 судебных решений, в которых судами были допущены нарушения, связанные с ограничением конституционного права не свидетельствовать против себя.

9. Дефекты профессионального правосознания препятствуют реализации конституционного права не свидетельствовать против себя. В ходе проведенного экспериментального социологического исследования 35,9 % судей выразили мнение о том, что при признании достоверными показаний сотрудника полиции, допрошенного в качестве свидетеля, в части сведений, ставших ему известными со слов подозреваемого, они подлежат признанию допустимыми доказательствами. При этом 52,2% судей считают, что если будет установлен факт разъяснения подозреваемому права не свидетельствовать против себя, то показания сотрудника полиции, который воспроизведет его показания, должны быть признаны допустимым доказательством.

10. Устранение дефектов правосознания будет способствовать совершенствованию учебных программ переподготовки и повышения квалификации российских судей, направленное на углубленное изучение междисциплинарных вопросов правосудия, в том числе через тщательное изучение актуальных вопросов теории конституционного права, конституционной юстиции, прав и свобод человека и гражданина.

Теоретическая значимость диссертационного исследования. Работа значительно обогащает конституционную доктрину за счёт детального рассмотрения сущности и содержания конституционного права не

свидетельствовать против себя с использованием инструментария конституционно-правовой науки.

Практическая значимость исследования определяется возможностью активного использования полученных результатов в правотворчестве и толковании права, при переподготовке и повышении квалификации судей, при составлении магистерских программ по специальности «Юриспруденция».

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечена применением при исследовании различных методологических подходов, обусловленных особенностями предмета и объекта исследования; анализом работ российских и зарубежных учёных, по вопросам входящим в круг исследования; использованием большого объёма нормативных источников, регулирующих общественные отношения в сфере права не свидетельствовать против себя, изучением исторических документов в аспекте интересующей темы исследования; эмпирической базой, охватывающей 314 судебных решений и включающей результаты социологического опроса 1453 судей десяти субъектов Российской Федерации.

Апробация результатов диссертационного исследования. Тема работы, предмет исследования, ход работы над диссертации обсуждались на открытом заседании базовой кафедры правосудия Тюменского государственного университета с привлечением ведущих учёных-конституционалистов других вузов Российской Федерации. Материалы проводимого исследования использовались при подготовке научных статей, опубликованных в рецензируемых научных изданиях категории К1, рекомендованных ВАК России, доложены 16 марта 2023 года на Международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, 8 декабря 2023 года на Всероссийской конференции, посвящённой 30-летию Конституции России в Курганском государственном университете, а также 12 апреля 2024 года на международной научно-практической конференции

«Судебная власть и судоустройство» в Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы в г. Москве.

Структура диссертации определена концепцией автора, поставленными задачами и целями исследования проблемных вопросов, состоит из введения, 3 глав, в которые объединены 9 параграфов, заключения, списка литературы.

ГЛАВА 1. Понятие, сущность и содержание конституционного права не свидетельствовать против себя в России и в зарубежных странах

1.1. Природа конституционного права не свидетельствовать против себя для современного общества и государства

Право – фундамент социального порядка, квинтэссенция моральных представлений человечества, эволюционирует с его развитием, обогащаясь плодами исторического и философского познания. Этот процесс получил свое развитие в эпоху античности, далее впитал в себя диалектику Нового времени и Просвещения, оформился в 19-20 веке, переживает серьезный кризис в текущем столетии. Учение Платона, Аристотеля, Дж. Локка, Канта, Дж. Роулза – это во многом учение о свободе – суверенитете личности как биологического существа, наделённого разумом, о свободе, которая лежит в основе всех прав, но подвергаемой ограничению во имя свободы других индивидов и, в том числе, о свободе, которой посвящено настоящее исследование. В основе свободы - независимость, возможность оградить себя от необоснованного принуждения, способность выбора действовать спонтанно, самостоятельно, определять свои действия на основе личного мотива, ограниченного лишь свободой других лиц, объединённых в общество и его высшую форму организации - государство. Моральный императив свободы подразумевает равенство свободных, уважение их достоинства, самостоятельность в рамках признания и уважения чужой свободы, интересов общества в целом.

В основе свободы общечеловеческие принципы, и нормы морали, воплощённые в правовых предписаниях. Именно правовые предписания как юридически защищают саму свободы, так и создают юридические рамки свободы. В государственно организованном обществе возникает необходимость повиновения механизму государственного аппарата. Потребность в принуждении к исполнению законов не противоречит

наделению человека правом определения своего поведения на основе понимания духа свободы, человеческого долга и разума. Принуждение купирует опасность игнорирования общеобязательных правил поведения и тем самым обеспечивает гармонию свободы – общепольное сосуществование разумных свободных людей в государственно организованном обществе.

Свобода как благо, данное от рождения, не существует в отсутствии свободы слова. Свобода молчания при обвинении в совершении уголовного преступления – элемент свободы слова. Юридическое закрепление права, а не обязанности давать показания, способных породить доказательства против себя самого, в первую очередь указывает на то, что сознание своей вины может быть только осуществлено исключительно на добровольных началах, и никак не под каким-либо воздействием. За сообщение недостоверных сведений, даже данное заведомо, подозреваемое лицо (в отличие от свидетеля и потерпевшего) не подвергается уголовному преследованию и наказанию. Каждый, кто вынужден защищаться от выдвинутого государством или частным обвинителем обвинения, вправе выстраивать линию своей защиты самостоятельно. При этом самоговор, полученный под угрозой насилия или применения любого принуждения за отказ признаться в совершении деяния, не должен быть использован для подтверждения обвинения, а при постановлении обвинительного судебного акта такое доказательство не может быть взято за основу. На этих принципах основаны гарантии, предоставляемые государством гражданам, исключающие возможность самообвинения¹.

Признание, сделанное лицом под тяжестью обвинения, в юридической науке всегда сопровождалось спорами о доказательном значении этого заявления. Длительное время признание преступником своей вины признавалось «царицей» доказательств. В настоящее время Декларация прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации, Конституция Российской Федерации признают за лицом возможность самостоятельно

---

¹ Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. С. 624.

определять линию своего поведения при формировании позиции по обвинению в преступлении: признаться в причастности к преступному деянию либо сохранить свои действия в тайне. Однако на практике приоритет признания вины перед другими доказательствами не изжит, прежде всего, из правосознания следователей, прокуроров, да и судей. Этот феномен – результат длительной гносеологической конкуренции интересов истины и справедливости. В идеале без истины нет справедливости, и наоборот, достижение истины любым путём не всегда справедливо. Отсюда тернистый путь правосудия к уже общепризнанному праву на отказ от самоизобличения, на протяжении которого достижению истины, как считалось, не препятствует применение пыток и иного насилия над личностью. Произвол в доказывании часто оправдывался религиозными, идеологическими мотивами. Вопросы справедливости правосудия и потенциальной ложности добытой «истины» отодвигались на второй план. Насильно добываясь признания в совершении преступлений, органы уголовного преследования оправдывали используемые ими методы и средства.

В настоящее время конституционные принципы справедливости (преамбула, ч. 6 ст. 75 Конституции Российской Федерации), верховенства закона (ч. 2 ст. 4) и прав, свобод личности (ст. 2) и другие исключают применение насилия с целью получения самоговора в совершении преступления, даже если в результате такого самоговора будут получены подлинные сведения¹. На этих принципах базируется как конституционное право на отказ свидетельствовать против себя самого (ч. 1 ст. 51 Конституции), так и основные начала организации судебной власти (гл. 7).

Судебная защита, осуществляемая в судебном производстве на основе равенства и состязательности, подразумевает неукоснительное соблюдение закона, конституционности всей осуществляемой процессуальной

---

¹ Занькин Д.В. Истина и справедливость - методология судебного разбирательства // Российский судья. 2018. № 3. С. 44 - 46.

деятельности. Арсенал конституционных норм как непосредственно, так и через текущее законодательство обеспечивает надлежащее качество судебной защиты¹.

Право на выбор варианта поведения при возникающих на жизненном пути человека испытаниях охватывает возможные случаи выдвижения в его адрес обвинения. Своё решение о выборе действий в каждом конкретном случае, ещё с древних времён человек определял с учётом сложившихся обычаев общины, традиций, складывающихся в обществе, правил поведения и, конечно, действующих законов государственно организованного общества. По мере развития человеческой цивилизации, вместе с обществом возникло и стало оформляться право хранить молчание при обвинении в преступлении. В русских пословицах мы видим, какое великое значение человеческая мысль отводила незамысловатому правилу молчания, которое сравнивалось с золотом, где болтун всегда был находкой для шпиона, а счастье очень любит тишину, при этом слово также сравнивали с воробьём, который если вылетит, то его не поймашь. Приведённые пословицы и поговорки – воплощение народной мудрости – однозначно говорят о том, что не всякое сказанное человеком слово будет нести в себе пользу для него. Напротив, в ряде случаев слово нанесёт только вред, а иной раз опасность тому, кто говорит. Произнесённые фразы могут оказаться весомым доказательством в руках правосудия. Слова человеком о причастности к деянию, направленному против охраняемых уголовным законом общественных отношений, является признанием. Причины, по которым человек может сознаться в совершении преступления, могут быть самыми разными. К ним могут быть отнесены эмоциональное состояние, угрызение совести, стрессовая ситуация, страх, боязнь возможных последствий, запугивание, приёмы и методы работы представителей власти. Все эти факторы, перечень которых является далеко не

---

¹ Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. М.: Юрист, 2013.С. 404.

исчерпывающим, способны оказать влияние на принятие решения признаться и рассказать все о своей причастности к совершенному деянию. При этом признание отнюдь не гарантия достоверности, поэтому полученные сведения должны тщательно проверяться.

Защитой от злоупотреблений являются не только законоположения. Не менее важным является правосознание сотрудников правоохранительных органов и судов, или их подход к соотношению целей и средств получения доказательств. Для судов особенно важно понимание и неукоснительное исполнение положений о самостоятельности судебной власти (ст. 10 Конституции Российской Федерации), равенстве каждого перед законом и судом (ч. 1 ст. 19), осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123). Постепенный переход от ранее принятого обвинительного уклона к состязательному судебному следствию существенно изменил подходы суда к оценке представленных сторонами доказательств на основе беспристрастности и объективности.

Важными достижениями современного судебного разбирательства, построенного на конституционных принципах, стали открытость и публичность судебного процесса, в котором каждому предоставлена возможность принимать непосредственное участие в собирании, предоставлении доказательств, рассчитывать на их тщательное исследование судьей. Совокупность предоставленных прав обвиняемому, обязанность ответственных должностных лиц разъяснить ему конституционные права, обеспечить возможность их реализации в полной мере и предоставить беспрепятственное участие в доказывании, - все это способствует обеспечению правовых гарантий обвиняемому. Комплекс этих мер, дополняемых возможностью подачи жалобы на действия должностных лиц, не позволяет недобросовестно, а подчас и преступно использовать свои властные полномочия. Данными мерами достигается процессуальная прозрачность

деятельности по собиранию доказательств, в том числе и при получении показаний задержанных лиц.

Понимание важности первой беседы с представителем власти нашло своё отражение в закреплённых Конституцией гарантиях задержанному лицу пользоваться профессиональной защитой с момента задержания (ч. 2 ст. 48 Конституции). Это даёт возможность ещё до первого допроса выработать свою позицию, определить стратегию защиты, не позволить возникнуть нежелательным последствиям для исхода дела, связанным с данными первоначальными показаниями. Принявший на себя обязанность по защите подозреваемого адвокат уже на начальной стадии расследования имеет возможность конфиденциально обсудить с подзащитным план действий, помогает определиться с выбором своего поведения, в том числе предусмотреть отказ от дачи показаний, при этом выбор, сделанный наедине с защитником, будет гарантировано добровольным и осознанным.

Отношение к признанию как к юридически значимому обстоятельству прямо влияет на судьбу лица, попавшего в орбиту уголовного судопроизводства. Сделанное признание должно быть добровольным, добровольное признание практически невозможно опровергнуть в дальнейшем. Право на «молчание», или право на отказ от самоизобличения – элемент целостной системы конституционных ценностей, направленных на равное, состязательное участие индивида в правоотношениях, затрагивающих наиболее важные элементы правового статуса личности: право на свободу и личную неприкосновенность, право на независимый суд, презумпцию невиновности, право на защиту, на доброе имя и т.д. В Конституции Российской Федерации, вряд ли найдётся ещё одна система норм, которая бы обеспечивала столь объемно как общее нормирование, так и детальное правовое регулирование отношений, напрямую не связанных с предметом конституционного права в традиционном его понимании. В этой связи О.Е. Кутафин отмечал, что предмет конституционного права как раз и определяется

содержанием Основного закона страны ¹. Следовательно, право не свидетельствовать против себя, как и все остальные положения Конституции, регулирующие отношения в сфере уголовного судопроизводства, - это неотъемлемая часть конституционного права, ценностное значение которых ещё предстоит оценить.

Таким образом, в понятие содержания исследуемого конституционного права для общества и государства входят следующие признаки: 1) признание вины перестаёт быть «царицей доказательств», право на отказ от самоизобличения даже в реально совершенном деянии носит абсолютный характер, не подлежит ограничению, обеспечивается целостной системой иных конституционных норм, в том числе запретом пыток; 2) право на отказ от показаний в отношении себя «сдвигает» баланс конституционных ценностей («права лиц, привлекаемых к уголовной ответственности», против «прав потерпевших от преступления») в сторону первых во имя фундаментальной ценности более высокого порядка – справедливости, предполагающей недопустимость даже единичного привлечения к самому строгому виду юридической ответственности невиновного; 3) использование данного конституционного права носит свободный характер: лицо вправе отказаться от использования данного права, при этом дальнейший отказ свидетельствовать против себя не дезавуирует сведения, предоставленные данным лицом первоначально.

Рассмотренные свойства конституционного права не свидетельствовать против себя позволяют определить его сущность: это фундаментальное, личное, неотчуждаемое право, элемент личной свободы - конституционно гарантированная возможность лица отказаться от раскрытия информации о своей причастности или непричастности к совершенному преступлению без претерпевания неблагоприятных последствий такого отказа.

---

¹ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. С. 444.

1.2. Генезис юридического закрепления права лица не давать показания против себя в отечественном законодательстве

В основе классической науки находится классическая юриспруденция. Подлинный рассвет юридической мысли восходит в эпоху Нового времени. В основе этого явления находится модернизация и рационализация общества, сословий и их культуры, постепенный переход к гражданскому либеральному обществу от сословного общества. В этот период происходит становление институтов демократии, поступательно вытесняется теологический взгляд на мироздание, происходит его замена юридическим. Период Нового времени есть отправная точка зарождения правоведения, науки о праве. В это время происходит полный отказ от теологии, наука берет вектор своего развития в направлении рационализма; наглядно виден отказ от спекулятивного и умозрительного построения мышления, утверждается новое опытное познание и исследование бытия; зарождающаяся наука о праве формируется в обличье социального института, в основе которого закладывается рационалистическое начало. Данный период входит в историю, как время реформирования преподавания юриспруденции в учебных заведениях. Эпоха Нового времени в классический период зарождения юридической науки представлен яркими именами: Гуго Гроция; Томаса Гоббса; Джона Локка; Баруха (Бенедикта) Спинозы; Жана Жака Руссо; Шарля Луи Монтескье. Наука о праве в этот период формируется на основе вычленения научного рационализма, являющегося способом познания мира от прошедшего сквозь время философского рационализма. В основу идеи классической науки заложен принцип позиционирования природы, позволивший объяснить все сущее, то есть заложена форма концепции естественного права. Совокупность прав, ценностей, норм и правил, обозначенных естественной природой людей

независимо от существующих социальных условий и форм правления государства, есть естественное право¹.

Современная судебная система начинает свое летоисчисление с реформ, проводимых Александром II, которые состоялись более полутора веков назад. Конечно, еще до указанных реформ на территории Российского государства уже действовали суды, осуществляя правосудие по действующим в те времена правилам. Каждая эпоха в истории государства ознаменовывалась своими критериями в подходах к использованию судами такого доказательства, как признание лица, преданного суду. Отношение судей к оценке самоговора как отдельного доказательства в разные времена существенно отличалось. Имело место отведение ему роли самого совершенного, главного доказательства, предоставляющего возможность служителям правосудия отказаться от дополнительного поиска доказательств, сосредоточиться только на нем. В процессе становления системы отправления правосудия, весомость данного доказательства утрачивала свое значение, уже возникла необходимость сопоставлять его с другими доказательствами, проверять их. Разным были и взгляды на указанное доказательство со стороны законодательных органов и практиков того времени. В основном их отношение обуславливалось формой осуществляемого судебного производства, поставленными государством задачами и целями, которые достигались служителями уголовной юстиции. Арсенал их возможностей сочетал в себе различные средства, которые способствовали достижению обозначенных целей. Вместе с тем форма судебного производства отражала в себе протекающие в стране социальные, экономические и политические явления, то есть явления, как сейчас принято говорить, конституционного характера, изменялась и развивалась вместе с ними. Исчисляемый веками период становления судебного процесса вместил в

---

¹ Яркова Е.Н.. История и методология юридической науки: учебное пособие. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012., С 61-73.

себя весь спектр человеческого развития от обычной мести до создания суда присяжных.

Постепенно менялись и подходы во взаимоотношениях общества и государства, на которые накладывал отпечаток приверженности к светскому и церковному праву. В результате эволюционных процессов государство вынуждено было признать право человека на защиту свободы и интересов, охраняемых законом. Эти изменения неизбежно проникали в судебную систему, менялись процессуальные нормы, руководствуясь которыми суды рассматривали дела, уверенно возрастало значение предоставляемых прав участникам судебных разбирательств. К таким правам отнесена возможность обвиняемому самому решать, давать ли показания против себя или отказаться говорить¹.

Первоначально инициатива начала производства по делу, связанного с совершением уголовного преступления, исходила от человека, чьи интересы были затронуты посягательством. Процесс проходил при соблюдении принципа состязания, где каждая противоборствующая сторона должна была активно доказывать свою правду. Решался вопрос поиска Божьей воли, решение по делу зависело от выполнения заранее определенных условий. Важным было получить признание подвергнутого суду человека, этого было вполне достаточно для принятия по делу решения не в пользу сознавшегося, так как велик был вес признания как «царицы» доказательств. Справедливости ради нужно сказать, что само по себе признание, которое хотя и считалось главным доказательством, не во всех случаях было безусловным основанием для обвинительного решения. Если самооговор не убедил судей, зародил в них сомнения, либо же признание не было получено вообще, то задействовался иной механизм разбирательства. Истина в таких случаях устанавливалась на судебных поединках, для этого применялись испытания водой или железом. Очень важным тогда было то, насколько человек, принимающий свое участие

---

¹ Случевский В.А. Учебник русского уголовного процесса. ч. 1. Судостройство. СПб, 1891. С. 18.

в таких испытаниях, обладал физической силой, настроен, насколько глубоко судьи того периода были под властью суеверия. Все эти действия, как считалось, давало возможность найти ключ к поиску истины, определить виновного. Судьи признавали виновным того кто был повержен, кого кинули в воду, но он смог выплыть, руку которого погрузили в воду с кипятком, определив по следам ожога причастность к преступлению¹.

В русском праве XIV-XV вв. весомым доказательством признавалось целование креста обвиняемым под присягой поцеловать крест. Считалось, что под страхом неминуемых негативных последствий преданный суду должен говорить только правду, присяга, даваемая обвиняемым, подтверждала его готовность правдиво поведать все, о чем знает только он сам. Если обвиняемый отказывался поцеловать на судной грамоте крест, данное обстоятельство также позволяло его обвинить в преступлении. Соответственно в этих условиях признание, исходящее от подвергнутого допросу обвиняемого, считалось главным доказательством, так как было достаточным для признания его виновным, хотя и получение данного доказательства было явно вынужденным².

Дальнейшее становление общих начал судопроизводства в Российском государстве осуществлялось одновременно с централизацией государственности и укрепления монархии. Применяемые поединки и испытания показали свою несостоятельность. Постепенный отказ признавать преступление сугубо посягательством на частные интересы позволил по-иному взглянуть на направленность действий лица, причиняющего вред. Под преступлением теперь понимались действия, направленные против существующего феодального устройства государства, которое выступало в роли обвинителя. Захлестнувшие страну грабежи и разбои подтолкнули к изданию Иваном III нового Судебника, которым введены в практику новые

---

¹ Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб, 1843. С. 113 - 115.

² Новгородская судная грамота 1471 г. // Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 305.

методы следствия по преступлениям, имеющим повышенную степень опасности, к которым приравнены преступления, направленные против государства, уничтожение имущества путем поджогов, разбойные налеты, и разумеется, убийства. Позволялось крепко пытаться задержанных с целью поиска правды, выяснить места нахождения пособников, а также украденных вещей, так называемой рухляди. При получении доказательств, которые указывали на причастность задержанного к разбоям, губной староста имел право вынести приговор, и принять меры к исполнению своего решения, в том числе и казнить разбойника. Здесь следует сказать, что доказательная база для принятия губным старостой решения уже была расширена. К числу доказательств, имеющих приоритетное значение, относились признательные показания, очные ставки, взятие с поличным на месте, результаты проведенных повальных обысков¹.

Важно было узнать, совпадает ли признание под пытками с результатом повального обыска. Совпадение признавалось неопровержимым доказательством вины. В этом случае обвиняемый предавался смерти. Если подвергнутый пыткам человек не оговаривал себя, необходимо было добывать другие доказательства его вины. Соответственно доказательное значение самоговора, полученного в результате пытки, в данный период хотя и имело первостепенное значение, но уже не исключало необходимость получения при расследовании опасных преступлений других доказательств, подтверждающих причастность обвиняемого к преступлению².

Обвинительный уклон при рассмотрении дел о преступлениях сохранен Соборным уложением 1649 года. Самоговор продолжает играть свою роль главного доказательства виновности. Начинается незаметный процесс отхода от обязанности подозреваемому говорить в любом случае, хотя применение пыток остается обязательным по делам о кражах, грабежах и убийствах.

---

¹ Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. Т. 2. М., 1985. С. 214.

² Медынский губный наказ 1555 года // Памятники русского права / Под ред. Л.В. Черепнина. Вып. 4. М., 1956. С. 179 - 185.

Наблюдается и некоторая гуманизация в применении наказаний¹. Однако появилась возможность казнить и тех лиц, которые даже под пыткой отрицали свою причастность к преступлению, тогда как ранее «лихие» люди, пройдя испытание через пыточную, могли сохранить себе жизнь². Пытки стали «золотым» стандартом судопроизводства. Применение насилия к преданному суду только на основании выдвинутого в отношении них подозрения было обязанностью суда, поскольку это было оправдано государственным интересом. Разрешалось мучить подозреваемого уже только при наличии одного сомнения в его виновности. Целью пытки было узнать, вправе ли суд его наказать за преступление. Значение пытки повысилось еще больше, когда она стала применяться уже не только для выяснения обстоятельств расследуемого преступления, но и для целей раскрытия убийств и разбоев, числящихся в полицейских картотеках. По этому поводу В.Д. Спасович высказывал суждение о том, что творящийся в это период жесткий произвол был основан на принесении человека в жертву государственным целям³.

Вышедшее в свет в 1715 году Краткое изображение процессов или судебных тяжб закрепило в России новый инквизиционный процесс, который явился разновидностью политического розыска⁴. В этот период обязанностью обвиняемого было свою невиновность доказывать. От обвиняемого требовалось представить суду правду, которая могла опровергнуть učinенный в отношении него донос, тем основательно доказать свою невиновность. Такой подход к предоставлению доказательств был не случаен. Законодатель в этом сборнике относит к числу важного доказательства своевольное признание, он исходит из того, что если кто сознается в том, в чем виноват, тогда далее доказывать не требуется, поскольку признание собственное есть лучшее всего на свете свидетельство. Заявленное обвиняемым признание освобождало суд

---

¹ Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. Т. 3. М., 1985. С. 236.

² Бентам И. О судебных доказательствах. Пер. с франц. И. Горонович. Киев, 1876. С. 386.

³ Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством // Избранные труды и речи. Тула, 2000. С. 29.

⁴ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 120.

от исследования доказательств, при этом от судьи не требовалось убедиться в том, отражало ли действительность данное признание или было надуманным.

Прогрессом считается появление в эпоху Петра Великого требования касающегося условиям признания допустимым самооговора. Сознание должно быть полным и безоговорочным, сделанным только перед судом, добровольным, и, более того, подозреваемый обязан был сообщить суду такие сведения, которые в полной мере могли подтвердить правдивость сделанного им заявления. Смысл этой новеллы сводился к тому, чтобы признание было бесповоротным, не против воли человека, сделано исключительно перед судом¹. Однако именно при Петре I произошло законодательное закрепление основных правил применения пытки. Однако для ее применения требовалось, что бы суд располагал совершенным подозрением, подтвержденным свидетельскими показаниями предпочтительно человека знатного, который непосредственно наблюдал событие преступления и участие в нем подозреваемого. Достаточным основанием также было наличие показаний двоих свидетелей, не являющихся очевидцами преступления. На рассуждение судейским было отнесено решение о степени тяжести приводимой в действие пытки. Жестокость пытки дифференцировалась в зависимости от принадлежности к определенному сословию². Способы пыток подробно описывались³.

Одного лишь факта получения изобличающих показаний было недостаточно. Вынести обвинительный приговор можно было только тогда, когда обвиняемый по истечении нескольких дней после последней пытки, представ перед судьей, подтвердит свое признание. Закон предоставлял это время для того, чтобы минула болезнь, связанная с пытками. Более того для признания достаточным самооговора, нужно было не только подтвердить его,

---

¹ Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. Т. 4. М., 1986. С. 415.

² Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 96 - 97.

³ Кошель П. История российского сыска. М., 2005. С. 11 - 13.

но и заявить о добровольности признания. Обвиняемый предстал перед судом будучи оправившимся от мучений и его воля подтвердить или опровергнуть в суде самооговор была свободна, так как в судебном разбирательстве в отношении него физическое насилие не применялось. Возможность отречения от самоговора в суде была относительна. Заявление о вынужденном признании под пыткой суд принимал и направлял обвиняемого в пыточную комнату. При этом количество отречений от самоговора могло достигать трех раз. Не сознавшийся обвиняемый присягал на том, что учиненное над ним истязание он обязуется не отмещать ни на ком, затем он передавался на поруки и обязывался явиться по первому вызову и, возможно вновь быть подвергнутым пыткам. Как замечал А.Ф. Кони, слова умирающего от боли человека нельзя расценивать как полноценное признание¹.

Ограничение применения пыток произошло при Екатерине II. Пытки были запрещены в городах, имеющих статус уездных. Признание освобождало от пытки. Основанием для применения пытки были результаты повального обыска. Добытый под физическими муками самооговор уже не расценивался в качестве безупречного доказательства, поскольку позволяла осудить невиновного, слабого телом и духом, и оправдать виновного, который физически и духом крепок².

В начале 19-го века под впечатлением от казни невиновного, оговорившего себя под пыткой, Александр I запретил пытки как «стыд человеческий», что, однако, не препятствовало незаконному сохранению пыточных³.

В Своде законов, принятых в 1857 году, признание в преступлении относилось к числу совершенных доказательств и было достаточным для

---

¹ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Уголовный процесс: нравственные начала. 3-е изд. М., 2008. С. 9.

² Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 108, 110.

³ Владимирова Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: Общая и Особенная. 3-е изд. СПб., 1910. С. 285.

осуждения¹. Поэтому получение признания стало приоритетной задачей следствия. Попали под запрет допросы, проводимые с пристрастием, в ходе которых использовалось истязание. Вместе с тем закон позволял осуществлять расспрос тщательно, прилагать старание для выявления истины, применить методы наблюдения за действиями и смыслом слов обвиняемого². Внесудебное признание, не подтвержденное в суде, признавалось половинным доказательством, если его подтверждали заслуживающие доверия свидетели, и недействительным доказательством – если иных доказательств добыто не было.

В ходе судебной реформы 1864 года официально внедрена состязательность судебного процесса. Однако А.Ф. Кони подмечено, что внедрение состязательности во многом подтолкнуло к незаконному получения признания как главного доказательства на досудебной стадии, поскольку судьи не умели использовать косвенные доказательства, что заводило в тупик даже простые бытовые дела³.

В послереволюционный период необходимость подтверждения вины в преступлении совокупностью доказательств сохранилась⁴, однако захлестнувшая страну преступность заставила отойти от сложившихся ранее правил осуждения. Как отмечал А.Я. Вышинский, в ходе судебного следствия в отношении контрреволюционеров, признательный опрос подозреваемого неизбежно приобретал значение и характер главного доказательства, способного играть решающую роль при оценке доказательств⁵.

Во второй половине тридцатых годов двадцатого века Советское государство захлестнула широкая волна политических репрессий. При проведении судебного разбирательства обязательным условием было добиться сознания обвиняемого. Применение физического насилия при проведении

---

¹ Спасович В.Д. Сочинения. Т. VI. СПб., 1894. С. 31.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. Т. 1. СПб., 1996. С. 35.

³ Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 16, 94.

⁴ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. N 33. Ст. 1313.

⁵ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств. М., 1950. С. 264.

следственных действий стало нормой того времени. Для обвинительного приговора уже было достаточным наличие признания написанного рукой обвиняемого, что оправдывало средства получения такого рукописного текста. В историю вошла фраза, произнесенная И.В. Сталиным во время его обращения к наркому внутренних дел СССР Н.И. Ежову. Сталин сказал, что если враг не признается его надо бить. Ответ Ежова совпадал с мнением вождя и сводился к тому, что бить обязательно надо, если человек не признается¹.

Физическое насилие, как тактика ведения следствия в полной мере вошло в практику следственных органов второй половине тридцатых годов прошлого столетия. Центральный комитет ВКП(б) обозначил государственную позицию по данному вопросу в датированном 10 января 1939 года документе, направленным в партийные комитеты и органы внутренних дел, в котором руководителям этих органов строго предписывалось применять методы силового воздействия вплоть до победы идеи революции. Подобные методы воздействия были направлены против явных врагов революции, которые не сложили оружие. Предпринимаемые в отношении контрреволюционеров меры считались вынужденной целесообразностью².

В текст Конституций РСФСР 1918 и 1925 годов какие-либо нормы, защищающие индивида от незаконного осуждения, не вошли. Конституция 1937 года закрепила независимость судей и подчинение их только закону, неприкосновенность личности. Вместе с тем, на конституционном уровне легитимировано объективное вменение: лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, автоматически объявлялись врагами народа. Право на отказ от самоизобличения как такое отсутствовало. Не появилось оно и в первоначальной редакции Конституции РСФСР 1978 года, несмотря на некоторое расширение каталога основных прав в сфере судопроизводства, в том числе уголовного.

---

¹ Ларин А. Дело наркома Ежова: реабилитации не подлежит // Российская юстиция. 1998. № 8. С. 24 - 25.

² Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность. М., 2000. С. 320.

В послевоенный период разъяснения высших судебных органов СССР и РСФСР обращали внимание судов на необходимость глубокой проверки мотива отказа обвиняемого от ранее им данных показаний. Остро стал стоять вопрос проверки сделанных заявлений о применении в отношении обвиняемого недозволенного метода ведения следствия, способствовавшие получению ложного признания¹. Но вплоть до принятия Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 года конституционное законодательство России не допускало возможности не свидетельствовать против себя, что фактически обязывало лицо доказывать свою невиновность.

В настоящее время положения статьи 51 Конституции Российской Федерации следователи и суды обязаны разъяснять лицам, в отношении которых осуществляется проверка или слушается уголовное дело. Невыполнение данных положений может повлечь признание добытых доказательств недопустимыми. Однако остаются вопросы по реальному применению принципа прямого действия Конституции. Потенциал Конституции в части реализации ее статьи 15 не имеет границ, эта норма не является декларативной, ее буквальное содержание регулярно обогащается правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации².

1.3. Сравнительный анализ реализации конституционного права не свидетельствовать против себя в России и зарубежных странах

Конституционное законодательство большинства стран на современном этапе в качестве гарантий права на защиту предусматривает возможность каждого не давать изобличающих себя показаний. Закрепление данного права в действующих сводах законов развитых и развивающихся государств воспринимается большинством как разумное правило взаимоотношений между обществом и государством. Вместе с тем, заглянув в область

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июля 1969 г. «О судебном приговоре» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924 - 1977. Ч. 2. М., 1978. С. 327.

² Матейкович М.С. Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 26 - 35.

международного права, можно увидеть, что неоднозначным видится отношение к этому праву в правовых нормах зарубежных стран. Правовая природа рассматриваемого предмета отражает его сущность, которая призвана обеспечить защиту личности и выбора его воли от принуждения к самоговору. Максимальное развитие применения этого права в судебных органах каждого государства позволяет им выстроить такую систему, которая не позволит допускать судебные ошибки, связанные с привлечением к ответственности невиновных лиц. Реализация данного конституционного права как регулятора общественных отношений отражает его сущность.

Достижение целей конституционных гарантий обеспечивается отступлением государства от искаженного понимания собственных интересов. Сохранение за каждым обвиняемым возможности принять решение не говорить, не создавать против себя доказательства для государства является важным, поскольку этим государство подчеркнуто относит себя к правовому государству, так как интересы личности, охраняемые Конституцией, находятся выше заинтересованности органов правопорядка в получении важной по делу информации от первоисточника.

Предоставляющее право не давать против себя изобличающих показаний общественное сознание воспринимает как нераздельное с личностью человека право. Вместе с тем, если проанализировать положения ст. ст. 10-11 Всеобщей декларации прав человека, то рассматриваемого права там нет. Сведения об этом можно найти только в Международном пакте о гражданских и политических правах (п.п. «g» п. 3 ст. 14). Данным документом запрещается понуждать давать изобличающие показания, добиваться признания.

Формальный подход к предоставлению гражданам указанного права в нормах международного права не позволяет раскрыть его правовую природу, механизм влияния на национальные законодательства разных государств.

Анализ основополагающих норм международного права, указывающий на отсутствие правовых актов, прямо предусматривающих право человека не свидетельствовать против себя, указывает на то, что на межгосударственном уровне данное право пока не признано абсолютным правом. До настоящего времени единство в понимании необходимости его законодательного закрепления отсутствует.

В отличие от зарубежного законодательства в российской правовой системе на уровне Основного закона страны закреплено право, защищающее каждого от самоговора. При этом указанное право в России активно реализуется в проводимой государством политике по защите конституционных прав граждан. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, рассуждая на тему существования инструмента защиты личности с точки зрения способности контролировать волеизъявление человека, сохраняя бережное отношение к его достоинству, указал, в том числе, на соблюдение состязательности при осуществлении судебных процедур, сохранение принципов презумпции невиновности. По его мнению, совокупность указанных принципов предоставляет человеку право самому выбрать между молчанием, правдивыми показаниями и надуманными версиями. Воля человека в выборе варианта его поведения является главным фактором при принятии им решения¹.

История запрета на использование самоговора как инструмента в руках правосудия уходит в прошлое как в России, так и за рубежом. В Европе это произошло при отказе от инквизиционного суда, когда ордалия (испытания водой, железом или огнем) была заменена на допрос лица, обязанного под клятвой давать правдивые показания (*ex officio*). Общественность европейских стран выступала против отступления от этих правил со стороны судей-

---

¹ Малахова Л.И. Свидетельский иммунитет в уголовном судопроизводстве РФ: проблемы правовой регламентации // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2017. N 1. С. 246 - 252.

инквизиторов, когда при отсутствии улик обвиняемого, давшего клятву, подвергали пыткам¹.

Разделяя данное мнение, судья А. Шайо, рассматривая вопросы, касающиеся российских основ конституционализма, отмечал, что опережающее наделение рядом стран своих граждан правом хранить молчание по сравнению с Россией оправдано богатейшей историей нашей страны, пережившей несколько исторических периодов, где пытки были привычной тактикой ведения допросов, а репрессии – главенствующим фактором, используемым в уголовном судопроизводстве. Избранный российским обществом отказ от использования произвола при осуществлении государственной политики обусловил и включение в Основной закон права на отказ от свидетельствования против себя².

Отказ от самоизобличения – важнейший критерий справедливого судебного разбирательства (статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах статья 14). Общеправовой принцип справедливости едва ли не самым ярким образом проявляется именно в уголовном судопроизводстве³.

Данная позиция нашла свое отражение в двух решениях ЕСПЧ по делам против Франции и Соединенного Королевства. ЕСПЧ распространил принцип справедливости на возможность обвиняемых в судебном заседании не давать показания, изобличающие себя в совершении преступлений. Заполнение правового вакуума в Европейской конвенции, где право на отказ от дачи показаний не закреплено, произошло в процессе правоприменения по делам «Сервес против Франции» и «Саундерс против Соединенного Королевства»,

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 17 декабря 1996 г. по делу "Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства" (жалоба N 19187/91). Отдельное совпадающее мнение судьи Уолша. URL: http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Saunders_v_the_United_Kingdom_17_12_1996.pdf. (дата обращения 23 мая 2024 года).

² Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 2001. С. 15.

³ Ролз Дж. Теория справедливости. Перевод с англ. В.Целищев, В.Карпович, А. Шевченко. Новосибирск: Изд.НГУ, 1995. С. 532.

где ЕСПЧ сослался на право на справедливое разбирательство (ст. 6 Конвенции)¹.

Ряд национальных правовых систем содержат нормы, которыми исследуемое право ограничено. Например, положения ст. 434 Закона о компаниях Великобритании, принятого в 1985 году, возлагают обязанность на лицо в ходе проведения проверки государственным инспектором дать исчерпывающие ответы на вопросы². При этом невыполнение данного требования предусматривает возможность привлечения этого лица, к предусмотренной законом ответственности за неуважение к суду. О суровости наказания за подобное преступление указывает санкция данной статьи, предусматривающая до 2 лет лишения свободы. Особо закрепляется в статье 436 Закона положение, согласно которому изобличающий характер содержания показаний не может являться достаточным основанием отказаться их давать.

Таким образом, уровень защиты от принуждения к самоизобличению в зарубежных странах значительно уступает российским гарантиям. Изучение третьей главы десятого пункта Рекомендаций Комитета министров Совета Европы показало, в частности, что уголовное преследование лиц по делам, связанным с информационными технологиями, позиция органов предварительного следствия имеет приоритетное значение по отношению к правам подозреваемых, обвиняемых. Рекомендовано уполномочить их отдавать приказы лицам, обеспечивающих контрольные функции за системами в области компьютеризации. Им следует делиться всей важной информацией, необходимой для осуществления свободного доступа к данным, хранящимся в указанной компьютерной системе. Ответственные лица обязаны сотрудничать с властями, предоставлять запрашиваемые данные, включающие

---

¹Постановление ЕСПЧ от 2 октября 1997 г. "Сервес (Serves) против Франции" (жалоба N 20225/92). URL: http://european-court.ru/uploads/ECHR_Serves_v_France_20_10_1997.pdf (дата обращения 15 января 2024 года).

² Companies Act 1985. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/6/contents> (дата обращения 14 января 2024 года).

информацию о возможном изобличении самих этих лиц в противоправных действиях, что в будущем может служить доказательством против представивших эти сведения лиц. Соответственно формат информационных отношений в Европе, по существу, не предусматривает права на отказ от самоизобличения и раскрытия компрометирующей подозреваемого, обвиняемого информации.

Порядок допроса свидетеля в ФРГ предусматривает ответственность свидетеля, отказавшегося давать показания, не объяснив мотивы своего решения. Мерой воздействия к такому свидетелю является применение к нему ареста. Государство такими методами склоняет свидетеля к даче показаний. Похожая правовая норма содержится в Своде законов США (раздел 18, параграф 3144).

США, ФРГ и Франция, закрепляя законодательно принуждение к даче показаний, ставят в зависимость предоставления права не свидетельствовать в отношении себя от степени общественной опасности совершенного и расследуемого деяния. По отдельным преступлениям, которые, по мнению властей, представляют повышенную общественную опасность, интерес государства в борьбе с такими преступлениями выходит на приоритетный уровень, что дает возможность ограничивать права граждан. Таким образом, реализация одного из основополагающих прав личности ставится в зависимость от фактических обстоятельств дела и юридической оценки действий привлекаемого к ответственности лица. При этом судебная власть Франции по делу в отношении Сервес исходила из оправданности принуждения свидетеля к даче показаний, которые должны быть правдивыми. В своей позиции по указанному делу, власти отрицали, что метод принуждения использован для оказания влияния на свидетеля для самооговора

им себя¹. Подобная ситуация имела место также в Ирландии (дело «Хини и Макгиннесс против Ирландии»)².

Отсутствие единства в европейском законодательстве и судебной практике породило серьезную дискуссию даже в рамках достаточно консервативного и тенденциозного ЕСПЧ. Судья ЕСПЧ З.К. Мартенс, рассматривая дело «Саундерс», мотивируя свое особое мнение, указал на следующие аспекты. По его мнению, молчание – это выбор действия (бездействия), а потому является предоставленным человеку правом. Возможность не давать изобличающих себя показаний это не выбор человека, а позиция по делу, определенная избранной им линией защиты от обвинения. Такая возможность именуется привилегией. Сравнить права и привилегии невозможно, так как это глубоко разные категории, соответственно, абсолютным право не свидетельствовать в отношении себя не является³.

Многие зарубежные коллеги разделяют позицию судьи Мартенеса. Приверженцы такого подхода исходят из того, что понуждение к даче показаний с применением мер процессуального принуждения не является склонением к самооговору. В компетенцию судов всех уровней входит обязанность осуществления судебного контроля, свободной оценки доказательств, а потому судебная система обладает всем комплексом полномочий для предоставления гарантий от самооговора.

Отрицая необходимость предоставления конституционных гарантий права не давать показания, которыми лицо изобличает себя в совершении противоправных действий, они обращают внимание на достижения современного общества, в котором уже нет места пыточным комнатам, не

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 2 октября 1997 г. "Сервес (Serves) против Франции" (жалоба N 20225/92) // http://eur01courts.eu/uploads/ECHR_Serves_v_France_20_10_1997.pdf, (дата обращения 15 января 2024 года).

² Постановление ЕСПЧ от 21 декабря 2000 г. "Хини и Макгиннесс (Heaney and McGuinness) против Ирландии" (жалоба N 34720/97). URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\"itemid\":\[\"001-59097\"\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{\), дата обращения 15 января 2024 года).

³ Постановление ЕСПЧ от 17 декабря 1996 г. по делу "Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства" (жалоба N 19187/91). Особое мнение судьи Мартенса // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461492/>. (дата обращения 15 января 2024 года).

применяются ранее казавшиеся действенными Средневековые методы и инквизиционные приемы ведения процесса. По этим причинам они не видят актуальности в предоставлении подобных гарантий, которые, к тому же, и не закреплены в международных правовых нормах.

Интересной, с точки зрения подхода к обсуждаемой проблеме, является позиция судьи Мартенса, согласно которой он не расценивает понуждение обвиняемого к сделке с органами расследования проявлением недозволенных методов следствия со стороны государства. Он считает, что сознание подсудимого в причастности к преступлению не ухудшает его правовое положение. Свое видение этого вопроса аргументирует тем, что принуждение к даче правдивых показаний не отличается от того, что обвиняемого обязывают представить образцы мочи, почерка, ДНК или крови, когда действия этого лица также не в полной мере зависят от его воли.

В особом мнении судьи Н. Валтикос приводится позиция о том, что реализуемый способ защиты прав подозреваемых существенно влияет на обеспечение провозглашенного равенства прав участников процесса: потерпевший обязан давать показания, а подозреваемый нет, тем самым стороны оказываются в неравном правовом положении. Данный подход, по мнению Н. Валтикос, не способствует профилактике преступлений и повышению уверенности общества в своей защищенности от преступных посягательств¹.

Схожей позиции придерживается судья З.К. Мартенс, который не ставит под сомнение необходимость соблюдения, гарантированный каждому прав, но в своем особом мнении подчеркивает, что важность установления обстоятельств дела и виновности лиц, совершивших противоправное деяние, должно иметь первостепенное значение. Создание дополнительных условий для признания допустимым доказательством показаний подозреваемого,

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 17 декабря 1996 г. по делу "Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства" (жалоба N 19187/91). Особое мнение судьи Валтикоса. // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461492/>, (дата обращения 15 января 2024 года).

предоставляет ему защиту от обвинения, дает возможность уйти от предусмотренной законом ответственности. Несвойственная функция государства, обеспечивающая необоснованное попечение над преступниками, снабжение их льготами для построения защиты от обвинения, негативно оценивается обществом. Потребность людей жить в государстве, в справедливость которого они верят, стоит выше, чем заигрывание с преступниками. Им предлагается на уровне национальных законодательств, предусмотреть способы, которыми лица, подвергнутые уголовному преследованию, могут быть принуждены к даче изобличающих себя показаний. Полномочия по контролю соразмерности примененных методов воздействия должны быть переданы судам и международным организациям.

Правотворческая деятельность законодательных органов некоторых государств базируется там, где эта деятельность нужна государству в первую очередь. Повышенная общественная опасность ряда преступлений, связанная с наступившими последствиями, особой сложностью их раскрытия, влияет на подход законодателя к определению тяжести таких преступлений. Примером тому могут служить общественно опасная деятельность, направленная против здоровья населения и жизни, изготовление, последующее хранение, а также сбыт поддельных денег, кражи, совершенные карманниками из одежды при потерпевшем, тяжесть которых определена как раз с учетом их последствий и латентности.

Соответственно борьбе с преступлениями, наносящими существенный урон национальной безопасности, государство уделяет особое внимание. Например, пятая поправка к Конституции США, которая составляет часть Билля о правах, действует в США с 15 декабря 1791 года, предоставляет право не свидетельствовать против себя. Вместе с тем применение данной поправки в США ограничено категориями совершенных преступлений и сложностью расследования таких уголовных дел. Верховный суд США, создавая один из важных прецедентов, вынес свое решение, которым ограничил действия

данной поправки в Конституцию США. При рассмотрении дела «Бразвилль против Соединенных Штатов», которое состоялось 1 марта 1988 года, суд установил повышенную степень общественной опасности преступления, совершенного в сфере экономической безопасности государства. В решении суд указал на то, что основная часть доказательств по делам об экономических преступлениях содержатся в письменных документах. В отсутствие таких документов проведение расследования невозможно. По этим причинам лицо, которому принадлежат документы, обязано выдать их следственным органам, так как иначе эффективно применить федеральные законы, а также законодательство штатов нельзя, и государство будет бессильно в борьбе по противодействию подобным преступлениям.

Судебная система США в вопросах о праве не изобличать себя уделила большое внимание механизму реализации этого права. Верховным судом США разъяснен порядок действий по реализации гарантированного пятой поправкой к Конституции данного права. В частности, предписывается уведомлять задержанное лицо о его праве молчать. Сотрудник полиции обязан разъяснить, что все сказанное при задержании может быть использовано против задержанного. Гражданин обеспечивается адвокатом, которого пригласит сам задержанный, или его следует обеспечить за счет средств государства. Главная идея этого судебного решения заключается в том, что гражданин должен реализовывать свое право добровольно, осмысленно и осознанно (Миранда против штата Аризона 1966 июнь 13)¹.

Приведенное решение Верховного Суда США, позиции европейских судей наглядно показали, что в практике зарубежных стран исследуемое в работе право не является абсолютным, незыблемым и бесспорным. Более того, данное право хотя и признается одним из ведущих при отправлении правосудия, но не везде оно имеет закрепление на уровне основного закона. Примером может служить Канада, где указанное положение применяется на

---

¹ Маклаков В.В. Конституции зарубежных стран: учебное пособие 8 - е издание М., 2012. С. 554-555

практике, но не закреплено в актах, образующих некодифицированную конституцию страны, включая Канадскую хартию прав и свобод.

Отсутствуют рассматриваемые положения в отраслевом законодательстве Австралии, как и в основном законе Австралийского Союза. При этом Австралийский Высокий Суд ввел список основных гарантий, включая право, защищающее от самооговора¹.

Присутствует право на защиту от самооговора в отраслевом законодательстве Швейцарии, Франции, а также на уровне основного закона Испании².

В большинстве стран бывшего СССР право не давать показания в отношении себя входит в основные принципы судопроизводства. По такому пути развивается процессуальное право в Грузии и Туркменистане. Принцип соблюдения и охраны прав привлекаемого к уголовной ответственности лица, обеспечивает в Республике Беларусь предоставление обвиняемому возможность не давать показания. Подобным образом обстоят дела и в Республиках Таджикистан и Кыргызстан.

В ряде зарубежных стран право обвиняемого не давать показания, то есть отказаться от дачи показаний, конкретизировано с учетом того, как вправе поступить обвиняемый. Данное уточнение на законодательном уровне имеет существенное значение, поскольку подробно объясняет линию правомерного поведения, подвергнутого уголовному преследованию человека. Так, обвиняемый или подозреваемый вправе не посвящать сотрудников правоохранительных органов о сведения, известные ему относительно своего участия в преступлении или об участии в нем иных лиц. Он вправе путем

---

¹ Вахтинская Е.М. Основные черты гражданского процесса Австралии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 49.

² Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для вузов. 17-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2013.С. 520.

молчания скрывать информацию как реабилитирующую его, так и изобличающую его в причастности к преступлению¹.

В Конституции ФРГ нет упоминания о запрете применения к подозреваемому принуждения к участию в сборе доказательств, уличающих в причастности к совершению деяния. Вместе с тем данное право опосредованно закреплено в имеющем прямое действие конституционном принципе по соблюдению неприкосновенности достоинства, присущего человеку и гражданину (ст. 2, абз. 1). Конкретизация данного принципа происходит в текущем законодательстве. Параграф 55 первого абзаца уголовно-процессуального закона ФРГ предоставляет свидетелю право не предоставлять о себе сведения, если в результате его ответа будет создана угроза для него в виде преследования за нарушение общественного порядка или за совершение преступления. Процессуальный закон также обязывает до начала первого допроса разъяснить обвиняемому право отказаться от дачи по существу обвинения показаний, довести до него положения закона о возможности получить консультацию адвоката, заявлять ходатайства о сборе доказательств, с целью доказать невиновность (§ 136 абз. 1 предл. 2, 3, § 163а, абз. 3 предл. 2, абз. 4 предл. 2). Запрещает закон применить в отношении подозреваемого принуждения и иные методы, которыми могут быть ущемлены свобода и воля в принятии решения с целью получения доказывающих вину показаний (§ 136а (абз. 1, абз. 2)). При судебном рассмотрении дела подсудимый должен знать, что он сам решает, давать показания или нет (§ 243 абз. 5 предл. 1). Уголовно – процессуальный закон предусматривает недопустимость при использовании незаконно добытых показаний при доказывании виновности в совершении преступления (§ 136а (абз. 3 предл. 2) и др.)².

---

¹ Ильютченко Н.В. Принцип *nemo tenetur se ipsum accusare*: сравнительно-правовой анализ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 3. С. 45 - 46

² Головненков В., Спицына Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam, 2012. С. 39.

Рассматриваемое право, связанное с предоставлением лицу возможности не выдавать сведения, которые при возникновении определенных обстоятельств могут создать неблагоприятные последствия, является эффективной гарантией прав и свобод¹. По этой причине данное право включает возможность не только не сообщать сведения о себе, но и не сообщать сотрудникам правоохранительных органов всякую их интересующую информацию, которая в дальнейшем может быть задействована при формировании доказательной базы обвинения².

В целом фактическое содержание рассматриваемого права значительно шире его буквального смысла. Это возможность не давать показания, не содействовать органам правопорядка в сборе необходимой информации для раскрытия и расследования деяния. Единственным ограничением для реализации этого права является только соблюдение законных рамок своего поведения. Отказавшись от дачи показаний, обвиняемый вправе не предоставлять сотрудникам полиции доказательства своей причастности к преступлению³. Правоохранительным органам не позволено с помощью самого подозреваемого добывать доказательства его виновности в преступлении. Обвиняемый вправе отказаться выступить статистом при проведении опознания, выйти на место преступления с целью подтверждения ранее данных им показаний, принять участие в следственном эксперименте, в котором могут быть проверены высказанные им версии происшедшего. По этим причинам в зарубежных странах привилегия недопущения самоговора построена на том, что кроме права сохранять молчание, предоставляется возможность не выдавать правоохранительным органам другие изобличающие

---

¹Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=48286> (дата обращения 5 декабря 2023 года).

²Постановление Европейского суда по правам человека от 17 декабря 1996 г. по делу "Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства" // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461492/>, (дата обращения 15 января 2024 года).

³Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. N 6-П "По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова" // СЗ РФ. 2001. N 23. Ст. 2408.

данное лицо доказательства, в том числе разные документы или иные предметы, содержащие в себе информацию, касающуюся предмета доказывания¹.

В Швейцарии сотрудники полиции и прокуратуры обязаны до начала первого допроса на доступном для понимания языке довести до подозреваемого информацию о наличии права не давать показания, а также отказаться от содействия следствию².

В Казахстане, Азербайджане, Армении обвиняемому предоставлено право не принимать личное участие в процессуальных действиях, которые могут быть направлены на поиск доказательств его виновности. Закон запрещает принудительно обязывать лиц, попавших под подозрение не только давать показания, но выдавать интересующие следственные органы документы или принуждать это лицо к какому – либо содействию следствию.

Аналогичным образом процессуальное законодательство Республик Азербайджана и Казахстана регулирует вопросы реализации данного права.

В целях соблюдения принципа процессуальной экономии в некоторых государствах введено на законодательном уровне правило считать доказанным факт совершения противоправного деяния в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Значительное число преступлений в этой области способствовало тому, что в Испании, Великобритании, Франции, Бельгии, Швейцарии владелец транспортного средства признается автоматически виновным в совершении правонарушения, если он сам не вызовется доказывать свою невиновность. Следует сказать, что этот опыт, получивший широкое распространение во многих государствах признан положительным и

---

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 25 февраля 1993 г. по делу "Функе (Funke) против Франции" (жалоба N 10828/84). § 44 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 790.

² Трефилов А.А. Новый Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии: комментарий и перевод. М.: НИПЦК Восход-А, 2011. С. 83.

с 2008 года внедрен в России. Подобную практику поддержал Конституционный Суд РФ¹, а также признал правомерной Европейский суд².

Реализация права не давать изобличающие себя показания является различной в странах с разными системами права. В странах общего права, к которым относятся Соединенные Штаты Америки, в случае согласия подсудимого давать показания при его допросе применяются правила допроса лица в качестве свидетеля. При этом подсудимый будет нести ответственность за дачу им показаний, которые заведомо для него будут содержать ложные сведения. Кроме того, согласившись дать показания, подсудимый уже не вправе отказаться отвечать на поставленные ему вопросы, если он не желает на них отвечать³. В России как стране, отвечающей критериям континентальной системы права, обвиняемый вправе не давать показания в отношении себя, им могут быть выдвинуты различные надуманные версии, которые подлежат проверке правоохранительными органами. При этом он не подлежит уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний⁴.

Как видно из приведенных законоположений зарубежных стран, фиксация привилегии против самоизобличения, прежде всего, направлена на обеспечение справедливого судебного разбирательства. Тем самым снижается риск судебной ошибки, предупреждаются недозволенные методы ведения расследования преступлений. Проведение справедливого следствия, в котором стороны равны перед законом, способно обеспечить максимальную защиту достоинства лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

---

¹ Постановление Большой палаты Европейского суда от 29 июня 2007 г. по делу "О'Халлоран и Фрэнсис против Соединенного Королевства" (O'Halloran and Francis v. United Kingdom). § 53 - 63 // <https://base.garant.ru/5732391/>, (дата обращения 15 января 2024 года).

² Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. N 64-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Еременко Анатолия Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 1.5 и примечанием к статье 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=258831> (дата обращения 14 ноября 2023 года).

³ Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. N 6. С. 31 - 37.

⁴ Багдасаров Р.В. Принцип состязательности в уголовном процессе России и стран Европейского союза. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 140.

Рассматриваемое право и гарантии его реализации - показатель перехода правовых систем государств на новый цивилизованный подход в области уголовной политики, избавления от инквизиционных, репрессивных, политических и классовых методов ведения судебного разбирательства, обеспечения принципа справедливости во всей общественной жизни, включая сферу уголовного преследования.

При этом на межгосударственном уровне право не свидетельствовать против себя еще не стало общепризнанным стандартом, не отнесено к числу фундаментальных, не признано ценностью.

Таким образом, содержание права не свидетельствовать против себя в отечественном конституционализме является беспрецедентным, поскольку оно абсолютно, ничем не ограничено. Тогда как в конституционном законодательстве США, стран Европы допускается обязанность лица раскрывать информацию о своем участии в налоговых преступлениях, преступлениях в сферах высоких технологий, экономических преступлениях, а также действиях, посягающих на национальную безопасность.

ГЛАВА 2. Право не свидетельствовать против себя в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации

2.1. Постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации: толкование статьи 51 Конституции Российской Федерации, правовые позиции

Главенствующая роль Конституции Российской Федерации в системе права, ее неукоснительное соблюдение, основанное на авторитете Основного закона, является существенным условием для гармоничного поступательного развития государства и права в стране, построения правового государства.

Современное развитие государства обеспечивается эффективным действием всех трех ветвей власти. При этом ведущая роль в обеспечении устойчивой государственности отведена судебной системе. Возникающие вопросы по применению судами Конституции Российской Федерации представляют наибольший интерес у практиков и ученых. При этом судебная практика непосредственного применения Конституции не имеет единообразного подхода. Это касается оценки соответствия Основному закону актов текущего законодательства, регулирующих спорные правоотношения¹. В.В. Ершов отметил, что в условиях реформирования судебной системы правового государства основной проблемой является принятие колоссального количества законов и подзаконных актов, имеющих существенные противоречия. Устранение выявленных коллизий, безусловно, усиливает в процессе правоприменения юридическую защиту граждан и юридических лиц.

Прямое действие Конституции Российской Федерации, ее непосредственное применение при разрешении споров длительно дискутируются учеными и практикующими юристами. Особую сложность

---

¹ Умнова (Конюхова) И.А., Алешкова И.А. Применение Конституции Российской Федерации судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики: монография. М.: РГУП, 2016., С. 184.

вызывает вопрос о рамках полномочий судов общей юрисдикции в вопросах применения Основного закона.

Возможность Конституции оказывать воздействие на общественные отношения непосредственно закреплена в основных законах Болгарии, Польши, Казахстана и других стран. В странах, где отсутствует данное конституционное положение, предполагается соблюдение конституционных гарантий без каких-либо оговорок и условий.

В России понятие прямого действия Конституции и возможность ее непосредственного применения появилась сравнительно недавно. В советский период теория раскрывала три традиционных способа применения основного закона: соблюдение, использование, а также исполнение¹.

Применение основного закона в жизни государства и общества невозможно без наличия механизмов, способных реализовать эту возможность, обеспечить соблюдение конституционных гарантий. При этом закрепление в Конституции отдельных положений, которые максимально отражают запросы общества, само по себе решает вопрос о неукоснительном их соблюдении. В большей степени исполнение основного закона находится в зависимости от политической ситуации, уровня развития общества, сложившихся традиций, правовой культуры. Условия и способы, обеспечивающие конституционные гарантии, создают механизм реализации Основного закона. В него входит круг субъектов и объектов охраняемых правоотношений, способы и условия реализации конституционных гарантий. Соответственно способ реализации конституционных гарантий подразделяется на опосредованное применение конституционных норм и непосредственное их применение, то есть прямое действие Конституции.

К непосредственному действию норм Основного закона отнесены такие нормы, которые могут быть применены с помощью конституционных средств

---

¹ Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права: Учеб.-метод. пособие. М.: Норма, 1999. С. 440.

и других правовых норм, способствующим их реализации. Действие конституционных норм, применяемых с учетом их уточнения и доработки в других нормативно-правовых актах, следует признавать опосредованным. Подобная доработка обеспечена правовыми нормами, издаваемыми в отраслях права, в которых подлежит применению положение Конституции¹.

Вместе с тем непосредственное действие Основного закона не должно восприниматься в качестве единственного способа реализации конституционных норм. Как отмечал Б.И. Кожохин, помощь при применении Основного закона и реализации включенных в него гарантий должна быть оказана совокупностью моральных и этических, правовых, а также политических норм и правил, применяемых в стране².

По мнению Н.С. Малеина, нормы Основного закона, которые нуждаются в закреплении в законодательных актах других отраслей права, следует также признавать правовыми нормами с прямым действием, поскольку данные нормы являются основой всего законодательства, которое не должно входить с Конституцией в противоречия³.

В.В. Невинский обращал внимание на совокупный учет других обстоятельств, которые могут создать ограничения для применения конституционных норм. В Конституции имеются предусмотренные самим Основным законом ограничения и оговорки, преодоление которых возможно только с помощью специальных процедур или при создании определенных в законе условий⁴.

По общему правилу, под прямым действием Конституции Российской Федерации понимается возможность применения конституционной нормы без издания нормативно-правовых актов, конкретизирующих соответствующее

---

¹ Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. С. 192.

² Кожохин Б.И. Некоторые особенности реализации российской Конституции // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология, право. СПб., 1996. Вып. 2. С. 87 - 93.

³ Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 33.

⁴ Невинский В.В. Конституция Российской Федерации: испытание мировым опытом // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 73, 74.

правовое предписание. Однако по своему содержанию конституционные нормы характеризуются высокой степенью обобщения своих предписаний и не всегда могут быть эффективно реализованы непосредственно¹.

В настоящее время актуальность проблемы прямого применения конституционных норм возрастает. Как отмечал В.В. Невинский, юридические последствия прямого применения судами Конституции очень значимы и в наибольшей степени способны обеспечить защиту прав вовлеченных в судебный процесс участников². В.В. Ершов считает, что реальное соблюдение прав и свобод человека возможно именно при непосредственном применении Конституции как при разрешении дел судами, так и при осуществлении судебного конституционного контроля³.

Конституционное судопроизводство способно разрешить многие спорные ситуации, возникающие во взаимоотношениях органов государственной власти, погасить конфликты путем разрешения жалоб, поступающих от граждан, не согласных с ограничением их прав. Способность на уровне судебного решения признать правовые акты неконституционными позволяет Конституционному Суду, раскрыв смысл Основного закона применительно к спорным правоотношениям, устранить возникший конфликт. В связи с этим имеющий высшую юридическую силу государства судебный акт выполняет важные государственные функции по обеспечению соблюдения гражданских прав, устраняет имеющиеся дефекты в актах текущего законодательства.

Роль Конституционного Суда в обеспечении бережного отношения к конституционным нормам на территории Российской Федерации неопределима. Он формулирует правовые позиции, раскрывающие конституционный смысл

---

¹ Гриценко Е.В. Формирование доктрины прямого действия Конституции в российском конституционном праве // Государство и право. 2015. № 6. С. 5 - 18.

² Невинский В.В. Конституция Российской Федерации: Испытание мировым опытом // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 73, 74.

³ Ершов В.В. Прямое действие Конституции Российской Федерации: от решения Пленума Верховного Суда РФ до Постановления Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 36.

правовых норм, примененных в конкретном деле. Тем самым конституционные нормы приобретают реальное, обязательное для правоприменителя содержание.

В качестве правовой позиции рассматривается часть суждения в мотивировочной части решения Конституционного Суда. Исключительно его вывод, в котором раскрывается правовое понимание конституционно-правовой нормы¹. Иная точка зрения: к правовой позиции относится не только итоговая позиция о соответствии или несоответствии рассматриваемого законодательного акта конституции, но и мотивировка решения, аргументы Суда².

Еще одно определение правовой позиции сводится к нормативному интерпретационному установлению, которое стало следствием конституционного толкования, явилось аргументом в пользу принятия итогового судебного решения, несет в себе обязательный для всех характер. В позиции выражено правовое понимание судом конституционных принципов и правовых норм, включающих в себя признанные международные нормы права, а также конституционный и правовой смысл оспариваемого нормативно-правового положения. Этой позицией разрешается проблема применения конституционной нормы³.

Существует понимание правовой позиции как оценочного суждения Конституционного Суда относительно повторяющейся в практике проблемной ситуации с наличием противоречий между подлежащими применению законодательными актами⁴.

---

¹ Маврин С.П. Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2010. N 4. С. 12 - 18.

² Стрекозов В.Г., Астахова Т.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: Сб. науч. тр. Казань, 2006. С. 47, 48.

³ Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М., 1998. С. 246 - 248; Анишина В.И. Правовые позиции Конституционного Суда России // Российская юстиция. М., 2000. № 7. С. 11; Гаджиев Г.А., Пепеляев С.Г. Предприниматель - налогоплательщик - государство: Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. М., 1998. С. 56, 64.

⁴ Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М.: Юринформцентр, 2000. С. 73.

Представители науки конституционного права, изучая правовые позиции, их сущность и природу, спорят относительно отнесения позиций к правовым нормам. При этом некоторые ученые выражают уверенность в том, что решения Конституционного Суда Российской Федерации несут в себе правотворческую сущность. Высказываясь по данному вопросу, Н.В. Витрук отметил, что выработанная правовая позиция является выводом Конституционного Суда, результатом толкования Конституции, ее интерпретации, придания конституционно-правового смысла представленным на конституционную проверку объектам. Осуществляя сопоставление объекта исследования с нормами конституционного права и принимаемыми решениями, снимается конституционно-правовая неясность. Результат данного исследования является основанием для принятия итогового решения Конституционного Суда Российской Федерации¹.

Использование решения Конституционного Суда в качестве прецедента позволяет, по мнению В.В. Лазарева, относить принимаемые им постановления и определения к источникам права². Данную точку зрения разделяет Г.А. Гаджиев³.

Л.В. Лазарев и В.А. Кряжков высказали суждение о том, что решения Конституционного Суда при формировании отдельных позиций, подлежащих обязательному применению, закладывают ориентиры, наделенные юридическим смыслом. Такие позиции формируются на основе резолютивной и мотивировочной частей решения Конституционного Суда⁴.

---

¹ Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. М.: Юрист, 2005. С. 122.

² Лазарев В.В. Учет решений Конституционного Суда Российской Федерации в законодательной деятельности // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всеросс. совещания (Москва, 22 марта 2001 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и С.Е. Андреева. М.: Формула права, 2001. С. 93.

³ Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. 1999. № 3. С. 82.

⁴ Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Указ. соч. С. 248.

В юридической литературе высказано и противоположное мнение: принятые постановления или определения Конституционного Суда приравниваются к установленному юридическому факту, при этом последствия для нормативно-правового акта, имеющего несоответствие с Основным законом, не связаны с вышеуказанными решениями. Противоречащая Конституции норма отменяется другим законом, но не решением этого суда, поэтому следует признавать данные последствия прямым действием Конституции Российской Федерации¹.

Е.А. Ершова утверждает, что пробел в законодательстве действительно может быть восполнен, но суд не полномочен что-либо добавлять, суд вправе лишь дать толкование правовой норме. С учетом этого суд, являясь органом, применяющим право, признает спорную норму неконституционной и применяет в разрешении правового спора норму, обладающую более высокой юридической силой. При этом правотворческий орган должен это решение исполнить и совершить действие, направленное на признание этой нормы утратившей силу².

Согласимся с теми правоведом, кто полагает, что судебный акт Конституционного Суда обладает всеми признаками нормы права, а потому вполне может быть отнесен к источникам права. Этот вывод основан на том, что решение Конституционного Суда обязательно для каждого субъекта права, действие данного решения распространяется на всю территории государства, применение этого решения не ограничивается разрешением одного дела, а имеет преюдициальное значение для разрешения всеми судами аналогичных ситуаций дальнейшем.

При этом отмечаем, что принимаемые Конституционным Судом решения имеют двойное правовое значение. Фактически Суд применяет нормы

---

¹ Нерсесянц В.С. У российских судов нет права творческих полномочий // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 107 - 112.

² Ершова Е.А. Юридическая природа правовых позиций Конституционного Суда РФ // Российский судья. 2005. № 2. С. 12.

Конституции Российской Федерации и дает разъяснения смысла конституционных норм, тем самым фактически осуществляя конституционное правотворчество.

По сути, решения Конституционного Суда Российской Федерации приравнены по своей юридической силе к самой Конституции. Данную точку зрения разделяет В.Д. Зорькин, об этом высказывались М.В. Баглай и Н.В. Витрук¹. Применяя решение Конституционного Суда Российской Федерации, необходимо исходить из присущей ему высшей юридической силы.

Требование о непосредственном применении Конституции Российской Федерации обязательно для исполнения всеми судами, осуществляющими независимую власть в рамках полномочий, определенных законом, и с учетом предусмотренных форм производства².

Сам Конституционный Суд не вмешивается в судопроизводство по конкретному делу, не отменяет решение суда, с которым не согласен заявитель, не проверяет допустимость доказательств, положенных в основу постановленного приговора, не разъясняет нормы законодательства применительно к конкретному делу, ибо разрешение данных вопросов требует исследования фактических обстоятельств конкретного дела и выходит за рамки полномочий Конституционного Суда³.

Анализ правовых позиций Конституционного Суда, выраженных относительно процессуального законодательства, позволяет раскрыть содержание права не давать изобличающих себя показаний в ходе предварительного следствия, а также в период осуществления в отношении данного лица оперативно-розыскных мероприятий, включающих в себя опрос

---

¹ Витрук Н.В. Верность Конституции. М.: РАП, 2008. С. 3.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 N 19-П "По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации". <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=19163> (дата обращения 11 октября 2023 года).

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2021 года № 390-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лешукова Анатолия Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьями 189, частью пятой статьи 193, статьями 202 и 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=660982> (дата обращения 12 октября 2023 года).

обвиняемого или подозреваемого. Позиции Конституционного Суда нашли отражение в решениях Верховного Суда в виде оценки доказательственной допустимости сведений, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий¹.

Использование сведений, полученных сотрудниками полиции в ходе оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) негласного характера, - предмет длительных споров в литературе.

Главным критерием допустимости таких доказательств является, и это признают все, соблюдение при проведении данного мероприятия прав лица, попавшего в орбиту ОРМ. Конечно, статус обвиняемого не препятствует проведению в отношении него негласных ОРМ. Наоборот, цель этих мероприятий - выявление преступлений, установление причастности лица к преступлению и реализация в отношении него возможности уголовного преследования. Поэтому процессуальный закон наделяет результаты оперативно-розыскной деятельности доказательной силой. Большинство таких мероприятий осуществляется на основе письменных поручений следователя, в случаях потенциального риска для конституционных прав и свобод – на основе судебного решения. Негласный характер ОРМ нивелирует такой риск. В свою очередь риск незаконного использования результатов такого опроса для самого опрошенного нивелируется нормам Конституции. Результаты опроса лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в том числе потенциально, являются сведениями об источниках тех фактов, которые, во-первых, должны быть получены в соответствии с соответствующим законом и, во-вторых, приобретают доказательственное значение после надлежащего процессуального закрепления и фиксации данного доказательства по уголовному делу. По этой причине должно существовать понимание важности

---

¹ Семенцов В.А. О недопустимости использования в доказывании сведений, полученных при негласном опросе подозреваемого, обвиняемого // Уголовное право. 2018. № 4. С. 118 - 121.

этого вопроса¹. Конституция в данном случае проявляет как свое прямое действие через положения части 1 статьи 49, части 2 статьи 50, статью 51, так и через уголовно-процессуальный закон, принятый на ее основе. Опрос подозреваемого, игнорирующий требования Основного закона с точки зрения доказывания ничтожен, ибо ведет к умалению достоинства личности².

Прямое действие Конституции дает должные гарантии права на отказ от самоизобличения уже на стадии ОРМ, когда уголовное преследование еще не осуществляется³.

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 N 18-О "По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=8328> (дата обращения 4 мая 2024 года), Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2010 N 1487-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клещ Елены Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 75 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=168902> (дата обращения 27 августа 2023 года), Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 N 167-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лункина Вячеслава Владимировича и Лункина Виталия Владимировича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 11 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", пунктом 4 части второй статьи 38, частью первой статьи 86 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=254797> (дата обращения 21 марта 2023 года), Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 N 1112-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агаева Руслана Солтанбековича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части первой статьи 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=284180> (дата обращения 11 июля 2023 года), Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 N 286-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тененбаума Алексея Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=383201> (дата обращения 7 августа 2023 года), Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 N 1198-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Пронкиной Марины Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктами 4 и 6 части первой и частью третьей статьи 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=401281> (дата обращения 29 сентября 2023 года), Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2014 N 2557-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мязиной Марии Юрьевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 6 и 15 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" и статей 170, 176, 177 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=412954> (дата обращения 25 июля 2023 года), Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 N 1507-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусака Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6, статьей 7 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=432681> (дата обращения 14 ноября 2023 года),

² Определение Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. N 211-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" // СЗ РФ. 2000. N 10. Ст. 1164.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2005 г. N 473-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: Дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати. 2006. N 5. С. 36 - 41.

Как неоднократно разъяснял Конституционный Суд, право не давать изобличающих себя показаний гарантируется в независимости от правового положения лица в уголовном судопроизводстве. Юридически важно любое состояние лица, подвергаемого реальному риску умаления его прав и достоинства: доставление в распоряжение органа уголовного преследования, привод, водворение в изолятор временного содержания и т.д. Конституция охраняет своим действием, включая прямое действие, любое лицо, в отношении которого проводятся мероприятия, направленные на его изобличение¹.

Проведение негласных мероприятий не предполагает обязательного участия защитника, поскольку такие действия осуществляются в условиях режима конспирации и секретности². По этой причине возможно, в частности, проведение негласного мероприятия в виде опроса с применением скрытой видеосъемки. Однако отсутствие у подозреваемого реальной возможности в условиях такого опроса отказаться от самоизобличения исключает использование полученных сведений в качестве доказательств по делу.

Изобличающие сведения могут быть получены не только в ходе мероприятий, проводимых в форме процессуального (оперативно-розыскного) «интервью» - допросов, опросов и т.п. Такие сведения могут быть добыты при осмотре: личном, места происшествия, предметов и т.д. Участником такого мероприятия не всегда является лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Более того, в отличие от обвиняемого, подозреваемого свидетель, по общему правилу, не только не обладает правом на отказ от показаний, но и предупреждается об уголовно-правовых

---

¹Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. N 327-О "По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=55925> (дата обращения 28 ноября 2023 года).

²Определение Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2007 г. N 342-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жерноклеева Павла Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=40661> (дата обращения 28 ноября 2023 года).

последствиях такого отказа. Однако в том случае, если от свидетеля требуется предоставление сведений либо выдача предметов, подтверждающих его причастность к преступлению, он вправе не предоставлять такие сведения и не выдавать такие предметы¹.

По уголовным делам, связанным с безопасностью дорожного движения, оспаривается конституционность положений закона, обязывающих водителей сотрудничать с правоохранительными органами, сохранять следы на месте дорожно-транспортного происшествия (ДТП), а также давать пояснения относительно своего участия в происшествии. Здесь нет исключений, препятствующих прямому действию нормы статьи 51 Конституции Российской Федерации. Должностные лица обязаны в каждом случае при проведении расследования ДТП разъяснить его участникам право не давать изобличающих себя показаний, отказаться от предоставления иных доказательств, связанных с данным происшествием. В противном случае эти сведения как полученные под принуждением не могут быть использованы судом в качестве доказательств виновности по уголовному делу².

В отдельных случаях самоизобличение ведет к освобождению от уголовной ответственности, в частности, при добровольной выдаче огнестрельного оружия, приобретенных без цели сбыта наркотических средств и т.д. Соответствующие нормы стимулируют обладателя предмета, запрещенного к обороту, к его добровольному изъятию из незаконного оборота, то есть к существенному снижению общественной опасности уголовно наказуемого деяния. Такой юридический стимул не умаляет право на отказ от самоизобличения и не обеспечивает доказательственное значение

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 N 1937-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Технюка Владислава Васильевича на нарушение его конституционных прав частью восьмой статьи 56, частью пятой статьи 164 и статьей 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=374098> (дата обращения 28 ноября 2023 года).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 N 6-П "По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова" // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=31409> (дата обращения 28 ноября 2023 года).

сведениям, полученным в процессе такой выдачи, если действия лица не были добровольными. Например, действия, направленные на выдачу запрещенного предмета, осуществляемые уже после их фактического обнаружения в ходе досмотра, осмотра, ОРМ, лишены признака добровольности. С одной стороны, они не позволяют реализовать предоставленный юридический стимул, с другой стороны, лишают доказательственного значения те сведения, которые получены в нарушение требований статьи 51 Конституции Российской Федерации¹.

Практика знает много попыток процессуального закрепления сведений, добытых в отсутствие адвоката, без разъяснения права на отказ от самоизобличения, прежде всего, при явке с повинной. Нередко возникает необходимость использования в уголовном судопроизводстве сведений, добытых в рамках иных отраслевых производств. Примером такой конвертации является административное дело, когда еще не наступили последствия, влекущие возбуждение уголовного дела. В таких случаях результаты личного осмотра, досмотра транспортного средства, объяснения лица оцениваются с позиции соблюдения положений Конституции и основанных на ней норм уголовно-процессуального закона². В этом проявляется конституционный смысл юридической ответственности, которая носит «сквозной» характер. Трансформация административной ответственности в уголовную после совершения деяния не придает обратной силы уголовному закону, не освобождает лицо от административной ответственности вследствие криминализации соответствующих действий. Равным образом, сведения, полученные в рамках административного производства, не утрачивают доказательственного значения по уголовному

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 N 2513-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габдрахманова Рамиля Равиловича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 222 Уголовного кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=160569> (дата обращения 28 ноября 2023 года).

² Великий Д.П. Практика применения норм о допустимости доказательств в уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. N 6. С. 95 - 100.

делу при соблюдении конституционных требований к их допустимости, не имеющих существенных различий применительно к конкретному виду производства.

Отсутствуют юридические препятствия и для придания доказательственного значения сведениям, полученным при проведении проверочных мероприятий, предшествующих возбуждению уголовного дела, в том числе сведениям, полученным из объяснения лица, впоследствии привлеченного к уголовной ответственности. Обязательным условием при этом является разъяснение положений статьи 51 Конституции¹.

В 2004 году Конституционный Суд сформулировал правовую позицию², которая активно цитируется в судебных актах по сей день, согласно которой сотрудник полиции, как и любого другого правоохранительного органа, обеспечивающий непосредственное раскрытие преступлений, закрепление его следов преступления, производящий задержание подозреваемого, может давать показания относительно хода и результатов произведенных следственных и процессуальных действий, однако не вправе воспроизводить сведения, полученные от подозреваемого и обвиняемого в отсутствие защитника³.

Данная правовая позиция рядом ученых трактуется расширительно и предполагает, по их мнению, запрет на восстановление показаний не только лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, но также потерпевших, свидетелей, специалистов, экспертов⁴.

---

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.10.2019 N 14-АПУ19-7СП// <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=605318> (дата обращения 21 декабря 2023 года).

² Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 N 44-О "По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" Конституционного Суда Российской Федерации // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=47218>, (дата обращения 28 декабря 2023 года).

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. по делу N 6-УД21-1-А1 // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=664402&dst=100003>, (дата обращения 24 сентября 2023 года).

⁴ Быков В.М. Фактические основания производства следственных действий по УПК РФ // Журнал российского права. 2005. N 6. С. 59 - 69.

Действительно, доказательная ценность сведений, которые получены на стадии предварительного расследования, является очень высокой. Борьба за использование этих сведений ведется на протяжении многих веков. Ставится вопрос в принципе о конституционности статьи 75 УПК РФ¹. Распространено мнение, о том, что первые показания, данные обвиняемым, даже без участия защитника, имеют приоритет перед его последующими показаниями, в том числе и в судебном заседании. Находясь в стрессовом состоянии, без предварительной подготовки, человек, как правило, говорит исключительно правду. Правдивые сведения, открывающие объективную истину, оправдывают их получение даже под принуждением. Приведенная позиция аргументируется и тем, что адвокат, привлекаемый следователем или дознавателем к защите подозреваемого, обвиняемого, не всегда добросовестно исполняет свои обязанности, поэтому само по себе участие такого защитника в допросе не является панацеей от принуждения к даче признательных показаний. Однако представляется неверным ставить под сомнение целесообразность конституционной нормы только на основе негативной практики и чьей-то профессиональной недобросовестности. Для преодоления негативных факторов могут быть задействованы нормы адвокатской этики, приняты меры, направленные на повышение подготовки адвокатов². Однако поскольку такие вопросы поднимаются, институт адвокатуры должен учесть подобную практику, преследуя цели дальнейшего эффективного применения своего потенциала, адвокатура должна работать над повешением доверия к ней граждан, улучшать качество защиты лиц, подвергнутых уголовному преследованию, на что справедливо обратил внимание В.В. Момотов³.

Большинство ученых также усматривают богатый идейный, нравственный потенциал Основного страны, позволяющий эффективно

---

¹ Доля Е.А. Конституционность п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ // Законность. 2007. № 5. С. 4 - 11.

² Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография. М.: Проспект, 2010. С. 224.

³ Момотов В.В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал российского права. 2022. N 1. С. 29 - 35.

преодолевать негативные эффекты правоприменения: это верховенство закона, справедливость, нравственные ориентиры (вера в добро, традиционные ценности), определяющие оценку доказательств на основе закона и совести.

Следует помнить и о том, что показания о фактических обстоятельствах дела, которые даны сотрудником полиции, относительно сведений, ставших ему известными со слов подозреваемого, не могут входить в совокупность прямых доказательств, так как показания сотрудника всегда будут производными от показаний подозреваемого. В этой связи и в целях правильного разрешения дела не будет иметь значения факт подтверждения в суде обвиняемым тех показаний, которые им были даны следователю и которые следователь воспроизвел в суде при его допросе. В данном аспекте говорится фактически об одном доказательстве - показаниях самого подозреваемого. Показания следователя в этом случае будут дублировать показания подозреваемого, то есть автоматическое воспроизведение показаний вторых от первых. Поэтому если в материалах дела виновность подсудимого будет подтверждаться показаниями обвиняемого и показаниями следователя со слов обвиняемого, соответственно внимание вновь заострится на одном доказательстве, которого согласно положениям уголовно-процессуального закона не будет достаточно для постановления обвинительного приговора.

Судебная практика показала, что принятие вышестоящей судебной инстанцией решения об исключении из судебного решения ссылки на приведенные в приговоре показания сотрудника полиции в части сведений, ставших ему известными со слов подозреваемого, обвиняемого, в большинстве случаев не оказывают влияния на итоговое решение суда. Как правило, такими решениями не ставится под сомнение виновность и квалификация действий обвиняемого. Этому способствует соблюдение судом общих требований, предъявляемым уголовно-процессуальным законом для постановления обвинительного приговора. Проверяет и оценивает доказательства суд, исходя

из допустимости доказательств и их относимости, а их совокупность судом проверяется на достаточность, которая позволит принять решение по делу.

Иногда исключение из числа доказательств показаний сотрудников полиции, которым со слов подозреваемых, обвиняемых, было известно о фактических обстоятельствах дела и о причастности к преступлению, не позволяет сделать вывод о виновности осужденного. В этом случае происходит отмена судебного акта целиком, но здесь действие Конституции проявляется уже через совокупность ее норм: и через право на отказ от изобличения, и через запрет недопустимых доказательств, и, конечно, через презумпцию невиновности¹.

Таким образом, положения статьи 51 Конституции Российской Федерации являются эталонным примером прямого действия конституционных норм, не требующего конкретизации в текущем законодательстве, в том числе процессуальном. В отличие от других нормативных положений норма статьи 51 Конституции РФ разъясняется правоохранительными органами непосредственно, отсутствие такого разъяснения влечет недействительность принятого сообщения, сделанного лицом, обвиняемым или подозреваемым о своем участии в совершении преступления.

При этом правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации обеспечивают ценностный характер права не свидетельствовать против себя, поскольку затрагивают конституционные положения следующим образом: не позволяют использовать показания сотрудников полиции об обстоятельствах, ставших им известными со слов обвиняемого (подозреваемого); определяют условия, при которых явка с повинной может быть принята; устанавливают критерии квалифицированной юридической помощи, легитимирующие статус защитника в уголовном судопроизводстве, в

---

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 октября 2021 г. N 13-УД21-6-К2 // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=688948>, (дата обращения 17 ноября 2023 года).

том числе при получении признательных показаний лица об обстоятельствах совершенного им преступления.

2.2. Разъяснения Верховного Суда по вопросам судебной практики Российской Федерации: конституционное значение для обеспечения права не свидетельствовать против себя

Для судебной практики важно единообразие. Данный принцип может быть реализован исключительно при едином понимании судами конституционно-правовых норм. Т.Г. Морщакова отмечает, что к целям единообразия складывающейся судебной практики могут быть отнесены не проблемы, связанные с применением права, а назначение и суть права¹.

Для обеспечения единообразия судебной практики Верховным Судом Российской Федерации даются разъяснения – ориентиры правильного использования в работе норм права. Одно из первых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятых после 1993 года, касалось именно непосредственного применения судами общей юрисдикции положений Конституции России при осуществлении правосудия. В дальнейшем эти разъяснения неоднократно уточнялись в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда. Одна из главных конституционных идей, получивших развитие через эти разъяснения Верховного Суда, - возможность судебного обжалования гражданами действий государственных органов и должностных лиц. Тем самым именно высшая отечественная судебная инстанция приняла активное участие в нормировании механизма судебной защиты граждан от произвола власти.

В.М. Лебедев, отмечал, что приведенное постановление является результатом твердой позиции высшего судебного органа государства, объективно отражающей оценку подлежащих разрешению социальных и правовых конфликтных ситуаций, возникающих между гражданами и

---

¹ Морщакова Т.Г. Судебное правоприменение в России: о должном и реальном / Т.Г. Морщакова // М., 2010. С. 186.

органами власти, которая оказала существенное воздействие на повышение законности в сфере социальных и общественных отношений¹.

Большинство современных ученых сходятся в том, что единообразие судебной практики во многом зависит от правильного применения норм Конституции, обеспечивающих основные начала правовой определенности в стране. Принцип определенности при применении права есть начало самого права, его цель, свойства и принципы действия².

Однако в рамках правовой определенности возможно и необходимо судебское усмотрение, реализующее принципы юридического равенства и справедливости, которое позволяет распространить разные юридические последствия к разным субъектам и разным юридическим фактам³. Пределы усмотрения судьи, которые синергетически обеспечивают равенство, справедливость и правовую определенность, устанавливаются, в том числе, Верховным Судом⁴.

Юридическая наука различает правоприменительный процесс и правоприменительную практику⁵. В широком смысле процесс – элемент практики, в узком практика – результат процесса.

Применение Конституции присуще всем видам судопроизводства. Но лишь для конституционного судопроизводства конституционное правоприменение есть установление соответствия Основному закону акта текущего законодательства, в том числе с учетом складывающейся правоприменительной практики. Поэтому Н.В. Витрук особо указывал на специфические процедурные и процессуальные формы применения

---

¹ Лебедев В.М. Конституция Российской Федерации - основа совершенствования правозащитной деятельности суда // Антология научной мысли. К 15-летию Российской академии правосудия. М., 2013. С. 11 - 15.

² Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: Монография. М.: ИНФРА-М, 2015. С. 11.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 N 12-П "По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина" // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=294013>, (дата обращения 29 сентября 2023 года).

⁴ Умнова (Конюхова) И.А., Алешкова И.А. Применение Конституции Российской Федерации судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики: монография. М.: РГУП, 2016. С. 184.

⁵ Баландюк О.В. Избрание, применение и исполнение мер уголовно-процессуального принуждения: соотношение понятий // Российский следователь. 2015. № 4. С. 3-7.

Конституции¹. Деятельность по применению положений Конституции в каждой спорной ситуации ведет к результату – акту применения права – воплощению интеллектуальной волевой деятельности, направленной на обеспечение законности, в том числе конституционной законности.

Каждый вид судопроизводства порождает специфические формы и методы такой работы. Накопительный опыт проведенной работы формирует стойкие позиции по проблемным вопросам применения юридических норм, в том числе конституционных. Сформированная позиция отражается в судебном решении в виде обоснования судебной резолюции (предписания по разрешению спорной ситуации). Правовые позиции унифицируют правоприменительную практику и обогащают юридическую науку. Позиции Конституционного Суда, имплементированные в решения Верховного Суда, могут генерировать комплексные позиции по вопросам применения отдельных блоков юридических норм (в частности, о юридической ответственности предпринимателей, о праве на защиту, о праве не свидетельствовать против себя и т.д.)

Очевидной тенденцией современного правоприменения является конституционализация судебной практики – реализация в ней основных начал конституционной законности. Во многом благодаря Верховному Суду Российской Федерации, активно внедряющему в свои разъяснения, решения по конкретным делам правовые позиции Конституционного Суда, происходит эволюция правосознания судей, видоизменяется отношение к букве и духу Основного закона, в правовом обосновании выводов относительно разрешения юридического спора чаще присутствуют конституционные нормы непосредственно.

Таким образом, в механизме реализации Конституции Российской Федерации Верховный Суд, с одной стороны, осуществляет конституционные

---

¹ Витрук Н.В. Верность Конституции. М.: РАП, 2008. С. 158 - 165.

полномочия по обеспечению единообразия судебной практики, с другой стороны, через свои разъяснения создает условия для непосредственного применения норм Основного закона. Формирующаяся в соответствии с конституционными предписаниями судебная практика – один из «краеугольных камней», на котором зиждется фундамент правового государства.

Позиции Верховного Суда имеют в своей нормативной и методологической основах синтез конституционных норм, принципов права, договорных источников и даже правовых обычаев¹. Ценностное значение этих правовых позиций – в трансляции традиционных конституционных ценностей, прежде всего, юридического равенства и справедливости².

Правовые позиции отражаются в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и обзорах практики, утверждаемых исключительно Президиумом Верховного Суда. Как постановления Пленума, так и Обзоры учитываются Конституционным Судом при разрешении поступивших жалоб и запросов судов, отражаются в решениях Конституционного Суда и, по существу, оказывают существенное влияние на интерпретацию Конституции, на конституционно-правовой смысл норм текущего законодательства³.

Большая ответственность ложится на Верховный Суд и все инстанции судов общей юрисдикции в тех случаях, когда выявляются пробелы в праве, когда уже имеется решение Конституционного Суда о неконституционности законодательного акта, однако выявленное нарушение не устранено, неконституционная норма не исправлена, не исключена или не заменена на

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 20 августа 2014 г. N 10-КГПР14-3.// <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=406933&dst=100004>, (дата обращения 28 октября 2023 года).

² Определение Верховного Суда РФ от 25 ноября 2014 г. N 78-КГ14-36.// <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=413501>, (дата обращения 28 октября 2023 года).

³ Гатауллин Р.А. Правовые позиции Верховного Суда РФ, направленные на реализацию прав в гражданском судопроизводстве (Гатауллин Р.А.) // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=147688&dst=100017>, (дата обращения 26 мая 2024 года).

другую. В этом случае преодоление пробелов осуществляется судами, в том числе на основе непосредственного действия норм Конституции.

Таким образом, консолидированным в науки является мнение о том, что Конституция, обладая прямым действием, непосредственно влияет и на формирование судебной практики. Судья, мотивируя свое решение, соблюдает, «имеет ввиду» Конституцию и тем самым реализует ее функцию как основного среди законодательных актов и ядра российской правовой системы¹. И этот подход не является принципиально новым для отечественного правоведения. Уже в советский период ученые активно указывали на особый потенциал конституционных норм в укреплении политической системы, гармонизации социальных отношений, трансляции ценностных ориентиров и на роль судов всех уровней в реализации этого потенциала через единообразную практику и разъяснения высших судебных инстанций².

Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации – отнюдь не элементарный акт толкования, изданный автономно от текущих и стратегических задач государственного строительства, отражаемых как в фундаментальных, незыблемых положениях, так и трансформируемых нормах, подвергающихся поправкам либо «мягкому» преобразованию через новые правовые позиции Конституционного Суда.

Новый исторический период предоставил возможность продемонстрировать важность взаимодействия судебных органов в России, понять какое ключевое значение имеют позиции выработанные высшими судебными инстанциями для формирования практики рассмотрения уголовных дел (материалов) Так, в ходе специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины в состав Российской Федерации приняты новые субъекты – Донецкая Народная Республика, Луганская

---

¹ Алешкова И.А., Власова Т.В., Дуэль В.М. Конституция как особый вид нормативного правового акта // Вестник Моск. городского педагог. ун-та. Сер. "Юридические науки". 2014. N 2 (14). С. 14 - 22.

² Фарбер Е.И. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. С. 123.

Народная Республика, Запорожская и Херсонская области. Соответствующие изменения были внесены в Конституцию¹. Вскоре, выступая на X Всероссийском съезде судей, Президент Российской Федерации указал на необходимость проведения работы по формированию на этих территориях новых составов судов, их скорейшей интеграции в российскую судебную систему, причем потребовал решения этой проблемы в сжатые сроки, поскольку гарантии права на судебную защиту в «новых» и «старых» регионах не должны различаться.

<...> И сделать это нужно в максимально сжатые сроки, чтобы гражданам, проживающим на этих территориях, было гарантировано конституционное право на судебную защиту»².

В оперативные сроки Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации был произведен конкурсный отбор кандидатов в судьи судов, сформированных в «новых» регионах Российской Федерации. И уже 19 сентября 2023 года Пленумом Верховного Суда Российской Федерации приняты Постановления №№ 29-32 «О дне начала деятельности федеральных судов на территории Донецкой Народной Республики», «О дне начала деятельности федеральных судов на территории Луганской Народной Республики», «О дне начала деятельности федеральных судов на территории Запорожской области», «О дне начала деятельности федеральных судов на

---

¹ Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6930; Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Луганской Народной Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6931; Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Запорожской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6932; Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Херсонской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6933.

² Владимир Путин принял участие в работе юбилейного, X Всероссийского съезда судей // Официальный сайт Президента Российской Федерации в сети Интернет <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69949> (дата обращения 15 мая 2024 года).

территории Херсонской области»¹. 21 сентября 2023 года эти суды приступили к работе.

Верховный Суд Российской Федерации, обобщая правоприменительную практику судов, учитывает конституционные положения и их влияние на общественно-политическую жизнь, правосознание, деятельность государственного аппарата. Соответственно, судебная практика органично вливается в правовую действительность. Таким образом, обеспечивается успешное развитие государства².

Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации излагаются не только в постановлениях его Пленума, но и обзорах судебной практики по отдельным вопросам применения законодательства или за соответствующий временной период (как правило, квартал). Публикации обзоров оказывают существенное влияние на формирование в судах общей юрисдикции единого подхода к разрешению подобных дел. Тем самым реализуются важнейшие конституционные принципы равенства и справедливости, предполагающие равный подход к формально равным субъектам³. Более того, отдельные позиции Верховного Суда Российской Федерации, выработанные по результатам изучения и обобщения судебной практики, по своим форме и содержанию соответствуют законодательным актам и впоследствии принимаются Федеральным Собранием как готовые проекты закона⁴.

Анализируемая деятельность Верховного Суда обеспечивает конституционализацию судебной практики и, в итоге, - реальность, прямое действие, приоритет Конституции⁵.

---

¹ Российская газета. 2023. 20 сентября. № 211.

² Кокотов А.Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2013. N 12. С. 1511 - 1516.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2023 года № 58-П по делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 16.1 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с жалобой гражданина М.А. Сизова // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 52. Ст. 9761.

⁴ Лазарев В.В. Место и роль суда в правовой системе // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 17 - 30.

⁵ Конституционализм - философско-правовое осмысление конституции. См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991 - 2001 гг.): Очерки теории и практики. М., 2001. С. 154, 155.

Так, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»¹ даны разъяснения о том, что в соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации разрешение любого дела предполагает оценку содержания любого нормативного акта, регулирующего спорные правоотношения, и в необходимых случаях Основной закон страны подлежит применению в качестве акта прямого действия (п. 2).

Право на свидетельствовать против себя, закрепленное в ст. 51 Конституции, исходя из приведенных разъяснений, не ограничивается рамками уголовных дел, распространяется также на гражданские дела и дела об административных правонарушениях. Данное право подлежит разъяснению в ходе уголовного судопроизводства, начиная со стадии проверки сообщения о преступлении и вплоть до производства в суде апелляционной инстанции. При невыполнении данного требования любые сведения, полученные от подозреваемого и обвиняемого, лишаются доказательственного значения (п. 18).

Изначально суд – орган первобытной общины. В процессе трансформации общины в государственно - организованное общество суд стал органом государства. Однако он сохранил тесную связь с обществом через механизмы назначения и ответственности судей, в которых непосредственно задействованы представители общественности, через открытость и гласность судопроизводства, через непосредственное участие представителей общества в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей. Находящиеся во взаимопереплетении и взаимном влиянии государство и общество сохраняют свою институциональную самостоятельность. Конституция является основным

---

¹. См. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 N 8 (ред. от 03.03.2015) "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия"// <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=176027> (дата обращения 9 октября 2023 года).

законом как государства, так и общества¹. Соответственно, судебная власть одновременно обеспечивает и государственные, и общественные интересы. Иначе говоря, в рамках правового государства не происходит абсолютного обособления государственных органов и органов общественной самоорганизации, суд, зародившись как институт разрешения конфликтов внутри первобытной общины, в государственно организованном обществе не поглощен абсолютно государством, наоборот, он сохраняет с обществом, по существу, неразрывную связь². Обеспечивая прямое действие Основного закона государства, суды, включая Верховный Суд, обеспечивают и прямое действие Конституции как основного закона общества.

Общественные институты принимают и непосредственное участие в формировании правовых позиций Верховного Суда по различным аспектам реализации законодательства, включая исследуемую сферу. Так, на основании ст. 18 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» при Верховном Суде Российской Федерации длительное время функционирует научно-консультативный совет, в рамках которого в целях подготовки научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики происходит тесное взаимодействие судей, аппарата суда с ведущими учеными страны. Мощный теоретический потенциал отечественной юриспруденции позволяет точно находить и устранять путем толкования неопределенность в применении тех или иных законоположений, выявлять дефекты и противоречия в сложившейся судебной практике, формировать траекторию совершенствования законодательства через конституционное

---

¹ Авакьян С.А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 2-9.

² Гурвич Г.Д. Теория источников права Ойгена Эрлиха и идея социального права // Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб., 2011. С. 656.

правомочие Верховного Суда по осуществлению законодательной инициативы¹.

Не стоит искать и тем более подвергать какому-либо анализу конкуренцию в решении правотворческих, интерпретационных, правоприменительных задач между Верховным и Конституционным Судами Российской Федерации. В правовом государстве необходимым является не только принятие Конституции, но и создание разнообразных эффективных средств и способов поддержки и утверждения доверия к конституционным нормам, которое невозможно в условиях фиктивности и эфемерности конституционных предписаний. Суды создают и реализуют необходимые гарантии реализации конституционных норм, в том числе путем конституционализации правоприменения и обеспечения единообразия судебной практики. Приоритетами здесь выступают общепризнанные социальные ценности: личность человека, коллективы людей, государство и наличие главного закона - Конституции².

Более того, сам Верховный Суд в упомянутом Постановлении Пленума «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» исключил возможность какой-либо конкуренции решений высших судов по вопросам непосредственной реализации норм Основного закона. В случае выявления неопределенности по вопросу соответствия закона, подлежащего применению по конкретному делу, Конституции суд не игнорирует данный закон, он на любой стадии процесса приостанавливает производство по делу, мотивированным определением либо постановлением оформляет запрос в Конституционный Суд. Обвиняемому, находящемуся под стражей, рекомендуется изменить меру пресечения (п. 3).

---

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 августа 2014 года № 8 «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 8.

² Чиркин В.Е. Современная модель конституции: прежние и новые приоритеты // Изв. вузов. Правоведение. 2003. № 2 (47) С. 50-57.

Таким образом, любое судебное решение, включая то, которым оформляется запрос в Конституционный Суд, подлежит мотивации. В этих мотивах как фактическое, так и нормативное начало: ссылки на международные нормы и принципы, положения Конституции, законы, подзаконные акты. Суды словно интегрируют все правовые нормы, регулирующие конкретное отношение, связывают право конкретной ситуации воедино на основе предписаний Основного закона¹.

Применяя закон, Верховный Суд, суды общей юрисдикции, арбитражные суды толкуют его. Специфика данного толкования, правовая герменевтика, предполагает причастность к толкованию практика, а, значит, определенную степень субъективного отношения к раскрытию смысла правовой нормы, в том числе конституционного смысла². Субъективное толкование может быть различным, на основе плюрализма подходов вырабатывается единый, выражаемый в правовых позициях Верховного Суда. Неверное понимание конституционного смысла юридической нормы корректируется уже Конституционным Судом. Впоследствии правовые позиции Конституционного Суда отражаются в измененных и дополненных постановлениях Пленума Верховного Суда.

Юрисдикция Верховного Суда включает два направления, которые можно обозначить как суд факта и суд права. Суд права – разрешение споров на основе закрепленного процессуальным законодательством порядка судопроизводства деятельности на основе процессуального законодательства посредством документального оформления полученных результатов рассмотрения спора. Суд права подразумевает и конституционную предоставленную обвиняемому возможность не свидетельствовать против себя. Суд факта – деятельность суда, направленная на установление

---

¹ Умнова И.А. Новые тенденции и особенности применения Конституции РФ российскими судами // Применение национальных конституций судами в Российской Федерации и Франции: сравнительно-правовой аспект: Материалы круглого стола. М.: РГУП, 2015. С. 53.

² Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. N 2. С. 14.

юридически значимых фактических обстоятельств (жизненных ситуаций, природных явлений, технологических процессов и т.д.) Речь здесь идет об установлении юридических фактов, которые обуславливают наличие правоотношений, их возникновение, прекращение или изменение. Синтезируя сказанное, можно отметить, что полномочия суда – это суд факта на основе суда права, а в основе суда права – Конституция Российской Федерации¹.

Судья Верховного Суда обязан дать официальное толкование правовой нормы, проверив смысловую нагрузку содержания текста правовой нормы, и только затем, учитывая место этой нормы в правовой системе, принять решение. Поэтому Витрук Н.В. обоснованно отметил, что фактическое исполнение Конституции есть правильное соотнесение применяемого закона по отношению к Основному закону².

Формирование единой судебной практики оказывает существенное влияние на все судопроизводство в стране. По существу, восполняются пробелы в правовом регулировании спорных отношений. и слаженного подхода у судей всех уровней к применению процессуального законодательства основано на влияние на нижестоящие судебные инстанции Верховного Суда РФ. В основу работы Высшего судебного органа заложены требования конституционного законодательства, а его разъяснительная деятельность показала абсолютную важность и эффективность при регулировании спорных правоотношений. Реальный потенциал этой работы до настоящего времени не исчерпан³. Рассуждая на данную тему, С.А. Авакьян отметил, что процесс применения Конституции и иных законов порождает много проблемных вопросов. Основными являются неясность сущности

---

¹ Алешкова И.А., Дуэль В.М. Применение конституционных норм судами в России // Применение национальных конституций судами в Российской Федерации и Франции: сравнительно-правовой аспект: Материалы "круглого стола". М.: РГУП, 2015. С. 87 - 98.

² Витрук Н.В. Верность Конституции. М., 2008. С. 162.

³ Зорькин В.Д. Цивилизация права: современный контекст // Журнал конституционного правосудия. 2014. N 5. С. 1 - 15.

нормы, а также наличие нескольких путей их применения, причем взаимоисключающих¹.

Разъяснения Верховного Суда не поменяют собой толкование Конституции и выявление конституционного смысла законов, примененных в конкретном деле. Разъяснения Верховного Суда по применению законодательства, предусмотренные ст. 126 Конституции, активно используют позиции Конституционного Суда по вопросам толкования Основного закона и конституционного смысла иных законов. Однако в основе разъяснений – все равно принципы и нормы, закрепленные в Конституции, они определяют вектор унификации правоприменения и практики судов².

Так, одним из ключевых является конституционный принцип доказательного правосудия, согласно которому виновность или невиновность человека в инкриминируемом деянии должна быть разрешена на основе сведений об обстоятельствах дела, полученных при соблюдении положений процессуального законодательства. Данный принцип предполагает, что обвинение в совершении преступления необходимо выстраивать, исходя из имеющихся в деле доказательств, которые получены в соответствии с нормами процессуального законодательства должностными лицами, уполномоченными законом на проведение процессуальных действий. Соответственно Верховный Суд ориентирует нижестоящие судебные инстанции на соблюдение конституционных предписаний при осуществлении процессуальной деятельности³.

Верховный Суд придерживается безусловной позиции о том, что лишена всякой доказательной силы информация, полученная от обвиняемого или подозреваемого при досудебном производстве по судебному материалу в

---

¹ Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: Сашко, 2000. С. 34-37

² Корнев В.Н., Алешкова И.А. Толкование и применение конституционных предписаний судами в Российской Федерации: интегративный подход // Государство и право. 2015. № 10. С. 5 - 11.

³ См. Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. N 8 "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. N 1.

отсутствие адвоката и не подтвержденная в судебном заседании. При воспроизведении данной информации должностными лицами (прокурорами, следователями, дознавателями и пр.) не имеет значения даже воспроизведение этой информации самим обвиняемым в судебном заседании¹.

Данные правила не являются чем-то новым для Российской Федерации, еще в прошлом веке в России такой позиции придерживалось большинство правоведов. Состоявшееся в 1911 году решение по делу в отношении Миклашевича и Лицкевича, вынесенное уголовным кассационным департаментом Правительствующего Сената - верховным кассационным судом Российской империи, содержало позицию суда о том, что воспроизведение показаний свидетелей посредством допроса следователей, является недопустимым².

К сожалению, независимо от давно выработанной и стабильной позиции, а также несмотря на её многократное подтверждение в принятых Конституционным Судом решениях, большинство судей при постановлении обвинительного приговора обосновывают свои решения доказательствами, основанными на сведениях, ставших известными сотрудникам полиции со слов задержанных лиц.

Одной из причин такого положения дел является распространенная практика копирования содержания доказательств, приведенных в обвинительном заключении, в приговор. В связи с высокой нагрузкой на судей, стремясь эффективно использовать возможности современных компьютерных технологий, экономя время путем несложного алгоритма действий, формируется описательно-мотивировочная часть приговора. Прием выделения текста в обвинительном заключении, его копирования с

---

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. N 44-О по жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.// <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=47218>, (дата обращения 2 февраля 2023 года).

² Есаков Г.А. Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. 1866 - 1916. Систематический и хронологический указатели. Комментарии избранных решений: монография. М.: Проспект, 2022. С. 432.

последующим размещением в тексте приговора позволяет значительно сократить работу с процессуальным документом. Поскольку копирование происходит всего текста, в приговор переносится все признаки индивидуальности документа, связанные с пунктуацией, орфографией и стилистикой¹.

Сами судьи далеко не едины в суждениях о возможности воспроизведения сотрудниками правоохранительных органов сведений, полученных от подозреваемого, обвиняемого. Как усматривается из публикаций авторов, которыми выступают действующие судьи, до настоящего времени в судебском сообществе существует несколько подходов в понимании толкования конституционных предписаний. Авторы некоторых работ придерживаются мнения о том, что Конституционный Суд занимается не толкованием конституционных положений, в силу прямого действия Основного закона обязательного для всех субъектов права, а только формирует мнение, имеющее рекомендательное значение. Этот подход свидетельствует о существующей проблеме при формировании единообразия судебной практики².

Не все осознают, что решения Конституционного Суда имеют высшую юридическую силу, в связи с прямым действием Конституции и полномочиями Конституционного Суда они намного выше юридической силы федеральных или регионального законов³.

Постоянный мониторинг решений Конституционного Суда, осуществляемый Верховным Судом, отражение этих решений в разъяснениях, определениях по конкретным делам исключают плюрализм подходов судей относительно допустимости показаний дознавателей и следователей,

---

¹ Багаутдинов Ф.Н. Флеш-правосудие: допустимость и пределы // Российский судья. 2021. № 4. С. 62-64. URL: <http://doi.org.10.18572/1812-3791-2021-4-62-64> ; Колоколов Н.А. Цитирование в приговоре материалов уголовного дела // Российский судья. 2021. N 4. С. 56 - 61.

² Червоная Т.М., Волосова Н.Ю. О возможности допроса дознавателей и следователей в качестве свидетелей по уголовным делам // Российская юстиция. 2008. № 9. С. 57-59.

³ Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке: монография. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2008. С. 592.

воспроизводящих сведения, которые получены от задержанного при его досмотре или при проведении других следственных действий без участия адвоката. Однако не прекращающиеся ошибки такого рода в приговорах и иных решениях являются пока не разрешенной проблемой, требующей вмешательства даже в экстраординарной стадии уголовного процесса - кассации¹.

Позиция Верховного Суда о безусловном выполнении Определения Конституционного Суда от 6 февраля 2004 года № 44-О была отражена в его решениях сразу же после вынесения этого известного решения. Однако вмешательство в приговоры и последующие судебные акты в связи с неисполнением столь очевидной и устойчивой позиции продолжается. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты кассационной ревизии решений судов общей юрисдикции по уголовным делам².

Показания полицейских, которые повествуют о том, что они узнали из рассказа задержанных, содержащего признание в совершенном преступлении, очень ценны как доказательства и зачастую используются по прямому назначению. Поэтому, когда проверяется причастность к преступлению, такие показания существенно влияют на результат рассматриваемого уголовного дела. От этих показаний зависит и доказанность причастности подозреваемого, и юридическая оценка содеянного. Следует привести в качестве примера рассмотренное Верховным Судом в 2005 году уголовное дело. Решение состоялось вскоре после опубликования упомянутого Определения Конституционного Суда. По данному делу доказательствами группового совершения убийства потерпевшего были исключительно показания

---

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (пункт 16) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9.

² См., в частности: кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 мая 2007 года по делу № 81-О06-131 // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=242526> (дата обращения 20 июня 2023 года); определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2022 года по делу № 67-УД22-12 // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=720456>, дата обращения (3 февраля 2023 года).

сотрудников уголовного розыска, которым обстоятельства дела стали известны после опроса задержанных¹.

Исходя из конституционного смысла уголовно-процессуального закона, допрос дознавателя или следователя возможен, но только в части обсуждения тех вопросов, подлежащих выяснению, в которых должны быть включены обстоятельства, связанные с процессуальным действием или оформлением протокола следственного действия. Круг вопросов, если они вписываются в указанные рамки, не ограничен. Правомерным будет выяснение вопросов, связанных с проверкой доводов обвиняемых о применении в отношении них недозволённых методов ведения следствия, о добровольности дачи показаний, о реальности обеспечения подозреваемого защитником, о разъяснении участникам следственного действия процессуальных прав и обязанностей. Действительно, на практике следователь может предоставить суду важную для рассмотрения уголовного дела информацию, связанную с соблюдением конституционных прав граждан. Следователь может высказать свое субъективное мнение о личности обвиняемого. Более того, он вправе рассказать о поведении обвиняемого в ходе следствия и об обстоятельствах, связанных с личностью подследственного, которые могут быть учтены при назначении наказания. Показания следователя могут влиять и на принятие решения о возможном освобождении от наказания виновного². В судебной практике могут возникнуть другие вопросы, подлежащие обязательному выяснению. Они могут быть вызваны необходимостью устранения неясностей и сомнений в протоколе следственного действия. Особенностью допросов следователей и дознавателей является запрет путем дачи ими показаний восполнять пробелы следствия в собирании доказательств, которые представляются обвинением. Критерии допроса следователей

---

¹Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2006 года № 47-006-17 // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=242526> (дата обращения 20 июня 2023 года).

² Кальницкий В.В., Павлов А.В. Участие следователя в судебном разбирательстве // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 44-47.

предусматривают правомерность получения от них сведений по вопросам раскрытия преступления, содействия обвиняемого в закреплении доказательств, полученных с его участием, по вопросам изобличения обвиняемым соучастников, о которых правоохранными органами не было известно¹.

Проблема оценки результатов допроса дознавателя или следователя на предмет его доказательственной допустимости с учетом положения ч. 2 ст. 50 Конституции имеет существенное значение для развития конституционных целей уголовного судопроизводства. Практика показывает, что основным критерием при решении вопроса о допустимости подобных доказательств является достижение задач уголовного закона, связанным с защитой общества от преступных элементов и решение вопросов, связанных с профилактикой преступлений. По этим причинам часть юристов выступает с позиции необходимости снятия всех ограничений при использовании показаний сотрудников полиции, поскольку данный подход обеспечит успешную борьбу с преступностью, помешает криминальным личностям использовать запрет как инструмент ухода от ответственности. Другая часть юристов находит важным соблюдение конституционных предписаний, гарантирующих право не изобличать себя.

Критикуя сторонников правомерности допроса в качестве свидетелей сотрудников правоохранных органов, некоторые ученые исходят из того, что зачастую вопросы, поставленные при допросах указанных лиц, сводятся к выяснению обстоятельств, связанных с проверкой доводов о применении незаконных методов ведения следствия. В этом случае сотрудник правоохранных органов просто вынужден отрицать факты возможного использования методов принуждения к даче показаний. В противном случае признание сотрудником полиции указанного в заявлении обвиняемого факта применения незаконных методов в ходе процессуального действия или при

---

¹ Цветков Ю.А. Следователь в апелляции // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 27-32.

задержании подозреваемого указывало бы на наличии в действиях сотрудника признаков превышения должностных полномочий. В этом случае, по мнению некоторых ученых, охраняемое конституционными предписаниями право не давать изобличающих себя показаний подлежит распространению и по отношению к сотруднику полиции¹.

Верховным Судом обращено внимание судов на случаи, когда подсудимым изменены данные на следствии показания или он полностью отказался от данных им с участием защитника пояснений, объясняя свое заявление применением насилия со стороны сотрудников полиции. В этих ситуациях суду предписывается принимать все необходимые, эффективные по своему содержанию и достаточные меры для проверки поступившего заявления от обвиняемого².

Процесс проверки подобных заявлений крайне сложен, в большинстве случаев следственным комитетом подобные проверки отличаются поверхностным и максимально формальным подходом. Как уже отмечалось, конституционное дозволение хранить в тайне сведения о своем участии в совершении противоправного деяния позволяет сотрудникам полиции умалчивать об испрашиваемых событиях. Примером может служить рассмотренное в г. Сочи дело об убийстве, где подсудимый заявил о том, что оговорил себя, признавшись в совершении убийства в связи с применением в отношении него принуждения, оказанного на него оперуполномоченными сотрудниками полиции. Предпринимая действия по проверки заявления, судом в следственный комитет была направлена информация для организации проведения проверочных мероприятий. Позже установлено, что по этому заявлению принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. В действиях сотрудника уголовного розыска не усмотрены признаки

---

¹ Смолькова И.В. Доказательственное значение допроса следователя в качестве свидетеля в суде // Российский судья. 2013. № 6. С. 11-14.

² Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 2 (2022) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации в сети Интернет https://vsrf.ru/documents/international_practice/31504 (дата обращения: 25 мая 2024 года).

преступления. Обсуждая данные вопросы, суд исследовал результаты проверки и постановил обвинительный приговор. Кассационная проверка уголовного дела показала, что вывод об отсутствии доказательств, подтверждающих заявление обвиняемого, следователем сделан на основе пояснений сотрудника уголовного розыска, отрицавшего факт применения по отношению обвиняемого физического и психологического насилия. Иных проверочных мероприятий в ходе рассмотрения заявления обвиняемого не проведено. Таким образом, указанный пример подтверждает позицию ряда ученых о наличии проблемы использования показаний сотрудников полиции, отрицающих свое участие в применении физического принуждения к подозреваемым для получения от них признательных показаний¹.

При определении юридически значимых обстоятельств, связанных с использованием показаний обвиняемых, возникает обоснованный вопрос относительно возможного наступления негативных последствий для таких лиц при сообщении сведений, содержащих признаки ложного доноса, и соответственно использование такого доноса в качестве тактики защиты от обвинения. Этот вопрос длительное время обсуждается учеными, но единого мнения по нему отсутствует. Каковы мотивы сообщения обвиняемыми таких сведений? Основной причиной, по которой обвиняемый позволяет себе прибегнуть к ложному заявлению о совершении в отношении него преступления, является способ избежать дачи показаний, изобличающих себя в причастности к инкриминируемому деянию, либо дезавуировать ранее данные признательные показания.

Право сообщать ложные сведения, требующие при этом проверки, было предоставлено гражданам России еще в СССР и сохранилось до наших дней. Единственным условием такого поведения является выбор формы защиты от обвинения².

---

¹ Багаутдинов Ф.Н. Вопросы проведения процессуальной проверки по заявлению о применении недозволенных методов следствия или дознания // Законность. 2021. № 4. С. 25-29.

² Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1962. № 8. С. 10.

Важная позиция была сформирована 11 апреля 1990 года Президиумом Верховного Суда СССР. Он указал на то, что лицо, которому предъявлено обвинение, подлежит уголовной ответственности на основаниях, предусмотренных законом, в случае заявления им о преступлении следователем или дознавателем, если сообщенные им сведения содержали в себе заведомо для него ложный донос¹.

Если обвиняемый преследует цель избежать самоговора и для этого прибегает к даче показаний, следует учитывать мотивы, которыми он руководствовался. Если в его показаниях содержались сведения заведомо для него ложные относительно участия преступлении других лиц либо он отрицал свое участие в преступлении или уменьшил степень своего участия в нем, отводя от себя подозрение в сторону других участников, данные действия обвиняемого признавались правомерным способом защиты. Таким образом, предлагалось обеспечить реализацию конституционных предписаний относительно защиты от самоговора. Вместе с тем сообщение обвиняемым заведомо ложных сведений в доносе, которые не имеют ничего общего с обвинением, тогда он нес ответственность по ст. 180 УК РСФСР.

Аналогичный подход к недобросовестной реализации права не давать показания против себя самого путем заявления о преступлении, содержащим заведомо ложный донос, подтвердил также в 1998 году Верховный Суд. Показания обвиняемого, содержащие заведомо для него ложные сведения о причастности к преступлению другого лица, подпадающие под признаки заведомо ложного доноса, не могут признаваться преступлением в смысле уголовного закона, так как даны, преследуя цели избежать уголовного преследования, а потому являются избранным способом осуществления защиты от предъявленного обвинения².

---

¹ Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 8. С. 17.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 1997 года (по уголовным делам). Определение № 1-Д97-16 по делу Незнамова (утвержден Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 14 января 1998 года) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 4. С. 15.

7 июня 2010 года Верховным Судом Российской Федерации было рассмотрено уголовное дело в отношении Беликова, осужденного по ч. 2 ст. 306 УК РФ. Органами предварительного следствия ему было предъявлено обвинение, согласно которому он при допросе по подозрению в совершении кражи, а затем, давая показания следователю, проводившему проверку его заявления о его избиении с целью принуждения к признанию вины в совершении кражи, дал показания о применении в отношении него недозволенных методов ведения следствия. Беликов утверждал, что милиционер бил его по телу, используя монтировку, заставлял дать признательные показания в преступлении, которое не совершал. Было указано на то, что показания, данные подозреваемым Беликовым, в которых он сообщал ложную информацию о совершении милиционером в отношении него преступления, а также при опросе его следователем прокуратуры, должны расцениваться как примененный им способ своей защиты от предъявленного ему обвинения. По этим причинам данные показания не могут быть признаны заведомо для него ложным сообщением о преступлении¹.

Как видно из приведенных судебных решений, практика судов относительно предоставления обвиняемому возможности не свидетельствовать против себя существенно отличается. При схожих обстоятельствах лицу, подвергнутому уголовному преследованию может быть предоставлена возможность выдвинуть ложную версию о том, что признательные показания им были даны в связи с оказанием на него физического насилия, в другом случае такая возможность ограничивается путем применения в отношении него уголовного преследования за заведомо ложный донос².

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 июня 2010 г. N 83-Д10-2.// <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=177969&dst=100001>, (дата обращения 3 февраля 2024 года).

² Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая оценка заведомо ложного доноса обвиняемого // Труды Академии управления МВД России. 2008. N 1 (5). С. 77.

Позиция Верховного Суда по вопросу юридической оценки показаний обвиняемых, которые, не желая давать правдивые, изобличающие себя показания, заявляют об участии в преступлении иных не причастных к нему лиц, а также, желая обелить себя, заявляют о физическом принуждении к даче ими признательных показаний, в большинстве разделяется учеными. В частности авторы ссылаются на решение Верховного Суда по делу Незнамова, где суд указал на то, что в случае дачи ложных сведений, которые сводятся к существу обвинения, и заявлены, преследуя цели защиты, не могут наступить неблагоприятные последствия в виде наступления ответственности за заведомо ложный донос¹. Для разграничения простого оговора от доноса, содержащего признаки преступления, следует выяснять мотив сообщения данных сведений. Если такой целью является защита от предъявленного обвинения, то такое сообщение не будет считаться преступлением². Заявление подсудимого о том, что в преступление виновно другое лицо, а равно стремление подсудимого переложить часть своих действий на другого соучастника, уменьшая свою роль в преступлении, следует признавать правомерным способом защиты от обвинения³.

Есть и ученые, критикующие такой подход. Они утверждают о том, что конституционное право не давать изобличающих себя показаний не предполагает использования конституционных предписаний для ухода от уголовного преследования, ограничивая при этом основополагающие права потерпевших, причиняя значительный ущерб интересам правосудия⁴. Несогласные с позицией Верховного Суда по делу Незнамова пишут об

---

¹ Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации. Хабаровск, 2001. С. 85; Новиков В. Некоторые вопросы уголовной ответственности за заведомо ложный донос о совершении преступления (ст. 306 УК РФ) // Уголовное право. 2003. N 1. С. 47; Чурилов Ю.Ю. Проблемы оговора в судебной практике // Мировой судья. 2008. N 11. С. 18 - 21.

² Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2005. С. 261.

³ Фаргиев И. Заведомо ложный донос (актуальные вопросы судебной практики) // Уголовное право. 2007. № 5. С. 64.

⁴ Волосова Н.Ю. К вопросу об ответственности обвиняемого за заведомо ложные показания и оговор заведомо невиновного лица // Право и общество: истоки, современность и перспективы: Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, ноябрь 2006 г. Новокузнецк: НФ КемГУ, 2007. С. 42.

отсутствии у суда полномочий на прекращение уголовного дела. По их мнению, мотив виновного и преследуемая им цель построения линии защиты не должны были исключать привлечения к ответственности Незнамова за заведомо ложный донос¹. Указывается на то, что на то, что своим решением Верховный Суд существенно ограничил потерпевшему доступ к правосудию, пренебрег закрепленными в Конституции нормами, защищающими права потерпевшего от преступных посягательств, проигнорировал гарантии судебной защиты каждому субъекту права². Ложное заявление обвиняемого о совершении в отношении него преступления сотрудниками полиции с целью поставить под сомнение факт дачи признательных показаний или отвести от себя подозрение, ложно уличив другое лицо в совершении преступления, не может расцениваться законным способом защиты от обвинения. Поскольку субъект заведомо ложного доноса является общим, отсутствуют препятствия для привлечения за заведомо ложный донос человека, подвергнутого уголовному преследованию³.

Достаточно смелая позиция относительно ограничения конституционных прав в части дачи самоизобличающих показаний, сформирована некоторыми учеными, предлагающими заимствовать судебную практику судов США. Ими предлагается введение уголовной ответственности в отношении подсудимых, которые в целях защиты от обвинения выдвигают надуманные версии своей невиновности, делают заявления, содержащие заведомо ложный донос. При этом ставится вопрос о расширении полномочий суда, которыми суд должен быть наделен правом увеличения объема обвинения. Таким образом, установив в суде факт дачи обвиняемым заведомо ложных показаний, заявление заведомо ложного доноса по мотивам

---

¹ Нафиев С., Васин А. Право на защиту - не беспредельно // Законность. 1999. № 4. С. 5-7; Николаев М. Привлечение к уголовной ответственности за заведомо ложный донос // Законность. 2000. № 8. С. 25.

² Зеленин С. Пределы допустимой защиты // Российская юстиция. 1998. № 12. С. 27.

³ Гончаров М. Заведомо ложный донос - не способ защиты // Законность. 2009. № 8. С. 31 - 32.

недобросовестной защиты от обвинения, суд осуждает данное лицо и по этим пунктам обвинения¹.

Российские авторы считают данный подход неприемлемым, указывая на приоритет конституционных гарантий. В противном случае на подсудимого будет возложена обязанность доказать свою непричастность к преступлению, по которому ему предъявлено обвинение. Фактически обвиняемому предлагается молчать или изобличать самого себя, что вступает в противоречие с принципами уголовного судопроизводства, а, главное, ставит под сомнение принцип презумпции невиновности².

Одним из аргументов, которым оперируют ученые, выступающие в поддержку сформированной Верховным Судом Российской Федерации практики, является приоритет права на защиту, который позволяет пренебречь нравственными началами, фактически закрепив за обвиняемым право на ложь, как элемент права на защиту³.

Отдельной позиции придерживаются авторы, которые увязывают возможность привлечения защищающегося от привлечения к уголовной ответственности за заведомо ложный донос со стадией движения дела (материала проверки о преступлении) и с процессуальным статусом защищающегося. До возбуждения уголовного дела на лицо, фактически являющееся подозреваемым, не распространяются действия положений ст. 51 Конституции⁴.

Противоположный взгляд: до приобретения процессуального статуса в период проводимой проверки сообщения о преступлении до момента

---

¹ Мазунин Я. Уголовная ответственность подозреваемых (обвиняемых, подсудимых) за заведомо ложные показания // Уголовное право. 2004. ; 3. С. 49; Горбулин С.Б. Проблемы ответственности за умышленный обман суда некоторыми участниками уголовного судопроизводства // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Материалы Междунар. науч.-практич. конф. г. Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. ч. 1. С. 205.

² Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Этика уголовного процесса. Воронеж, 1993. С. 88; Горелик А.С., Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 260 - 261; Коробеев А.И., Кулешов Ю.И. Лжесвидетельство: наболевшие проблемы правовой ответственности // Российский судья. 2005. № 7. С. 36 - 39.

³ Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 33-35.

⁴ Блинников В.А., Устинов В.С. Лжесвидетельство: уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты. Ставрополь, 1999. С. 52.

возбуждения уголовного дела, защищающееся лицо не может быть наделено характеристиками субъекта преступления – заведомо ложного доноса. Ситуация кардинально меняется после возбуждения дела и привлечения лица в качестве обвиняемого. Заявляя о принуждении к самооговору, обвиняемый претендует на статус потерпевшего. Согласно ст. 52 Конституции права и гарантии для всех потерпевших одинаковы, поэтому ответственность за недобросовестное использование своего конституционного права должна быть одинаковой для всех потерпевших¹.

Встречаются и предложения, направленные на ограничение заведомо ложного доноса при защите от изобличения. Границей дозволенности здесь выступает адресность доноса: если надуманная версия направлена на неконкретное лицо, не дает возможности инициировать псевдоподозреваемого, то такая защита от изобличения допустима. В противном случае речь идет не о защите от обвинения, а о преступлении в отношении другого человека². Реализация конституционного права немислима путем оговора заведомо невиновного человека. Предлагается даже усилить ответственность за оговор невиновности при отказе от самоизобличения³.

По нашему мнению, в основе пределов реализации любого права, в том числе права на отказ от самоизобличения всегда должен быть баланс конституционных ценностей и предписание ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации о том, что нарушение прав других лиц недопустимо при осуществлении собственного права.

Поднятый вопрос заставил вообще задуматься о правовом положении подозреваемого, учитывая, что данный статус является конституционным –

---

¹ Дворянсков И.В. Преступления, нарушающие процессуальные условия получения доказательств // "Черные дыры" в российском законодательстве. 2003. № 3. С. 235.

² Федоров А.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации). Калуга: Изд-во АКФ "Политоп", 2004. С. 151; Шнитенков А.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос // Российская юстиция. 2007. N 12. С. 44 - 45.

³ Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: Дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2000. С. 106 - 107.

подозреваемый упоминается в пункте 6 раздела второго Конституции Российской Федерации.

Когда же человек свободен от самоговора и может выстраивать любую линию защиты? Существует широкое понимание подозреваемого, включающее всех лиц, которые могут рассматриваться как потенциально виновные в совершенном преступлении (в отношении тех, у кого проведен обыск, чье имущество арестовано, то есть так или иначе подвергнутые мерам процессуального принуждения. Данная точка зрения распространена в юридических комментариях к законам и в учебной литературе¹. Другие ученые к числу подозреваемых не относят лиц, которые не наделаны процессуальными правами подозреваемых². Соответственно на практике возникли существенные разногласия по вопросу начала юридически значимого «подозрения».

Верховный Суд, основываясь на решениях Конституционного Суда, указал на то, что осуществление конституционного права получить профессиональную услугу в области юриспруденции не должно ограничиваться федеральными или иными законами. Поэтому понятия «подозреваемый», «обвиняемый», «задержанный» имеют явно выраженный конституционный смысл. Он состоит в том, что конституционными правами и гарантиями наделены все лица, фактически подвергнутые уголовному преследованию. Обвинительная деятельность государства по отношению к конкретному лицу как признак его уголовного преследования подтверждается процессуальным решением и осуществлением проверочных мероприятий, включая следственные действия (допросы, опознания, обыски и пр.) В случае осуществления мероприятий, нацеленных на изобличение лица в совершении

---

¹ Кипнис Н.М. Глава 8 // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2003. С. 115; Смирнов А.В. Глава 5 // Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебник для вузов. 2-е изд. / Под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2005. С. 133.

² Цыганенко С.С. Уголовный процесс: Учебник. Общая часть / Под ред. Ю.А. Ляхова. Ростов-н/Д.: Изд-во АкадемЛит, 2008. С. 190.

преступления, закрепление имеющихся в отношении него подозрений, важным должно оставаться выполнение требований о разъяснении подозреваемому его прав, в том числе позволяющих ему реализовать возможность сохранить в тайне сведения, имеющие существенное для него значение. При этом данное право должно быть реализовано путем предоставления возможности пользоваться помощью квалифицированного защитника¹.

Противники данного подхода исходят из того, что уголовно-процессуальный закон достаточно ясно дает определения всем участникам процесса. Конституционные положения о свидетельском иммунитете и так обязывают разъяснять права и обязанности всем участникам процесса, включая и свидетелям. По их мнению, под выдвижением подозрения как форме возможной причастности к преступлению понимается отраженное в специальном процессуальном акте уведомление², а также процессуальное решение о причастности к преступлению, по которому расследуется уголовное дело³.

Противники данной позиции ссылаются на исторические факты в уголовном судопроизводстве России, когда подобный подход позволял причислять по надуманным основаниям невиновных лиц к числу подозреваемых, что приводило к тяжелым последствиям для страны. В периодической печати 30-х годов приводились факты самоубийств женщин, доведенных до отчаяния после необоснованных подозрений и допросов их в качестве подозреваемых⁴.

---

¹ См. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=176027>, (дата обращения 4 ноября 2023 года).

² Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 51.

³ Пантелеев И.А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 106.

⁴ Калугин. О «подозреваемом» и обвиняемом // Советская юстиция. 1937. № 10-11. С. 54; Голунский С. Проект Конституции СССР и задачи прокуратуры // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 50.

Конституционный Суд подтвердил правомерность сложившейся практики допроса защитника по вопросам, возникающим при выяснении обстоятельств, связанных с проведением следственного действия (Определение от 16 июля 2009 № 970-О-О¹). В основу данного решения была положена необходимость выяснения юридически значимых обстоятельств, возникающих при проведении проверочных мероприятий по заявлениям обвиняемых о принуждении к даче показаний. Данное решение встретило волну критики со стороны ученых, которые указали на обязанность защитника хранить адвокатскую тайну. Сторонники данной позиции сходятся во мнении о том, что адвокат не может быть допрошен, если сообщаемые им сведения не соответствуют интересам доверителя. Показания адвоката могут влиять на оценку показаний обвиняемого, когда им не подтверждены собственные признательные показания по мотивам оказания давления².

Созданный Верховным Судом прецедент серьезным образом влияет на складывающуюся судебную практику. По делу в отношении Быкова адвокат, участвующий в ходе предварительного расследования при осуществлении допроса обвиняемого, в судебном заседании допрошен по обстоятельствам следственного действия. При допросе в судебном заседании адвокат дал показания, в которых опроверг выдвинутую версию обвиняемого о принуждении к даче признательных показаний. Оценивая в совокупности показания подсудимого и адвоката, суд признал достоверными признательные показания Быкова, данные им в ходе следствия, опровергнув показаниями адвоката доводы о применении незаконного метода при производстве расследования. В определении Верховного Суда РФ, вынесенном 1 марта 2004

---

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2009 года № 970-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=92536> (дата обращения 25 мая 2024 года).

² Таран А.С. Допрос адвоката об обстоятельствах производства следственных действий в свете позиции Конституционного Суда РФ // Адвокатская практика. 2016. № 2. С. 49-54.

года, высший судебный орган не установил нарушений закона при постановлении обвинительного приговора¹.

Данная позиция Верховного Суда РФ о практике допроса в судебном заседании защитников, участвующих в ходе предварительного следствия, подвергается критике В.А. Лазаревой², Р.Г. Мельниченко³, В.П. Божьева⁴.

Вместе с тем практика Верховного Суда построена на строгом выполнении указанного решения Конституционного Суда по жалобе Гаврилова. Последний заявил в судебном заседании ходатайство, в котором просил исключить из числа имеющихся в деле доказательств его признательные показания, приведенные в протоколе допроса в качестве обвиняемого. В обосновании своих доводов он указал, что был допрошен в отсутствие защитника. По ходатайству государственного обвинителя был допрошен адвокат по вопросам его участия в ходе следственного действия с участием Гаврилова. Показания защитника о том, что с его участием Гаврилову было предъявлено обвинение, а также о том, что в его присутствии Гаврилов был допрошен в качестве обвиняемого, были признаны допустимыми, исходя из конституционного смысла допустимости доказательств.

В своем решении Конституционный Суд указал на то, что адвокат участвует в ходе следственных действий для защиты прав подозреваемого и обвиняемого от возможного нарушения процессуального закона следователем или дознавателем. При установлении фактов нарушений закона, адвокат обязан сообщить об этом уполномоченным должностным лицам, соответственно, сведения о допущенных нарушениях закона не составляют

---

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2004 года по делу Молодинова, Павлова, Быкова и др. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1. С. 16-17.

² Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России: Учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. С. 172 - 175.

³ Мельниченко Р.Г. Адвокатам разрешили давать показания против своих клиентов? // Адвокат. 2008. № 7. С. 3-6.

⁴ Петелина М. Кто хозяин адвокатской тайны? // Адвокатская тайна: Сборник материалов / Сост. Н.М. Кипнис. М.: Американская ассоциация юристов, 2011. С. 90.

адвокатскую тайну. По этим причинам, рассматривая уголовное дело, суд может допросить адвоката по вопросам нарушений закона, допущенных органами предварительного следствия. Суд не вправе касаться вопросов, составляющих конфиденциальную информацию, доверенную адвокату. Данная правовая позиция была включена в Рекомендации, выработанные Федеральной палатой адвокатов по вопросу сохранения адвокатской тайны¹.

Высказывается и мысль неконституционности положений ст. 75 УПК РФ². Указывается на безусловный приоритет показаний, добытых с участием адвоката, в сравнении их с теми, которые будут получены позже, в том числе в судебном разбирательстве. Позиция тех, кто придерживается этого подхода, основана на том, что первые показания всегда правдивы, даже если они получены под принуждением. Конечно, в основном данный подход имеет место быть, когда достоверность показаний поставлена под сомнение по причине их получения с участием адвоката, назначенного следователем. Здесь правильным будет признать, что подобные случаи, когда адвокат недобросовестно относится к своим профессиональным обязанностям, являются достаточно редким явлением. В этой связи с подобными выявленными прецедентами, как правило, борется адвокатская палата, где обеспечивается контроль над соблюдением защитниками норм адвокатской этики³. Как заметил В.В. Момотов, адвокатский институт действительно нуждается в системном развитии в целях его дальнейшего использования, а повышение качественной работы адвокатов и завоевание большего к нему доверия позволит эффективно использовать этот институт во благо гражданского общества⁴.

---

¹ Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности, утвержденные решением совета Федеральной палаты адвокатов от 30 ноября 2009 года (протокол № 3) с дополнениями от 28 сентября 2016 года (протокол № 7), от 5 октября 2017 года (протокол № 5) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2010. № 1; 2016, № 4.

² Доля Е.А. Конституционность п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ // Законность. 2007. № 5. С. 4-11.

³ Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография. М.: Проспект, 2010. С. 224.

⁴ Момотов В.В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал российского права. 2022. N 1. С. 29 - 35.

Очевидно, что все показания (оперативного сотрудника, дознавателя, следователя и понятого и т.д.) всегда будут являться предметом оценки суда, который оценивает их на основе закона, совести и совокупности представленных суду доказательств.

Актуальная позиция Верховного Суда состоит в том, что показания любого сотрудника полиции, как и представителя другого правоохранительного органа, наряду с показаниями подозреваемого о его причастности к преступлению, равно как и об известных ему обстоятельствах дела, не могут образовать совокупность доказательств, подтверждающих или опровергающих факты. Это объяснимо тем, что одни показания являются исключительно производным от других. Учитывая данное обстоятельство для разрешения дела, абсолютно не может иметь значение, подтвердило ли подозреваемое лицо позже показания, данные им дознавателю или следователю. В каждом из этих случаев речь может идти только об одном доказательстве. Между тем при условии, что исключение подобных доказательств будет существенно влиять на решение о виновности, то принятые по делу судебные решения подлежат отмене в кассационном порядке. Соответственно дело в этом случае должно быть передано на новое судебное рассмотрение, так как суд кассационной инстанции, исходя из пределов своих полномочий, не вправе оценивать фактические обстоятельства дела¹.

До настоящего времени судьи цитируют в приговорах сведения от задержанных, подозреваемых, обвиняемых, воспроизведенные сотрудниками правоохранительных органов, не обращая внимания на сформулированную Конституционным Судом позицию два десятилетия назад. В этой связи предполагается целесообразным на законодательном уровне решить вопрос о защите конституционного права не свидетельствовать против себя.

---

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 октября 2021 г. N 13-УД21-6-К2 // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=688948> (дата обращения 7 ноября 2023 года).

Верховный Суд последовательно добивается через свои разъяснения неуклонной реализации на всех звеньях судебной системы права на отказ от самоизобличения. В частности, именно Верховным Судом сформулирована позиция, не позволяющая постановить обвинительный приговор только на основании признания вины подсудимым, если это признание не подтверждено иными доказательствами. Установлена обязанность правоохранительных органов при оформлении протокола явки с повинной разъяснять право не свидетельствовать против себя, то есть положения статьи 51 Конституции Российской Федерации. Отсутствие такого разъяснения дезавуирует доказательственное значение явки с повинной и сделанного при этом самоизобличения.

Таким образом, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, являются конституционно признанными актами толкования норм процессуального права, в том числе по вопросам реализации конституционного права не свидетельствовать против себя. В случае расширительного толкования данных норм правовые позиции, изложенные в постановлениях Пленума, обзорах практики, по существу, приобретают нормативный характер, поскольку имеют руководящее значение для всей последующей судебной практики. При этом экстраординарный характер полномочий Верховного Суда Российской Федерации, наделяет его правом восстанавливать нарушенную законность и независимо от давности принятого незаконного решения, в том числе на основе нарушенного права на отказ свидетельствовать против самого себя.

2.3. Критический анализ правовых позиций Европейского суда по правам человека в области применения права не свидетельствовать против себя

Действующие в обществе правила, даже если они будут признаны всеми, как самые лучшие, с высокой степенью вероятности потеряют свои значение и силу, если будут применяться неопытными, недобросовестными и грубыми

руками. Об этом в своих трудах писал А.Ф. Кони. В данном параграфе будут рассмотрены проблемные вопросы реализации исследуемого права как важного принципа права в международном правосудии. Актуальность данного вопроса обусловлено несомненным влиянием международных стандартов на формирование отечественной судебной практики. В основе работы ЕСПЧ действует принцип недопустимости осуществления принуждения в целях получения нужных доказательств. Стандарты международного права направлены на создание условий, при которых исключается использование признательных показаний обвиняемого, которые получены под воздействием принуждения со стороны участвующих в расследовании должностных лиц, наделенных властью. Изученная в ходе исследования международная судебная практика дает определение вынужденному признанию. Здесь мы видим характерные проявления по подавлению силы к сопротивлению и воли к формированию линии своей защиты подозреваемого. Принуждение характеризуется действиями властей, которыми игнорируется личный интерес задержанного, ограничивается его свобода в выборе способов защиты, исключает принятие самостоятельного решения давать показания или нет, не позволяющих подвергнутому уголовному преследованию лицу решить, какие показания по своему содержанию он может дать. Стандарты международного правосудия исходят из того, что свобода поведения подозреваемого, даже если он обеспечен защитой в проводимом против него процессуальном расследовании, всегда находится в более уязвимом положении в сравнении с участниками процесса, представляющими обвинительную сторону. Сотрудники системы правоохранительных органов, к числу которых отнесены следователи и прокуроры, обеспечены государством всеми необходимыми ресурсами, их деятельность регулируется процессуальным законодательством и ведомственными положениями, что свидетельствует о явном превосходстве над стороной защиты, формально наделенной равными процессуальными

правами. По этим причинам гарантиям реализации прав подозреваемых уделяется большое значение.

Сведение к минимуму самой возможности использования принуждения в любом его проявлении имеет первостепенное значение в международном и отечественном правосудии. Международное право относит признание подозреваемого к доказательству как законному средству для установления фактических обстоятельств совершенного преступления, когда это признание получено без ограничения свободы выбора поведения задержанного и выражено в добровольно данных им показаний. В основе данного подхода находится убеждение о том, что в случаях отступления от этих правил и применения к подозреваемому принуждения будут умалены принципы презумпции невиновности, гарантии права подозреваемого не давать изобличающих себя показаний. Осторожность в использовании самоговора связана с тем, что в случае подавления свободы воли подозреваемого возникает высокая вероятность сообщения им недостоверной информации по делу, которой будут существенно искажены подлежащие установлению фактические обстоятельства преступления. При этом ложность таких сведений может увести ход расследования в неправильном направлении, что необоснованно увеличит сроки расследования, нарушит права участников, вовлеченных в уголовный процесс, на разумные сроки судебного разбирательства.

Обсуждаемая проблема не является новой, по этому вопросу в XVIII веке Ч. Беккариа размышлял, указывая на то, что причинение человеку физической боли в определенный момент может достичь такой степени, что боль, завладев полностью человеком, лишит его способности сделать свободный выбор своего поведения. Причиняемая боль поставит его перед фактом, когда в его сознании будет только понимание того, что избавлением от мучений является избрание короткого пути к самопризнанию¹.

---

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2004. С. 110.

В понятие принуждения как средства получения доказательств может включаться всякое физическое либо психическое воздействие на подозреваемое лицо, выраженное в ограничении свободы выбора своих действий. Подобное воздействие позволяет навязать ему выполнение строго определенных действий или подвести его к принятию конкретного решения. В зарубежной литературе приводились определения, в которых предлагалось считать принуждением обвиняемого не только давать показания, а получать от него нужные сведения, которые подозреваемое лицо при обычных условиях не желало бы открыть должностному лицу, производившему следственное действие. Поэтому любое противозаконное действие следователя, направленное на получение нужных показаний от обвиняемого, путем искусственного создания условий, лишаящих человека свободы выбора поведения, является принуждением¹. При этом принуждение к даче интересующих следователя показаний может реализовываться путем психического или физического воздействия на подозреваемое лицо. Важным для признания принуждения как незаконного метода ведения расследования, является только сам факт понуждения задержанного к самооговору. На принятие такого решения не должно влиять обстоятельство, связанное с тем, что под принуждением оговорило себя реально виновное лицо или признательные показания даны лицом, абсолютно не причастным к расследуемому преступлению. Общеизвестные в международном праве подходы к получению показаний задержанных, которые будут иметь доказательное значение, является неукоснительное соблюдение требований добровольного сообщения подозреваемым сведений, имеющих значение для расследуемого дела. В противном случае полученные показания без учета воли допрашиваемого лица теряют доказательное значение для дела.

---

¹ Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970. С. 115.

Молчание – это единственный и самый трудный аргумент для опровержения. Законным способом преодоления молчания является реальное обеспечение конституционных гарантий, включающее в себя возможность самому не участвовать в сборе и предоставлении изобличающих себя доказательств. Однако на практике создание подобных благоприятных условий для всех участников процесса не всегда эффективно. Обусловлено это, прежде всего, трудностями, с которыми сталкиваются следственные органы практически всех стран при решении вопросов, связанных с собиранием доказательной базы, поскольку они всегда испытывают объяснимое противодействие со стороны защиты. По этим причинам наблюдаются попытки восполнения пробелов в доказательной базе органами следствия своими действиями, подчас связанными с некоторыми ограничениями при соблюдении принципов состязательности на досудебной стадии. В этой связи важным влиянием на складывающуюся судебную практику оказывала сформированная правовая материя ЕСПЧ, которая способствовала выбору приоритетов в области исследуемых вопросов применяемого права относительно выстроенных с учетом многолетнего опыта международных стандартов в сфере процессуальных правоотношений¹.

В проводимом исследовании уже отмечалось, что само право, позволяющее отказаться от дачи показаний против самого себя в европейской конвенции, абсолютно никак не закреплено. Обсуждаемое в работе право реализовано судами путем применения других принципов, позволяющих действовать опосредованно на регулируемые правоотношения. В основном данный принцип реализуется посредством применения принципа справедливого судебного разбирательства. Принятый стандарт обусловлен необходимостью защиты подсудимого от возможного применения против него со стороны властей методов недозволенного ведения следствия, для оказания

---

¹ Бабкин А.И. Формирование и последовательное применение правовых позиций // Российский судья. 2017. № 3. С. 3 - 9.

на него давления, вынуждающего к даче против себя показаний. Соответственно данный международный стандарт призван к минимизации судебных ошибок и, в свою очередь, позволяет реально обеспечить свободное выражение воли подсудимого. Соблюдение этих принципов позволяет обвиняемому самостоятельно определять линию своего поведения, отказаться от сотрудничества с обвинением или принять решение сознаться в причастности к инкриминируемому преступлению. Главным в этом является предоставление государством каждому свободы выбора своего поведения¹.

Поднятые в исследовании проблемы, связанные с границами допустимости принимаемых мер по оказанию обусловленного тактикой ведения следствия давления на лиц, подвергнутых допросу в ходе осуществления расследования, до настоящего времени вызывают озабоченность со стороны практикующих юристов и ученых большинства государств. По этой причине есть необходимость проанализировать международные нормы права, обязывающие уважать честь и достоинство обвиняемого при проведении его допроса. Получение признательных показаний при допросе подозреваемого, на которого оказано воздействие, связанного с применением к нему физического насилия, использования в ходе допроса гипноза, обмана, введения против воли психотропных или наркотических средств, доведения до состояния сильного алкогольного опьянения, должно быть признано незаконным.

К сожалению, допустимость способов оказания воздействия на подозреваемое лицо в совершении преступления в ходе расследования уголовных дел до настоящего времени не получила законодательного закрепления, а поэтому остается острым, достаточно юридически сложным и спорным. Ответа на него, по мнению многих ученых, невозможно найти ни в нормах отечественной юриспруденции и в международном праве. Конечно, о

---

¹ Чебуренков А.А., Штанов С.В. Проблемы определения в юридической науке пределов действия презумпции невиновности // Российский судья. 2016. N 11. С. 31 - 36.

недопустимости использования в ходе расследования открытого насилия, любой жестокости или действий, направленных на унижение человеческого достоинства, а также пытки позволяет говорить, предусмотренное в конституционном принципе (статья 21 Конституции Российской Федерации) предписание, раскрывающее понятия уважения чести, достоинства личности, вводящие в юридический лексикон понятие пытки и оформляющее запрет на ее использование.

Международные нормы гласят о недопустимости любых методов расследования, которые включают в себя физическое насилие, психическое воздействие, откровенные пытки, гипноз, длительные, а также ночные допросы, использование спиртных напитков, принудительное применение к допрашиваемым лицам наркотиков. Данные методы, направленные на получение показаний, в которых подозреваемый вынужден дать признательные показания, международное право не признает. ООН исходит из того, что данные незаконные методы получения показаний способны влиять на свободу действий подозреваемого. Подобными действиями следователи лишают его возможности самостоятельно принять решение о даче показаний и о содержании этих показаний, а также они могут прямо или косвенно оказать воздействие на сознание человека, способны преодолеть контроль человека над собой, обратиться к его памяти и повлиять на суждения допрашиваемого лица.

Всеобщая декларация прав человека¹ закрепляет, что бесчеловечному, жестокому, унижающему человеческое достоинство обращению, пыткам, а также всякого рода наказаниям не может быть подвергнут никто. Подобное можно также найти в ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах².

---

¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года // Российская газета. 1995. 5 апреля. № 67.

² Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

Советский Союз и Российская Федерация как его правопреемник ратифицировали (с февраля 1989 года без оговорок¹) Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания². С 1 сентября 1998 года вплоть до 16 марта 2022 года³ в отношении России действовала Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод⁴.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации в правовую систему России включены в качестве составной части общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации. Однако, если международный договор противоречит Конституции, он не подлежит применению (ч. 6 ст. 125 Конституции).

В силу действующих международно-правовых актов (не только Конституции Российской Федерации) пытки или иные действия, направленные на умышленное причинение боли или других страданий, запрещены. Под запрет в России подпадают и действия, связанные с причинением нравственных переживаний, с применением физического насилия на допрашиваемое лицо или в отношении других близких ему лиц. Незаконным будет получение любых сведений, значимых для предварительного расследования, или простого признания в причастности к преступлению. За рамками закона будут считаться действия следственных органов, связанные с воздействием на допрашиваемое лицо путем запугивания, действия вызывающие страхи, действия дискриминационного

---

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1989 года № 10125-ХІ «О снятии сделанных ранее оговорок СССР о непризнании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН по спорам о толковании и применении ряда международных договоров // Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 11. Ст. 79.

² Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Заключена 10 декабря 1984 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.

³ Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 10 Ст. 1566.

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года. Начало действия в Российской Федерации – 1 сентября 1998 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

характера. Правоотношения, охраняемые международным правом, закрепляют требования, предъявляемые к государственным должностным лицам, а также к любому представителю власти, выступающему публично в официальном качестве не допускать в своих действиях причинение боли, а также любых страданий подвергнутым допросам лицам. Ответственность за получение нужных сведений при допросе лица могут нести также представители власти, которые непосредственно не участвуют в пытках, но своими действиями (бездействием) способствовали применению недозволённых методов ведения следствия. Подлежат привлечению к ответственности и должностные лица, организовавшие применение подобных способов для получения нужных показаний, подстрекали к таким действиям или незаконно бездействовали, выражая молчаливое согласие. Причинение боли и страданий закон допускает только тогда, когда они возникают в связи с применением законного наказания, пресечения противоправных действий допрашиваемым лицом или вызваны случайностью.

Недопустимо запугивать или обращаться плохо с лицом по поводу поданной им жалобы, а также данных свидетельских показаний.

В Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, принятом Генеральной Ассамблеей ООН¹, установлено, что никто из задержанных или находящихся в заключении граждан не должен подвергаться пыткам. Оправданием этому не могут быть никакие обстоятельства (принцип 6). При этом под понятием бесчеловечного, жестокого, унижающего человеческое достоинство обращение должно пониматься обеспечение граждан широкой защитой против возможного злоупотребления, психологического или физического насилия, что может включать в себя заключение задержанного в такие условия, которые способны

---

¹ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. Принят 9 декабря 1988 года Резолюцией 43/173 на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Правовые основы деятельности системы МВД России. Сборник нормативных документов. Т. 2. М.: ИНФРА-М, 1996. С. 147-157.

лишить его постоянно или временно возможности видеть, слышать, ориентироваться в пространстве.

В Своде принципов закреплено положение о том, что запрещается злоупотребление по отношению к задержанному или находящемуся под стражей лицу для принуждения его к даче признательных показаний, изобличения себя самого, а также изобличения других лиц. Задержанные лица не должны быть подвергнуты в ходе допроса насильственным действиям, к ним не должны быть применимы угрозы и методы дознания, способные воздействовать на его волю самостоятельно принять решения и выразить свои суждения. Задержанные, а также заключенные под стражу граждане даже с их согласия не вправе испытывать на себе научные или медицинские опыты, которые способны навредить здоровью. Длительность проводимого допроса находящегося под стражей гражданина или задержанного, продолжительность установленного перерыва между допросами, фамилии производивших допросы должностных лиц в обязательном порядке подлежат фиксации, при этом форма и содержание фиксирования должны соответствовать процессуальному закону. Отступление от данных положений при собирании доказательств не должно быть оставлено без внимания при решении вопроса о допустимости доказательств, изобличающих заключенного под стражу лица или задержанного по подозрению.

Вместе с тем приведенные международно-правовые предписания носят достаточно общий характер, дают возможность расширительно их толковать.

Так, в замечаниях общего порядка двадцатого номера к седьмой статье Международного пакта о гражданских и политических правах комитет ООН в 1992 году выразил мнение о жестоком обращении с заключенными. Было отмечено, что нет необходимости выработать строго определенный перечень действий, а также разрабатывать конкретные отличия форм жестокого обращения к заключенным или их наказанию, поскольку сама природа таких действий, является неприемлемой.

Содержание ст. 7 указанного Международного пакта практически точно воспроизводится в ч. 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации, согласно которой бесчеловечному обращению, пыткам и насильственным действиям никто не может и не должен быть подвергнут. Нельзя подвергнуть человека без его согласия, выраженного добровольно, разным опытам, в том числе научным или медицинским.

Развивая норму Конституции, отечественное процессуальное законодательство содержит запрет на совершение действий или принятие любых решений, которые могли бы унижить честь и достоинство участника процесса, жестоко с ним обращаться, создавать своими действиями опасную для него ситуацию, не подвергать риску его жизнь и здоровье. Создаются и необходимые условия для обеспечения безопасности каждого участника судопроизводства, которые не должны подвергаться унижающему их человеческое достоинство обращению, жестокости, насилию или пыткам.

Уголовный закон устанавливает ответственность лиц, совершивших действия, направленные на принудительное самоизобличение подозреваемого, обвиняемого. Ответственности подлежат лица, если их действия связаны с принуждением любого участника уголовного судопроизводства к даче им показаний путем применения незаконных действий дознавателя, следователя, а также иного лица, осуществляющего дознание, использования при этом шантажа и угроз. Более строгое наказание уголовный закон предусматривает, если такие действия совершены с применением к допрашиваемому лицу пыток, издевательств или насильственных действий (ст. 302 УК РФ).

Нормы российского национального законодательства и международного права в одинаковой степени устанавливают запретительные механизмы для получения нужных для следствия признательных показаний с применением всякого рода угроз, выходящих за рамки разумного времени длительных допросов, в том числе в ночное время, шантажа, навязывания чувства страха, а также элементарных пыток.

Однако в российском законодательстве нет четко выработанного подхода к решению вопросов о допустимости доказательств, связанных с опровержением доводов об использовании следствием незаконных психологических приемов. Проблемными остаются вопросы оценки признательных показаний, которые, по версии обвиняемого, им даны под воздействием гипноза или иной формы обмана.

Нет в российском законодательстве механизмов проверки доводов обвиняемых о применении в отношении них медикаментозных средств, которые были использованы для получения изобличающих показаний. Важность проверки подобных заявлений связана с тем, что применение специальных медицинских препаратов позволяет повлиять на свободу в выборе своего поведения у допрашиваемого лица, учитывая, что при проведении допроса под воздействием медикаментозных средств, очевидно, нарушается память и суждение допрашиваемого лица.

Разрабатывая механизмы защиты лиц, содержащихся под стражей от возможного применения в отношении них недозволенных методов ведения следствия с целью получения изобличающих показаний, ООН приняла 18 декабря 1982 года на 37 сессии Генеральной Ассамблеи ООН специальную Резолюцию 37/194 «Принципы медицинской этики». Данная Резолюция предусматривает, что медицинский работник, врач нарушит правила профессиональной этики, если будет привлечен к проведению профессиональных действий по отношению к заключенному, лицу, задержанному по подозрению, преследуя при этом задачи и цели, которые не связаны с обследованием больного; а также если он использует свои специальные познания, опыт работы для проведения допросов задержанных или лиц, содержащихся под стражей, когда такие действия способны

негативно отразиться на психическом или физическом здоровье заключенных и не соответствует международным медицинским документам¹.

Международное право признает изобличающими подозреваемого доказательствами не всегда именно те, которые подтверждают его виновность, но те, которые создают для них негативные последствия: вся информация, которая может впоследствии быть использована в качестве доказательств против лица, чьи показания являются предметом оценки. Использование стороной обвинения доказательств, полученных с нарушением закона, подрывает основы права.

Длительное время на формирование судебной практики в России оказывала влияние деятельность ЕСПЧ в части соответствия судебного разбирательства по уголовным делам критериям справедливого правосудия, закрепленного в Европейской конвенции 1950 года. В период членства России в Совете Европы были произведены ряд необходимых для совершенствования судебной системы реформ. Сотрудничество в этой области позволило России выявить проблемные участки в системе правосудия страны, которые требовали их разрешения. Опыт, полученный нашим государством во время совместной работы в Совете Европы, который не ограничивается Европейской Конвенцией по правам человека и Судом, является очень важным для развития российской правовой системы и в целом для нашего общества.

Так, Российская Федерация активно сотрудничала с Советом Европы в борьбе с отмыванием денег, гиперпреступлениями, терроризмом, коррупцией. Именно Россия решительно выступала против бесчеловечного и унижающего человеческого достоинство обращения с людьми, против любых пыток в застенках и домашнего насилия по отношению к женщинам. Работа российского представительства в Совете Европы была связана с предоставлением каждому гражданину Российской Федерации возможности

---

¹ Резолюция 37/194 Генеральной Ассамблеи ООН "Принципы медицинской этики" (Принята 18.12.1982 на 37-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=INT&n=4201> (дата обращения: 26 мая 2024 года).

добиваться вынесения справедливого судебного решения, которое должно было соответствовать общеевропейским стандартам и правилам. Сотрудничество в области соблюдения прав человека позволяло странам обмениваться положительным опытом, важной информацией, поддерживать деловые отношения на принципах взаимного уважения. Российская правовая система получила уникальную возможность изучить международный опыт, увидеть положительные аспекты деятельности Европейского Суда, использовать накопленную информацию и опыт в своей деятельности.

ЕСПЧ часто фиксировала допускаемое нарушение человека права сохранять молчание, в то время пока данное лицо не наделено специальным статусом, и в иных случаях, когда это лицо участвует в каких-либо действиях по расследуемому делу. Европейский Суд отмечает, что предоставленные Конвенцией гарантии должны защищать человека и в том случае, когда властями он фактически постановлен в положение обвиняемого. На стадии проверки выдвинутой гипотезы во время проведения опроса, досмотра, фактического задержания, подвергнутое проверочным действиям лицо становится в положение фактического подозреваемого. Действия следствия, направленные на собирание доказательной базы, ее процессуальное закрепление, вынуждают человека, против которого направлены данные действия, элементарно защищаться¹.

Рассматривая уголовное дело в отношении Зайченко в 2010 году, Европейский Суд отметил, что в ходе проведения осмотра места происшествия, еще на стадии проверочных действий лицу, обратившемуся с жалобой, следователем положения ст. 51 Конституции были разъяснены, кроме того, разъяснено право возражать против проведения данного процессуального действия. При рассмотрении национальным судом уголовного дела показания, приведенные в данном протоколе осмотра, суд

---

¹ Ключников А.Ю. Право не свидетельствовать против себя самого как стандарт международного правосудия // Администратор суда. 2018. № 3. С. 53-56.

использовал в качестве допустимых доказательств. В этом случае обстоятельства дела были связаны с осуществлением процессуальной проверки по сообщению руководителя организации об имевшем место хищении, соответственно фактически процессуальные действия проводились по установлению причастных лиц к совершению преступления. По данному делу ЕСПЧ пришел к выводу о том, что разъяснение процессуального права не давать изобличающих показаний, внесенное в протокол осмотра, должно квалифицироваться как стадия предъявления обвинения¹.

Вывод ЕСПЧ крайне спорен. Осмотр относится к числу неотложных следственных действий. По сути, следователь «перестраховался», перевыполнил объем процессуальных гарантий, данных лицу Конституцией и национальным процессуальным законом. Однако «перевыполнение» требований привело ЕСПЧ к противоположному выводу о том, что субъекту фактически предъявлено обвинение.

По делу «Рустам Ходжаев против Российской Федерации» ЕСПЧ установил, что в отношении заявителя проводилась проверочная закупка наркотического средства, приобретателю наркотиков были заранее выданы помеченные купюры, между ними была назначена встреча. После передачи наркотика и получения денег заявитель заметил наблюдавших за ним сотрудников полиции, выкинул деньги и попытался скрыться, однако был задержан с применением физической силы, получив ссадины, не причинившие вреда здоровью. Заявитель на протяжении всего производства по делу отрицал умысел на сбыт наркотиков, однако был признан в покушении на данное преступление. В качестве линии защиты он избрал обвинение сотрудников полиции в его избиении и фальсификации доказательств, последовательно обратившись по данному вопросу в следственные органы, суд, а затем ЕСПЧ. Европейский Суд не увидел по делу ни признаков доказанного жестокого

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 18 февраля 2010 года по делу «Александр Зайченко (Aleksandr Zaichenko) против Российской Федерации» (жалоба № 39660/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 9.

обращения с подозреваемым, обвиняемым, поскольку значительная часть доводов заявителя была опровергнута объективными данными, а само по себе задержание лица, тем более подозреваемого в сбыте наркотиков, допускает применение физической силы, ни фактов фальсификации доказательств по делу. Однако ЕСПЧ обязал внутригосударственные органы России проверить доводы заявителя и мотивированно опровергнуть их в судебных решениях, чего, по мнению ЕСПЧ, сделано не было¹.

Не только с точки зрения отечественной Конституции, но и здравого смысла согласиться с позицией ЕСПЧ нельзя. Он не установил нарушения норм материального права, а, значит, прежде всего, нужно исходить из баланса интересов – публичного (сбыт наркотиков – особо тяжкое преступление, которое наносит колоссальный вред законности, здоровью граждан) и частного (нельзя пытаться, нельзя фальсифицировать доказательства). В этом контексте ЕСПЧ не установил никаких нарушений. Заявитель отказался самоизобличаться и не был к этому принуждаем. «Недомотивированность» очевидно даже для ЕСПЧ верных решений национальных судов нельзя относить к признакам несправедливого правосудия, что и подтвердило повторное рассмотрение данного дела в Российской Федерации. Оснований для отмены состоявшегося в отношении Ходжаева приговора установлено не было².

Практика ЕСПЧ по этим вопросам исходит из того, что в каждом конкретном случае суду необходимо выяснять, в каком контексте было допрошено лицо, при каких ситуационных обстоятельствах он был допрошен. По этим причинам, установив, что задержанный должен давать изобличающие себя показания, при том, что он фактически подозревается в причастности к преступлению, этому лицу необходимо предоставлять предусмотренные

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 12 ноября 2015 года по делу «Рустам Ходжаев (Rustam Khodzhayev) против Российской Федерации» (жалоба № 21049/06) // Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 1.

² Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Тюменского областного суда по делу № 22-271/2017 // размещено Интернет информационной автоматизированной системой «Актофакт» // <https://actofact.ru/case-72OS0000-22-271-2017-2017-01-24-2-1/>. Дата обращения: 26 мая 2024 года.

законом процессуальные гарантии. Даже если такое лицо привлекается к ответственности не по правилам уголовного судопроизводства, но к нему государством применены меры процессуального принуждения, ему также следует гарантировать соблюдение права не представлять изобличающие себя доказательства, поскольку в дальнейшем они могут быть использованы против него.

В частности, отказ от самоизобличения допустим в ходе исполнительного производства по гражданскому делу, в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении, при реализации административных процедур (как-то личный досмотр, предусмотренный КоАП РФ, однако активно применяемый в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве). Если показания, данные в ходе таких процедур, могут быть использованы для изобличения лица уже в рамках уголовного преследования, то получение таких сведений должно происходить уже по уголовно-процессуальной процедуре¹.

Позиция также весьма сомнительная с точки зрения конституционного баланса интересов. Уголовное судопроизводство имеет настолько специфические задачи и сопровождается таким колоссальным объемом конституционных гарантий, что его сравнение с нормами других отраслей права, где цели и задачи иные, а гарантии не столь серьезны, мягко говоря, некорректно. Исходя из позиции ЕСПЧ, может быть парализовано производство по любому вопросу, если существует хотя бы минимальный риск трансформации этого производства в уголовное.

При этом ЕСПЧ не был всегда принципиален в этой своей позиции, особенно если заявитель действовал не против России.

Так, рассматривая дело «Вех против Австрии» в 2004 году, ЕСПЧ установил, что владелец транспортного средства при производстве по

---

¹ Бирюков П.Н. Международное право: Учебник: В 2 т. 10-е изд., перераб. и доп. Серия: Бакалавр. Академический курс. М., 2018. Т. 2. С. 133 - 134.

административному делу раскрыл свое лицо, которое было запечатлено на фотоснимке, что подтверждало факт управления им автомобилем, с превышением, установленной на этом участке дороги скорости. Владелец автомобиля предоставил недостоверные сведения, представив фотографию с изображением другого человека, за что был привлечен к предусмотренной законом ответственности и подвергнут штрафу. Европейски Суд, рассмотрев жалобу заявителя, указал, что следует отличать уголовное судопроизводство от иного судебного производства. Обращение представителя власти к заявителю с требованием предъявления фотоснимка с изображением заявителя было связано с расследованием дела об административном правонарушении. В отношении заявителя уголовное преследование не осуществлялось, рисков, связанных с использованием данного доказательства, не имелось. Представители власти это доказательство использовали лишь для установления событий, связанных с выявленными нарушениями Правил дорожного движения, что не влекло нарушения Конвенции, так как причинная связь между необходимостью получения данных сведений и возможным использованием этого доказательства для изобличения заявителя отсутствовало¹.

Здесь мы наблюдаем типичную для многих межгосударственных органов практику «двойных стандартов» по отношению к различным государствам, значительно снижающую потенциал международного права и многократно усиливающую роль национального права, прежде всего, конституционного по регулированию соответствующих общественных отношений.

Европейский Суд в своих решениях отмечал, что не вызванное необходимостью применение государственными органами методов принуждения приводит к снижению способности государства гарантировать

---

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 апреля 2004 года по делу «Вех против Австрии» [Weh - Austria] (жалоба N 38544/97) (I Секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2004. № 9.

каждому право не избличать себя¹. На это обращает внимание принимаемые государственными органами мерами, нацеленными на исключение из практики работы следственных органов фактов принуждения или угроз его осуществления. Всегда следует оценивать характер и степень оказанного принуждения, соблюдение при этом процессуальных требований к созданию доказательств, а также проверять, каким образом данные доказательства были использованы, оценены вместе с иными собранными по делу доказательствами. На нарушение Конвенции должно указывать предоставление доказательств виновности лица в совершении преступления под угрозой наказания за отказ от сотрудничества.

Отдельной группой стоят рассмотренные Европейским Судом дела, связанные с использованием властями обмана при собирании доказательств виновности лица в совершении преступления.

Важным для понимания принуждения является дело в отношении Аллана, рассмотренного в 2002 году, где, преодолевая отказ заявителя к сотрудничеству и его действия по отказу говорить, полиция прибегнула к использованию информатора. По данному делу заявитель подозревался в совершении умышленного причинения смерти другому человеку. На допросе Аллан отказался давать показания. В целях получения информации Аллана заключили под стражу, что позволило использовать в отношении него оперативно-розыскные мероприятия, а именно негласную, проводимую внутри камеры оперативную разработку в отношении заявителя. Для этих целей в камеру был водворен сокамерник, являющийся агентом полиции. Агент, используя психологические приемы, вошел в доверие к Аллану и вывел его на доверительную беседу относительно мотивов его заключения под стражу. Доверившись собеседнику, Аллан рассказал о своей причастности к убийству. Состоявшаяся беседа была записана на спрятанный диктофон. Как видно из

---

¹ Ильюченко Н.В. Принцип *nemo tenetur se ipsum accusare*: сравнительно-правовой анализ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 3. С. 44.

фабулы дела, для получения признательный показаний в отношении заявителя были использованы поочередно методы психологического давления и физического принуждения, которые выражались в продолжительных допросах и содержание в изоляции, где агент воспользовался подавленным и усталым состоянием заявителя, тем самым выведал у него тайну, связанную с его причастностью к преступлению. Европейский суд сделал суждение о том, что действия представителей власти должны рассматриваться как методы притеснения и принуждения, поэтому самоизобличающие показания были добыты против воли заключенного под стражу заявителя, что влекло нарушение ст. 6 ЕСПЧ¹.

Удивительно, что по данному делу потребовалось вмешательство ЕСПЧ, и неясно, почему вопрос не был разрешен на национальном уровне. Российское законодательство, прежде всего, Конституция однозначно не допускают использование недопустимых доказательств в производстве по уголовному делу. Вряд ли такое доказательство могло быть положено в основу приговора даже в советский период отечественной истории.

При рассмотрении дела «Ван Вондел против Нидерландов» суд установил, что вывод о причастности заявителя, являющегося действующим сотрудником полиции, к преступлению сделан национальным судом на основании сведений, полученных в результате записи телефонного разговора, которые информатор осуществил по своей инициативе, используя при этом оборудование, которое ему предоставили сотрудники правоохранительных органов². При проведении тайной операции, в которой принимал секретный агент, добровольно давший свое согласие на принятие непосредственного участия, с использованием технической поддержки, предоставленной полицией. Соответственно в ходе проведения секретной операции была

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 5 ноября 2002 г. по делу "Аллан (Allan) против Соединенного Королевства" (жалоба N 48539/99) // Бюллетень ЕСПЧ. 2003. № 4.

² Постановление ЕСПЧ от 25 октября 2007 г. по делу "Ван Вондел (Van Vondel) против Нидерландов" (жалоба N 38258/03). URL.: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82962> (дата обращения 22 мая 2024 года).

осуществлена запись переговоров агента с подозреваемым лицом, что было необходимо для подтверждения факта его противозаконной деятельности, придания определенного недоверия к его показаниям и изобличению. Европейский суд указал на то, что техническое оборудование предоставлено тайному агенту представителями власти с инструкцией относительно условий его применения и было указано, какие сведения надлежало добыть от подозреваемого лица. ЕСПЧ согласился, что сотрудники специальных подразделений внесли значительный вклад в организацию и проведение тайной операции. Суд признал важность оснащения агента техническими средствами поддержки для осуществления звуковой записи информации, необходимой для последующего подтверждения достоверности показаний тайного агента. Однако, как отметил Суд, при проведении подобной операции и оснащения агента технической поддержкой недопустимо нарушать установленные требования, которые обеспечивают соблюдение гарантии препятствующих осуществлению произвола со стороны властей.

По существу, речь идет о провокации подозреваемого лицом, не имеющим какого-либо отношения к обстоятельствам дела. Налицо нечто подобное тому, что сейчас называется пранком (от англ. **prank** call, от англ. **prank** — «проказа, выходка, шалость, розыгрыш, шутка», «call» - телефонный звонок). Отечественные Конституция и текущее законодательство напрочь исключают использование подобных сведений для изобличения в рамках уголовного судопроизводства.

В полной мере это показало дело в отношении Быкова, рассмотренное в 2009 году. Записи разговора заявителя были получены путем тайного размещения устройства в жилище Быкова. Национальный суд признал допустимым доказательством сведения из разговора, состоявшегося между подозреваемым и агентом, предоставленные оперативными сотрудниками, которыми проведено оперативно-розыскное мероприятие. Европейский суд согласился с выводом национального суда, указав, что взятые за основу

обвинения слова подозреваемого в разговоре с агентом противоречит положениям о привилегии, гарантирующей отказ от самоизобличения. Заявитель при рассмотрении дела настаивал, что сотрудники полиции допустили превышение своих полномочий, они тайно записали состоявшийся разговор между ним и тайным агентом, действовавшим по распоряжению сотрудников специального подразделения. Обосновывая свою жалобу, заявитель указал, что он был осужден на основе доказательств, добытых в результате хитрости и обмана, которые были допущены оперативными сотрудниками. Быков считал, что используемый против него метод расследования не совместим с действующим принципом справедливости. Высший Суд Европы отметил, что при оценке доказательств, суд государства не принял в качестве доказательства саму запись состоявшегося разговора, в которой заявитель признавал свою причастность к преступлению. Более того, ЕСПЧ отметил, что свидетель, который разговаривал с Быковым, добровольно обратился в ФСБ России с заявлением о том, что именно заявитель дал ему поручение совершить убийство С., а потому он не состоял на службе правоохранительных органах в качестве агента. По этим основаниям Европейский Суд признал показания данного свидетеля заслуживающими большого доверия¹. То есть даже в отсутствие признаков провокации результаты оперативно-розыскного мероприятия и добытое в их ходе признание Быкова не были использованы в качестве изобличающего его доказательства.

Аналогичная позиция была высказана Европейским судом при рассмотрении дела «Геглас против Чехии». Как установил суд, сотрудники полиции, направляя тайного агента на встречу с подозреваемым, оснастили его техническим средством записи разговора. Прибор был спрятан под верхней одеждой. В ходе встречи агента с подозреваемым лицом, сотрудник спецслужб

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 10 марта 2009 года по делу «Быков (Вуков) против Российской Федерации» (жалоба № 4378/02) (Большая Палата) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 6.

записал доверительный разговор. Таким образом, на записывающем устройстве было зафиксировано признание подозреваемого в совершении грабежа. Вместе с тем ЕСПЧ отметил, что национальный суд, оценив совокупность доказательств, постановил обвинительный приговор без использования в качестве доказательства записи данного разговора подозреваемого с секретным агентом. Следовательно, нарушений Конвенции национальный суд не допустил¹.

В данном случае решение по делу против Чехии состоялось до решения против России. В обоих случаях расследовались преступления, связанные с насилием. Поэтому изложение разных позиций в отношении разных стран, причем за сравнительно короткий временной промежуток, бросилось бы в глаза и серьезно дискредитировало ЕСПЧ.

Каждая ситуация должна быть оценена с учетом характера применения средств, необходимых для получения информации. Нужно устанавливать, имело ли место психологическое давление на лицо, чьи показания интересуют следственные органы, является ли данное действие допросом, какие сведения при этом получены и влияют ли они на доказывание виновности этого лица.

При этом оценивая действия представителей власти, именуемые оперативным экспериментом, следует понимать, что они могут представлять по своему содержанию провокационные действия, направленные на получение сведений от подозреваемого изобличительного характера, которые впоследствии могут быть использованы против него, при этом получены такие сведения будут без разъяснения ему процессуальных прав.

По этим причинам необходимо понимать, что проводимые оперативными работниками розыскные мероприятия, прежде всего, направлены на эффективное выявление, раскрытие и расследование преступлений, при этом сотрудники полиции достаточно часто прибегают к

---

¹ Пункты 89 и 90 Постановления ЕСПЧ от 1 марта 2007 г. по делу «Геглас (Heglas) против Чехии» (жалоба № 5935/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2007. № 9.

ограничению привилегии защиты от самообвинения. По общим правилам, использование сведений, полученных при ОРМ, не вызывает затруднений. Однако подобная ситуация коренным образом изменяется, если в уголовном деле доказательства виновности обвиняемого утрачиваются и в распоряжении государственного обвинения остаются только результаты оперативной работы, которые суд вынужден использовать в качестве основных доказательств, постановляя обвинительный приговор.

Конечно, по данному вопросу существует и другое мнение. Так, Д.Б. Панюшин полагает, что следует выработать иные критерии, позволяющие признавать в качестве допустимых доказательств результаты проведенных негласных оперативных мероприятий, включающих записи разговоров подозреваемого и тайного агента. Обосновывая свою позицию, автор считает, что у подозреваемого всегда есть выбор, поскольку он сам своей волей определяет раскрывать свою причастность к преступлению в разговоре с собеседником или скрывать свою тайну¹.

Оценка действий правоохранительных органов всегда должна осуществляться с соблюдением принципа пропорциональности – в России он закрепляется в ч. 3 ст. 55 Конституции.

Так, в постановлении ЕСПЧ от 11 июля 2006 года по делу «Яллох (Jalloh) против Германии» (жалоба № 54810/00) Судом, наконец, было введено понятие публичного интереса при определении критериев допустимости доказательств по отдельным видам преступлений. По данному делу заявитель являлся распространителем наркотических средств. При задержании заявитель проглотил часть запрещенных веществ и ему был введен медицинский препарат, вызывающий рвоту. Полученное таким путем доказательство было взято национальным судом за основу обвинительного приговора. ЕСПЧ

---

¹ Панюшин Д.Б. Допустимость доказательств, содержащих самообличающие показания, полученных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2015. № 13. С. 28-30.

признал применение подобного средства непропорциональным с учетом степени общественной опасности преступления¹.

Крайне сомнительное решение именно с точки публичного интереса, состоящего в бескомпромиссной борьбе с распространением наркотических средств. Заявителю не был причинен какой-либо вред здоровью. Более того, правоохранительные органы, по существу, предотвратили отравление подозреваемого съеденными наркотическими средствами. По существу, налицо легализация крайне опасных действий по сокрытию вещественных доказательств, не имеющая ничего общего с правом на отказ от самоизобличения.

Поскольку ЕСПЧ использует основы прецедентного права, используемое им понятие публичного интереса требует ясности его определения. До настоящего времени четких критериев для отнесения конкретного дела к делам данной категории не имеется, что порождает дифференциацию публичных интересов, прежде всего, применительно к различным государствам.

Национальное законодательство большинства стран не предусматривает возможность предоставлять лицу, подвергнутому уголовному преследованию, возможность распоряжаться по своей воле некоторыми доказательствами, которые имеются только у него. Практически никто не признает принуждением получение против воли лица образцов выдыхаемого воздуха, крови, слюны и так далее. ЕСПЧ, рассматривая дела по таким заявлениям, сделал вывод, что при сборе биологических образцов подобным образом рассматриваемое право не нарушается, если при проведении данных действий не допущены иные нарушения закона².

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 11 июля 2006 года по делу «Яллох (Jalloh) против Германии» (жалоба № 54810/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 2.

² Бирюков П.Н. Европейский защитный ордер // Академический юридический журнал. 2017. Т. 1. N 1 (67). С. 41.

Как уже указывалось, ЕСПЧ нацеливал Российскую Федерацию на создание механизма расследования применяемых в ходе предварительного расследования недозволенных методов ведения следствия. По уголовным делам, в которых усматриваются основания считать, что в отношении подозреваемого применялись незаконные методы проведения следствия, государство обязано провести полноценное расследование. Следователи, которым поручено проведение такой проверки, не должны уклоняться от проверочных действий в рамках процессуальных полномочий. В своём решении ЕСПЧ при рассмотрении дела «Фартушин против России» было обращено внимание на взятые Россией обязательства выполнения по ст. 3 Конвенции¹. Проверка доводов, связанных с жестоким обращением, подлежит обязательной проверке. Последовательные действия России в решении проблемы, связанной с пытками и жестоким обращением с подозреваемыми, а также недозволенными методами следствия, при которых задержанных принуждают к даче признательных показаний, выражены в том, что виновные в таких деяниях должностные лица подвергаются преследованию. Россия последовательно, не применяя «двойных» стандартов, без указания ЕСПЧ ведёт решительную борьбу с любым принуждением к даче показаний: как по линии ответственности лиц, допустивших незаконные методы ведения предварительного расследования, так и по линии критического отношения с доказательствам, добытым с нарушением закона. Верховным Судом даны разъяснения судам об обязанности проверки подобных заявлений подсудимых².

Таким образом, никакой новизны для Российской Федерации практика ЕСПЧ не несёт. Длительное существование объединённого права Европы, не

---

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 8 октября 2015 года по жалобе № 38887/09 «Фартушин против России» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 4. С. 41. Постановление ЕСПЧ от 09.10.2008 "Дело "Абрамян (Abramyan) против Российской Федерации" (жалоба N 10709/02) <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=115835&ysclid=lmrkrxr7b2788703540#9YoFOqTWAпPujMNC>. (дата обращения 23 мая 2024 года).

² Курченко В.Н. Лакуны уголовного судопроизводства в контексте правовых позиций Европейского суда // Уголовное судопроизводство. 2021. № 1. С. 20-25.

выявило каких-либо существенных принципов, которые не были бы известны российской правовой системе.

Основная часть положений Европейской конвенции фактически основана на понимании и необходимости защиты естественного права человека. Соответственно сама Конвенция по своей сути не устанавливает новые ранее неизвестные права и свободы человека, а только обозначает эффективные способы защиты существующих прав, для чего устанавливает свои стандарты по их обеспечению. Данный подход к международным принципам и нормам подразумевает усечённое их понимание, намного меньшее их реального значения. Поэтому указанный подход не свидетельствует о том, что Европейская конвенция для правовой системы России имела и может иметь принципиально важный источник права¹.

Именно по этим причинам уже в дореволюционный период Российские правоведы отмечали в своих трудах, что любой важный и нужный для общества закон всегда является частицей закона, основанного на естественной природе человечества, поэтому этому закону надлежит стать фактической идеей самого государства².

Соглашаясь с таким подходом, Зорькин В.Д. говорил, о том, что способно ли быть по своей сути право несправедливым? Вернее, не может ли право, пускай хотя бы, не приумножать, но как минимум, сглаживать существующую в жизни несправедливость?³

Проблема конкуренции правовых подходов судов России и Европы выявила принципиально разные взгляды учёных относительно формирования единого международного нормативно-правового комплекса, обязательного к

---

¹ Султанов А.Р. О возможности применения естественно-правового подхода к источникам гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 5. С. 3-8.

² Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006. С. 30.

³ Султанов А.Р. О противопоставлении Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: Сборник научных трудов. Казань: Офсет-сервис, 2021. Вып. XVI. С. 199 - 208.

исполнению на национальном уровне. Одно время ЕСПЧ даже называли официальным толкователем норм международного права¹.

Развитие российской правовой системы в последние годы основывалось на применении при рассмотрении дел судами Конституции в совокупности с сформированными правовыми позициями ЕСПЧ. Вместе с тем А.Б. Богомолов справедливо отмечает, что для российских судов применение правовых позиций Европейского суда должно осуществляться в обязательном комплексе с нормами Конституции и решений высших судебных инстанций страны².

В.В. Лазарев, рассуждая по вопросу применения решений Европейского суда отмечал, что фактически речь идет о признании естественного права и вынесении решений, соответствующих принципам верховенства права³.

Еще в первой половине XX века И.А. Покровский высказывался относительно того, что позитивное право является продуктом коллективного мышления и народной воли. Им сказано, что при формальном подходе к позитивному праву в его источниках, то есть в законодательных актах, ему надлежит принять свойство души права естественного и поэтому должно быть проникнутым присущими ему высшими ценностями и принципами⁴.

В продолжение сказанного можно привести высказывание В.Д. Зорькина относительно поднятой проблемы истины закона. Данный вопрос вынуждает задуматься над тем, является ли серьезной ошибкой современности то обстоятельство, что в наше время высокомерно была озвучена позиция, которая объявила устаревшей и легкомысленно отбросила наивно-диалектическую, при этом достаточно гениальную ранее сделанную догадку о том, что право, данное человеку, основано, прежде всего, на самой человеческой природе? Он задается вопросом о том, не задает ли само

---

¹ Воронцова И.В. Нормы международного права как источник гражданского процессуального права: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 75.

² Богомолов А.Б. Применение судами общей юрисдикции норм Конституции Российской Федерации (теоретико-правовой анализ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 18.

³ Лазарев В.В. Доктрина имплементации решений судебных органов в законодательство // Журнал российского права. 2019. N 7. С. 5 - 16.

⁴ Покровский И.А. Естественно-правовые течения в истории гражданского права. СПб., 1909. С. 53.

единство природы, которая является общей для всего человечества и всех народов, населяющих мир, естественный фундамент для зарождения правовой системы, основанной на универсальных правах? По этим причинам Зорькин В.Д. считает, что настало время для создания обновлённой концепции естественного права, а может и создание новой естественно-правовой человеческой конституции.

Предлагаемая концепция естественного права базируется на основах понимания несправедливости. Здесь можно привести высказывание Ф. Бэкона, который выявил три первоисточника несправедливости, к ним он отнес очевидное насилие, жестокость применяемого закона, а также к такому источнику приравнял недобросовестный захват и удержание в сетях под видом законных действий.

Правозащитные функции Конституционного Суда Российской Федерации и ЕСПЧ дублировали друг друга, поэтому факт мотивированности Конституционным Судом принятых решений с использованием правовых позиций ЕСПЧ объяснялся схожестью применяемых Европейским Судом принципов с отечественными конституционными предписаниями¹.

Анализ решений ЕСПЧ выявил и серьёзные отличия в подходах к реализации права не свидетельствовать против себя в России и зарубежных странах. Установлено, что стандарты международного права в целом направлены на создание условий, при которых исключается использование признательных показаний обвиняемого, которые получены под воздействием принуждения со стороны участвующих в расследовании должностных лиц, наделенных властью.

Вместе с тем для того, чтобы были достигнуты идеалы, нужны условия. Перечень таких условий напрямую зависит от природы отношений, которые они регулируют, и обусловлен исполнимостью самих международных

---

¹Арановский К.В. Исполнение актов ЕСПЧ в позициях конституционного правосудия: любой ценой или с нюансами / К.В. Арановский, С.Д. Князев // Закон. 2019. № 6. С. 38.

обязательств. Наличие норм Конвенции отнюдь не стало гарантией одинакового и справедливого выполнения сторонами принятых на себя международных обязательств. Главным фактором, который может способствовать продвижению развития международного сотрудничества, является добросовестность всех субъектов международного права¹. Суждения о том, что одни нормы и одни международные суды предназначены для стран, отнесённых к «третьему миру» или к «изгоям», а другие – к носителям «истинной цивилизации», дискредитировали само международное право и, по существу, обусловили резкое ослабление его значения в 21-м веке. Недоверие к европейским институтам сопровождается резким усилением альтернативных форм международного сотрудничества: БРИКС, ШОС, ОДКБ и т.д.

Применение международных институтов права по отношению к национальным системам напрямую зависит от исполнения принципа добросовестности. Международное право не существует вне механизмов его реализации. Все страны-участники связующих их правоотношений соотносят эффективную реализацию при применении международных институтов с добросовестностью при выполнении ими обязательств, позволяющих достигнуть социальных, а также необходимых правовых результатов².

Соответственно добросовестность, как принцип международного права должна способствовать развитию конвенционных предписаний, а также способствовать установлению крепких взаимоотношений между международными правовыми институтами и государствами, как субъектами этих правоотношений. Добросовестность подразумевает запрет в отношениях на применение обмана, скрытности, обязывает поддерживать среди государств взаимное уважение. Государствам необходимо обеспечивать высокий уровень действия права, согласовывать правотворческую и правоприменительную

---

¹ Халафян Р.М. К вопросу о добросовестности применения международных норм Конституционным Судом России // Российский юридический журнал. 2020. № 2. С. 23-37.

² Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права: Диссертация доктора юридических наук. Казань, 2000. С. 259.

деятельность¹. Этот принцип взят за основу при образовании международных институтов, учитывается государствами, исполняющими взятые международные обязательства, их добросовестность является залогом функционирования Международного суда ООН.

Основываясь на принципе добросовестности, Россия ратифицировала Европейскую Конвенцию, Протоколы к ней, которые были подписаны 28 февраля 1996 года. Россия признала *ipso facto* и юрисдикцию Европейского Суда для себя обязательной по всем вопросам, связанным с толкованием и применением Конвенции во всех случаях, в том числе предполагаемого нарушения Россией положений указанных договоров.

Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил, что окончательное решение Европейского Суда, вынесенное по итогам рассмотрения поданной жалобы, подлежит исполнению при определенных условиях. В решение должно быть указано, что судом установлено, что обратившееся лицо стало жертвой со стороны России, нарушившей права, признанные Конвенцией, в той части, которые констатированы постановлением, соответственно присуждающееся ему справедливая компенсация должна быть выплачена (Постановление от 6 декабря 2013 года № 27-П²).

Изначально предполагаемый принцип справедливости – синергетически международный и конституционный, взятый за основу сотрудничества Российской Федерации и ЕСПЧ, единственно гарантирующий нормальное развитие международного института, постепенно утратил своё значение для Европейского Суда. Отступая от принципов справедливости и добросовестности по отношению к Российской Федерации, Европейский Суд стал допускать принятие решений, в случае исполнения которых они могли

---

¹ Каламкарян Р.А. Принцип добросовестности в современном международном праве. М., 1991. С. 10.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 N 27-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда"// <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=155428>, (дата обращения 16 мая 2024 года).

способствовать нарушению не только Конвенции, а также неправомерно затрагивали сами принципы нашей Конституции. В этих случаях Россия поставлена в положение, когда единственным цивилизованным способом уйти от очевидных дискриминаций и попираний Конституции России, является вынужденная защита от посягательств на свой суверенитет. Так, применение Россией Венской конвенции о праве международных договоров, участником которой она является, стало способом защиты России от проявлений незаконной недобросовестности ЕСПЧ. Ведь именно данная Конвенция закрепляет обязанность сторон международного договора действовать добросовестно (пункт 1 статьи 31).

Соответственно правовые позиции, сформулированные Европейским Судом, которые содержат оценку нашему национальному законодательству, не могут отменить для российской системы права приоритет Конституции, а поэтому могут быть реализованы в рамках нашей системы при единственном условии, когда эти решения признают и уважают основной закон нашей страны.

Действуя, исполняя все общепризнанные нормы международного права, Россия ни в коем случае не предаст свой национальный и государственный суверенитет и дух Российского государства, Россия бережно хранит основы конституционного строя, обеспечивает верховенство, самостоятельность и независимость государственной власти. Для этого государство реализует в полном объёме независимость судебной власти и на уровне международного общения, тем самым надёжно охраняет свой статус самостоятельного государства.

Конституционный Суд России, рассматривая принятые решения Европейским Судом, оценивая их на соответствие Венской конвенции, констатировал, что допускаемые им нарушения при применении Конвенции о защите прав человека и основных свобод достигли критической отметки. Им установлено, что только наша Конституция как акт, обладающий самой

высшей силой во всей системе права России, может защитить граждан своей страны, российское общество и само государство. Конституция и без применения Европейской Конвенции может обеспечить максимальную защиту права и свободы наших граждан, баланс частных и публичных интересов.

Обеспечение государственного суверенитета обусловило внесение в Конституцию Российской Федерации изменений, которыми по-новому регламентировано участие России в межгосударственных объединениях, разрешены вопросы и передаче им своих полномочий. При этом Конституцией РФ установлен круг ограничений такой деятельности. Подобные действия не могут быть осуществлены при условии, если они могут повлечь ограничение прав и свобод гражданина, а также, если это не будет противоречить основным принципам конституционного строя России. Принятые решения межгосударственных организаций на основе международных соглашений и договоров в отношении Российской Федерации, если их истолкование будет противоречить Конституции Российской Федерации, исполнению не подлежат (статья 79).

В настоящее время ЕСПЧ фактически превратился в суд «двойных стандартов», принимающий политически мотивированные решения против Российской Федерации, нарушающие ее Конституцию, и при этом перестал видеть очевидные нарушения, совершаемые в других странах, прежде всего, на Украине, поощряющей действия различных террористических организаций против мирного населения Донбасса, осуществлявшей и осуществляющей беззаконие в сфере уголовного судопроизводства в отношении лиц, не согласных с реабилитацией фашизма и оголтелым национализмом.

Таким образом, сотрудничество Российской Федерации, вступившей в Совет Европы в 1996 году, с этой организацией закончилось. Инициатором разрыва международных отношений стал Комитет министров Совета Европы, который 25 февраля 2022 года принял резолюцию, согласно которой было приостановлено в уставных органах Совета Европы представительство России.

В подобных условиях Российская Федерация вынуждена была 15 марта 2022 года уведомить официально Генерального секретаря Совета Европы о том, что Россия вынуждена выйти из Совета Европы. Действия России обусловлены положениями статьи 7 Устава Совета Европы, и также было принято важное для нашей страны решение о денонсировании Конвенции о защите прав человека и основных свобод. 16 марта 2022 года Комитет министров Совета Европы, действуя в нарушении Устава Совета Европы, принял резолюцию в отношении России о прекращении ее членства в Совете Европы с указанной даты. Принимая во внимание, что указанная Конвенция прекратила свое действие для России с 16 марта 2022 года, Российской Федерацией принято решение о прекращении действия международных договоров Совета Европы в отношении России с этой же даты¹.

При этом сохранилось право граждан Российской Федерации обжаловать решения судов в ООН, где работает специальный Комитет по рассмотрению таких обращений. Хотя эти решения не обязательны для российских властей, они носят рекомендательный характер, но согласно принятому Верховным Судом еще в 2012 году постановлению, данные решения могут являться поводом для пересмотра состоявшихся судебных решений².

Отказ Российской Федерации от признания юрисдикции ЕСПЧ не повлечёт за собой ограничение защиты прав граждан России, об этом сказал Президент Российской Федерации В.В. Путин 14 февраля 2023 года. Предвзятость и пристрастность неприемлемы для судебной власти, ЕСПЧ фактически себя дискредитировал. Российские суды способны защитить права

---

¹ Федеральный закон от 28.02.2023 N 43-ФЗ "О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы" // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=440539> (дата обращения: 28 мая 2023 года).

² См., в частности: Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов ООН, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на уважение личной и семейной жизни. Подготовлено Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации // Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в сети Интернет https://vsrf.ru/documents/international_practice/33501 (дата обращения: 28 мая 2024 года).

граждан, и это успешно реализуется Конституционным Судом Российской Федерации в рамках формирующегося и пока дискуссионного института конституционной кассации.

ГЛАВА 3. Конституционные механизмы реализации права не свидетельствовать против себя

3.1. Конституционные основы деятельности кассационных судов общей юрисдикции и их роль в укреплении конституционных гарантий права не свидетельствовать против себя

В современном мире сильный и независимый суд является залогом успешно развивающего устойчивого и стабильного государства, способного цивилизованным образом разрешать любые конфликты, возникающие в обществе. Эффективная организация судебной системы страны способствует экономическому росту, позволяет качественно улучшать инвестиционный климат государства, так как заслуживающее доверие правосудие считается самым совершенным механизмом, способствующим защите законных интересов, а также прав и основных свобод, собственности и активов бизнеса. Суверенитет государства достигается, в том числе, доверием к его судебной системе, позволяющей справедливо рассматривать дела. Государство, осуществляющее самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, должно сформировать идеальное правосудие, в которой олицетворены присущие зрелому обществу признаки. К таким признакам необходимо отнести историческую, культурную и цивилизационную ценности.

Этому во многом способствует последовательная деятельность Верховного Суда Российской Федерации, которым разрабатываются важные инициативы, способствующие повышению роли российского правосудия, отвечающего запросам современного общества.

Высокая актуальность этого вопроса определяется мировой тенденцией, свидетельствующей о постепенном снижении доверия общества к судам. По данным социологического института США Гэллуп, общемировой уровень доверия к судам в семидесятых годах прошлого столетия находился на уровне

40 - 50%. В начале нашего столетия примерно с 2006 года начал снижаться и в 2017 году уже составлял 25 - 30%¹.

Общемировая потребность к повышению доверия к правосудию является одним из главных запросов мировой общественности. Граждане Российской Федерации также требуют от судебной системы неукоснительного соблюдения принципов равенства и справедливости, соответственно в процессуальном и материальном аспектах.

Современная Россия находится на важном историческом этапе развития, когда общество решительно отказывается от идей, насильно навязанных западными идеологами в девяностых годах прошлого века сразу после распада СССР. Принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации с учетом переосмысления нашим обществом своего места на мировой арене построения многополярного мира, в 2020 году претерпела ряд существенных изменений. В современном обществе России в настоящее время идет формирование абсолютно новой социальной среды, соответственно справедливые запросы россиян учитываются при построении современного российского правосудия. Реформа судопроизводства, проводимая в России с 2014 года, коснулась также судебных инстанций, осуществляющих проверку законности судебных решений.

Следует отметить, что проблема проверочных судебных инстанций в уголовном судебном производстве до последнего времени часто поднималась среди учёных-правоведов. Позиция практикующих юристов в этом случае зачастую совпадала с их мнением, ими был обозначен вопрос о том, что ни Конституция, ни уголовно-процессуальный закон чётко не отражали в полномочиях вышестоящей судебной инстанции сам предмет судебного

---

¹Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 134-146; 2019. № 12. С. 68-89.

разбирательства по проверке, вступивших в законную силу судебных решений, то есть не был определён баланс принципов и права на защиту¹.

В 2014 году Верховный Суд Российской Федерации дал старт новой реформы судебной системы, целью которой была масштабная модернизация действующей модели правосудия. Начатая реформа призвана дать импульс для внедрения в судебную систему современных стандартов правосудия. Данная реформа является самой крупной реформой судебной системы России, третьей в истории нашего государства. Проводимая в 1864 году первая судебная реформа заложила основы к образованию в России судебной власти, имеющей признак самостоятельности. Реформа, начатая в 1990 году, по своей природе преследовала фактически такие же задачи и цели, включающие создание независимого суда. Проводимая в настоящее время судебная реформа создает условия для дальнейшего обеспечения развития судебной системы, повышения ее эффективности и качества судопроизводства, высокой правовой защиты населения, и главное максимального доверия общества к судам². Этой реформой, представляющей комплекс системных мероприятий, должны быть затронуты как судоустройство, так и судебное производство. Одной из основных задач реформирования судов, является выстраивание нового институционального устройства судебной системы в судах общей юрисдикции, а соответственно укрепления судейского корпуса.

Одной из причин реформирования судебной системы является завершение модернизации, которое состоялось в начале 2010 годов. Результатом этих процессов стало образование апелляционного института проверки приговоров, не вступивших в законную силу, максимально приближенного по своей процедуре производства к суду первой инстанции и

---

¹ Бородинова Т.Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 4; Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016. С. 5, 16.

² Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева на IX Всероссийском съезде судей // Судья. 2017. № 1. С. 2-8.

усилившего юридические, организационные гарантии конституционного права на пересмотр приговора, закреплённого ч. 3 ст. 50 Основного закона страны. Отчасти введение апелляционного обжалования способствовало придачи импульса к введению дополнительной инстанции¹.

Выступая на Всероссийском съезде судей, проходившем 18 декабря 2012 года, В.Д. Зорькин отметил, что после внедрения в судебную систему новой инстанции, именуемой апелляцией, сложилась уникальная ситуация, когда в суде одного уровня стали соседствовать две самостоятельные инстанции. Судьи апелляционной и кассационной инстанций являлись единым структурным подразделением суда, что с очевидностью влияло на самостоятельность представляемых ими судебных инстанций. Возникла целесообразность создания отдельной третьей инстанции, которая должна обрести самостоятельность, стать отдельным звеном судебной системы. При этом вновь образованный уровень судебной системы не должен быть связан с административным делением в государстве. Основная мысль была в том, чтобы образующиеся судебные инстанции не сосредотачивались в одном месте, не были привязаны к границам субъектов Российской Федерации. За основу этой идеи был взят опыт судоустройства, который был реализован в Российской империи до 1917 года. Подобное деление позволяло способствовать укреплению независимости новой судебной инстанции. Состав судебных округов, входящих в юрисдикцию образуемых кассационных судов, основанный на принципах экстерриториальности судебной власти, известный российскому праву с Судебной реформы 1864 года, после создания окружных судов и судебных палат, вышестоящих по отношению к окружным судам. Данный принцип создавал правила, согласно которым границы судебного округа не могли совпадать с административно-территориальными образованиями российского государства. Высокий уровень независимого суда

---

¹ Брежнев О.В. Реформирование судебных инстанций в России: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 70-74.

обеспечивался самостоятельностью судебных инстанций, чиновники не могли оказывать влияние на принимаемые судебные решения. Эффективность экстерриториальной кассации подтвердило создание в соответствии с Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹ федеральных арбитражных судов округов (с 2003 года – арбитражных кассационных судов) и арбитражных апелляционных судов², юрисдикция которых стала охватывать несколько субъектов Федерации, а дислокация апелляционных и кассационных арбитражных судов, как правило, не совпадала.

В связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»³ (часть 2 статьи 2) был упразднён Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, в вопросы осуществления правосудия, отнесённые к его ведению, были переданы в юрисдикцию Верховного Суда Российской Федерации. Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации стал высшим судебным органом и высшей инстанцией по отношению к двум разным как по компетенции, так и по структуре системам судов. И если дискуссия об объединении компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции (а значит, их организационном слиянии)⁴ не получила развития, то необходимость унификации структуры судов, пересматривающих решения в апелляционном и кассационном порядке, стала очевидной уже вскоре после упразднения Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации⁵.

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.

² Федеральный конституционный закон от 4 июля 2003 года № 3-ФКЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2698.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6. Ст. 548.

⁴ См., в частности: Чечина Н.А. Предмет и система гражданского процессуального права // Актуальные проблемы гражданского процесса. Под ред. В.А. Мусина. СПб., 2022. С. 14-15; Свириденко О.М. Конституционная реформа 2020 года: впервые закреплён самостоятельный конституционно-правовой статус арбитражных судов // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 39-45.

⁵ Лебедев В.М.: в системе СОЮ появятся кассационные и апелляционные суды округов // Портал ПРАВОру. 2016. 10 ноября. <https://pravo.ru/news/view/135456> (дата обращения: 29 мая 2024 года).

Одним из этапов реформы стало образование самостоятельных судебных инстанций, созданных на экстерриториальной основе, в которые были включены новые кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции. Вновь образованные судебные органы продемонстрировали и последовательное проведение в жизнь принципа независимости судей, прежде всего, от субъективного влияния друг на друга и ложных проявлений коллективной солидарности.

Созданные с учётом инстанционности суды ушли от ранее привычного совмещения в стенах одного суда, подчинённого одному руководству всех судебных инстанций. Именно это совмещение в большей степени вызывало беспокойство учёных, участников судебного разбирательства, вовлечённых в судебный процесс. Главной при проведении реформы стала задача достижения максимально объективного и беспристрастного суда при апелляционной и кассационной проверке жалоб. Повышение уровня правовой защиты граждан при проведении судебного разбирательства является концептуальным смыслом изменения модели кассационного судопроизводства, которая преследовалась государством путём создания кассационных судов общей юрисдикции¹.

Конституционные основы деятельности судов кассационной инстанции отражают результаты судебной реформы, начатой в 2014 году. Судебная реформа не только стала развитием конституционных норм, но и отчасти обусловила самих этих норм. С одной стороны, кассационные суды (речь в параграфе идёт о них), как уже отмечалось, подтвердили, существенно развили конституционные принципы самостоятельности судов (статья 10) и независимости судей (часть 1 статьи 120). Кассационные суды значительно усилили гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе права не свидетельствовать против себя (часть 1 статьи 46, часть 1 статьи 51).

---

¹ Иванов И.В. Принципы публичной власти Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7. Ст. 13-17.

Деятельность кассационных судов по устранению судебных ошибок резко увеличило шансы сторон в судебном процессе на справедливое разбирательство, на вынесение гуманного, если для этого имеются основания, судебного решения (часть 3 статьи 50)¹. С другой стороны, высокое конституционное предназначение кассационных судов обусловило более высокую степень ответственности судей этих судов за соблюдение норм закона, судейской этики, в целом за соответствие высокому статусу судьи его носителя. В случае совершения поступка, порочащего честь и достоинство судьи, нарушения антикоррупционного законодательства, наличия противозаконной связи с иностранным государством (двойное гражданство, вил на жительство, наличие счетов в иностранных банках), занятия деятельностью, несовместимой с должностью судьи, полномочия судьи кассационного суда, как и судей высших судов, могут быть прекращены Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации (пункт е³ статьи 83, пункт «л» части 1 статьи 102 Конституции Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, ч. 3 ст. 15 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года «О судебной системе Российской Федерации – введена Федеральным конституционным законом от 8 декабря 2020 года № 7-ФКЗ²).

Опыт, накопленный в период сотрудничества России и стран Европы в области права, продемонстрировал тенденциозность ЕСПЧ по отношению к оценке отечественной судебной системы на предмет соблюдения принципа независимости как условия справедливого правосудия. В решениях ЕСПЧ по делам «Котов против России»³, «Нелюбин против России»⁴, рассмотренных

---

¹ Матейкович М.С., Сентякова Е.С. Конституционное право на пересмотр судебных решений по уголовным делам: содержание, новые реалии // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 3. С. 23-28.

² Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (часть I). Ст. 8029.

³ Постановление ЕСПЧ от 18 января 2007 года дело «Кот против Российской Федерации» (жалоба № 20887/03) // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2466360/>. (дата обращения 28 мая 2024 года).

⁴ Постановление ЕСПЧ от 2 ноября 2006 года дело «Нелюбин против Российской Федерации» (жалоба 14502/04) <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2465011/> (дата обращения 28 мая 2004 года).

соответственно 18 января 2007 года, 2 ноября 2006 года, в Промежуточной резолюции ResDH (2006)1 от 8 февраля 2006 года, принятой Комитетом министров Совета Европы¹, отмечено, что российская система правосудия допускает участие одного судьи при рассмотрении дела в различных инстанциях. Такое положение якобы влияет на объективность, беспристрастность и независимость правосудия.

Данная позиция была крайне некорректной, поскольку отечественное законодательство, наоборот, категорически запрещает участие одного и того же судьи в рассмотрении дела по существу, и в процедуре его пересмотра². Причём, формулируя эту позицию, Конституционный Суд Российской Федерации активно ссылался на решения ЕСПЧ, согласно которым судья не должен подвергаться критике или осуществлять пересмотр принятых им же решений³. Нарушение данного требования неоднократно приводило к отмене состоявшихся решений судами вышестоящих инстанций⁴.

Однако отечественное конституционное законодательство пошло значительно дальше: после реформы 2018 года оно исключает проверку законности и обоснованности судебных решений различными инстанциями одного и того же суда. Исключение составляет Верховный Суд Российской Федерации, занимающий особое место в отечественной судебной системе.

Более того, отечественное конституционное право исключает злоупотребление принципом обжалования судебных решений, не позволяет за счёт длительных, неограниченных сроков экстраординарных процедур

---

¹ Промежуточная резолюция ResDH (2006)1 от 8 февраля 2006 года, принятой Комитетом министров Совета Европы <https://e-ecolog.ru/docs/EPggcSjhml6DJ78reZxDJ> (дата обращения 28 мая 2024 года)

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2007 года № 799-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01112007-n-799-o-o-ob/> (дата обращения 27 мая 2024 года).

³ Постановление ЕСПЧ от 1 октября 1982 года «Пьерсак (Piersack) против Бельгии» (жалоба № 8692/79) // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 417-421; Постановление ЕСПЧ от 29 июня 2004 года «Дело «Сан Леонард Бэнд Клуб (San Leonard Band Club) против Мальты» (жалоба № 77562/01) // Размещено в СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 30 мая 2024 года).

⁴ См., в частности: Надзорное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2011 года по делу № 86-Д10-8 <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100642///> (дата обращения 12 апреля 2024 года)

пересмотра подрывать принцип стабильности судебного решения как производный от принципа правовой неопределённости. основополагающие принципы стабильности приговоров, как любых других судебных решений, определённость, создаваемая ими, могут быть утрачены принятием навязываемой извне стратегии, которая позволяет длиться судебному процессу многие годы¹.

Важным достижением нового построения судебной системы в Российской Федерации является обеспечение для каждого субъекта обжалования равных условий обжалования судебных решений, вступивших в законную силу при несогласии с ними. Образование кассационных судов позволяет обжаловать приговор, не зависимо от того, каким судом он постановлен, кто из судей принимал непосредственное участие в его рассмотрении, включая руководителей судов и судебных коллегий, а также первых среди первых.

Конституционная идея судебной реформы направлена на исключение таких ситуаций, при которых дела могут быть рассмотрены в территориальных границах субъекта, а уж тем более в стенах одного суда, что входит в существенное противоречие с высокими стандартами независимого правосудия. Российская Федерация в современных условиях находится на этапе становления правового государства и развитого гражданского общества. Реализация таких принципов невозможна, если не будет создан механизм правосудия, в котором каждая судебная инстанция должна быть расположена в разных судах, что обеспечит высокий уровень независимого суда. Таким образом, будет создана возможность избежать влияния человеческого фактора, когда законность постановленного приговора не будет проверяться по

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 932. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.03.2014 N 8-П "По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других" .https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160813/ (дата обращения 30 мая 2024 года).

кассационной жалобе коллегой судьи, рассмотревшего дело. В обществе подобное построение судебной системы вызывало вопросы. Постулат, сформулированный в римском праве «Nemo debet esse iudex in propria causa» (судьей в деле собственном не может быть никто), актуален и в наши дни.

Соответственно создание кассационных судов обеспечивает в большей степени доступ к правосудию, укрепляет доверие к суду, возвращает веру в справедливость суда.

Судьи кассационных судов, рассматривая находящие в производстве дела, исходят из положений закона, сложившейся судебной практики, внутреннего судейского убеждения и не связаны с общественным мнением, сложившимся в связи с событиями совершенного преступления.

Одним из главных преимуществ кассационных судов является также возможность непосредственного участия сторон при разрешении дела. При этом опасения противников реформы, связанные с неизбежным возникновением географической проблемы, не оправдались. Действительно, кассационные суды расположены на значительном удалении от судов первой инстанции, чьи судебные решения подлежат проверке по поступившим кассационным жалобам, соответственно, и от места жительства самих сторон. Верховный Суд Российской Федерации, инициировавший проведение данной реформы, предвидя эти вопросы, заранее подготовился к решению этих задач. Принцип доступности правосудия обеспечен путём внедрения в судебную систему средств электронного правосудия, системы видеоконференц-связи, позволяющих сторонам дистанционно участвовать в судебном заседании. Этим решением в полной мере обеспечена реализация в судах кассационной инстанции принципа состязательности сторон¹.

Образование кассационных судов, прежде всего, направлено на создание в России судебной системы, отвечающей всем требованиям развития

---

¹ Брежнев О.В. Реформа судебной системы России 2018 г.: конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 43-47.

профессионализации права. В современных условиях право становится необходимым предметом, знание и анализ которого обязывает профессионально владеть специальными познаниями в области применения и толкования закона. В области правосудия эта тенденция ощущается особенно остро. Соответственно кассационные суды общей юрисдикции при организации кассационной проверки дел призваны обеспечить максимальную реализацию принципа состязательности сторон. Основанная на конституционных положениях состязательность процесса предполагает наличие знания и опыта у сторон права, способности их эффективно отстаивать свои интересы, правильно формулировать требования и возражения¹. Учитывая, что одной из сторон в уголовном процессе в обязательном порядке является представитель прокуратуры Российской Федерации, интересы противоположной стороны в состязательном процессе суда кассационной инстанции должен представлять профессиональный защитник.

По этим причинам при проведении судебной реформы большое значение приобретает актуальность наделения права обвиняемых получать профессиональную защиту в судебном заседании. Решающее значение приобретает данное право при формировании кассационного производства и трансформируется в принцип судопроизводства². Профессионализация защиты сегодня это фундамент обеспечения конституционных основ суда кассационной инстанции.

Зачастую в юридической литературе государство не относят к стороне в уголовном процессе, так как оно призвано решать иные вопросы и задачи. Соответственно при создании условий для равенства прав сторон в уголовном процессе подразумевается, прежде всего, с одной стороны физическое лицо, а

---

¹ Момотов В.В. Принципы справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правопорядков // Российское правосудие. 2018. № 1. С. 35-48.

² Момотов В.В. Рынок судебного представительства: из опыта континентальной и англосаксонской правовой традиции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4. С. 43-47.

с другой стороны юридическое, физическое лицо и прокурор, которые и отстаивают свои интересы, где прокурору отведена роль представителя государства. Иной подход был бы неверным и отрицательно мог влиять на уровень юридической защиты интересов граждан¹. В этой связи наиболее заметно значение проводимой судебной реформы, в результате которой созданы кассационные суды, где максимально проработаны пределы прав участников процесса и возможность в состязательном процессе реализовывать эти права. В основе реформы сконцентрированы изменения законодательных актов, которые направлены на формирование нового звена судебных инстанций, чтобы максимально обеспечить реализацию принципов самостоятельности и независимости. Результатом реформирования стало существенное повышение эффективности состязательности процесса, обеспечение качества правовой ревизии судебных актов, а также максимальная реализация гарантий конституционных предписаний, включающих обеспечение реального права на судебную защиту.

Одним из главных процессуальных новелл при образовании кассационных судов общей юрисдикции стала возможность обжалования приговоров на стадии их исполнения в порядке, именуемом «сплошной кассацией». «Сплошная кассация» - это ревизия уголовного (да и гражданского, административного) в судебном заседании, где стороны в состязательном процессе вправе выступить в обосновании доводов жалобы и возражений на них, представить дополнительные документы, на которые вправе сослаться в своём выступлении. Исходя из правовых позиций, неоднократно выраженных Конституционным Судом Российской Федерации, выбор процедуры судопроизводства, в том числе формы кассации не

---

¹ Головки Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от "равенства оружия" к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. N 6. С. 107 - 118.

относится к прерогативе сторон, а устанавливается законодателем¹. Основным критерием проведения сплошной кассационной ревизии является характер проверяемого решения: если оно является итоговым, содержащим разрешение спора по существу и потому подводит итог его рассмотрению, то оно подвергается «сплошной» кассации (с учётом ранее приведённой позиции об ограничении времени обжалования для обеспечения правовой определённости). Иное решение судебное решение является промежуточным и подвергается выборочной кассации, то есть предварительной проверке судьей без проведения судебного заседания, но с соблюдением требований законности, обоснованности, мотивированности принятого решения².

Реализация конституционных прав при рассмотрении кассационных жалоб в порядке сплошной кассации обеспечивается путём предоставления участникам процесса ставить перед судом вопросы о допустимости доказательств, приведённых судами первой и второй инстанциями, то есть требовать соблюдения нормы части 2 статьи 50 Конституции, а также об устранении нарушений закона, являющихся существенными, допущенных в ходе судебных разбирательств.

Более того, участвуя непосредственно в судебном заседании и обосновывая свои доводы о незаконности приговора, осуждённый и его защитник вправе просить о рассмотрении вопроса о мере пресечения, в том числе просить об избрании альтернативных заключению под стражу видов мер пресечения, то есть отстаивать своё конституционное право на свободу и личную неприкосновенность (статья 22 Конституции).

---

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 года № 788-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Строганова Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 401.3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [https:// https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitucionnogo-suda-rf-ot-28032024-n-788-o/](https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitucionnogo-suda-rf-ot-28032024-n-788-o/) (дата обращения 11 апреля 2024 года)

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июля 2021 года № 1354-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зубкова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частями первой и четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и правоприменительной практикой судов общей юрисдикции // Где опубликовано [https:// https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitucionnogo-suda-rf-ot-24062021-n-1354-o/](https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitucionnogo-suda-rf-ot-24062021-n-1354-o/) (дата обращения 10 апреля 2024 года).

Принятое с существенными нарушениями закона решение суда, в том числе на основе недопустимых доказательств, законным быть не может. Подобное судебное решение не должно признаваться актом правосудия, основанным на справедливости и законности. Рассмотрение уголовного дела в порядке сплошной кассации позволяет устранить допущенные нарушения, в том числе и когда в суд кассационной инстанции поступит ходатайство об отзыве жалобы. Суд в подобных случаях вправе не согласиться с отзывом жалобы, принять решение о продолжении рассмотрения дела и устранить те нарушения, которые будут выявлены или на которые судья уже обратил внимание при подготовке дела к слушанию (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»¹).

Установив основания для изменения или отмены приговора, которые влекут улучшение правового положения осуждённого, суд кассационной инстанции полномочен, внести соответствующие изменения или отменить неправосудный приговор. В основу наделения судов кассационной инстанции подобных полномочий взяты конституционные положения, а также нормы международного права, согласно которым правосудие может быть признано таковым, если соотносится с требованиями о справедливости и способно быстро и эффективно восстанавливать нарушенные права.

Важным с точки зрения защиты конституционных прав является правомочие суда третьей инстанции при выполнении возложенных на него задач выйти за пределы доводов, приведённых в кассационной жалобе, представления и проверить дело в полном объёме. Вопросы, связанные с допустимостью доказательств, положенных в основу приговора, в том числе

---

¹ См. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9. Верховный Суд Российской Федерации особо подчеркнул, что данный пункт разъяснений основан на положениях статьи 46 Конституции Российской Федерации, статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, статьи 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 года).

связанной с нарушением права, не свидетельствовать против себя, могут быть поставлены сторонами в ходе слушания дела, где участники уголовного судопроизводства вправе непосредственно принять участие, выступить в обоснование своих доводов или возражений, дополнить их как письменно, так и устно. Единственным условием для реализации конституционного права на обжалование итогового судебного решения в порядке сплошной кассации, является соблюдение процессуального срока на его обжалование в указанном порядке. При этом всегда сохраняется право обратиться в суд первой инстанции с ходатайством о восстановлении пропущенного шестимесячного срока по уважительной причине.

Количество инстанций, пересматривающих судебные решения, включая приговоры, вызывает дискуссию. Рассуждая по данному вопросу, Г.А. Жилин, высказался о том, что многочисленность существующих судебных инстанций, куда гражданин вправе обратиться с жалобой о несогласии с приговором, искусственно создаёт видимость повышения гарантий по исправлению судебных ошибок. Он считает, что это лишь иллюзия, так как сама суть дублирования аналогичных процедур в существующих инстанциях, через которые проходит жалоба, не является гарантом исправления ошибок¹.

Приведённый вывод является спорным. Каждая судебная инстанция обладает только ей присущими полномочиями и решает только те задачи, которые закреплены в законе. Суд кассационной инстанции обладает правом ревизии судебных актов, находящихся уже в стадии исполнения, при этом такая проверка по рассмотрению дел в порядке сплошной кассации проводится в судебном заседании. В таком же порядке проводятся судебные разбирательства по рассмотрению жалоб, поданных в порядке выборочной кассации, при наличии к тому оснований. В этих случаях стороны имеют

---

¹ Жилин Г.А. Обжалование судебных актов как средство обеспечения эффективности гражданского судопроизводства // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 5. С. 16-25.

возможность довести до суда свою позицию, что является исключительной гарантией реализации участниками процесса своих конституционных прав.

Если участник процесса не соглашается с принятым решением суда кассационной инстанции, он вправе обратиться в следующую кассационную инстанцию («вторую кассацию»), то есть обжаловать его в Судебную коллегию Верховного Суда РФ, где вопрос о необходимости возбуждения кассационного производства разрешается судьей (после судьи – Председателем либо заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации) по правилам выборочной кассации. Исключение составляют кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда – эти акты в кассационном порядке не проверяются и могут быть пересмотрены только в порядке надзора.

Подобный правовой подход раскрывает экстраординарные полномочия Верховного Суда РФ в качестве высшей судебной инстанции, которые им могут быть реализованы в тех случаях, когда были исчерпаны все другие способы обжалования судебных актов.

Поэтому создание качественно нового судебного звена, наделённого достаточно широкими контрольными полномочиями, максимально снизило риск сохранения судебных ошибок после прохождения стадии кассационного обжалования в кассационных судах общей юрисдикции. Соответственно реформирование судов в большей степени повысила роль Верховного Суда, позволив ему сосредоточить основные усилия на толковании норм в целях единообразия судебной практики, а исправление судебных ошибок осуществлять, действительно, в экстраординарных случаях.

Экстраординарность надзорной компетенции Верховного Суда, закреплённой в ст. 126 Конституции, ярко раскрывается в его решениях, в которых высший суд страны, применяя свои полномочия в исключительных случаях, восстанавливает нарушенное право, причём право не только

обвиняемого, но и право потерпевшего, обеспечивает реальный баланс конституционных интересов в уголовном судопроизводстве.

Так, по делу Уразбаева М.Р., осуждённый, преследуя цель воспрепятствовать участковому уполномоченному милиции в его законной деятельности, не желая, чтобы последний раскрыл преступление, к которому Уразбаев был причастен, желая избежать уголовной ответственности, скрыться от суда и следствия, решил посягнуть на жизнь сотрудника Катайского РОВД УВД Курганской области. С этой целью Уразбаев применяя физическую силу, завладел автоматом, из которого выстрелил милиционеру в голову и руки. Смерть сотрудника милиции наступила 9 мая 2002 года на месте преступления от огнестрельного ранения головы. Затем Уразбаев завладел также пистолетом, патронами к нему и ранее взятому автомату, скрылся с места преступления.

Курганским областным судом 15 июня 2005 года Уразбаев осуждён к длительному сроку лишения свободы по ст. 317, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 222 УК РФ. Он обратился в ЕСПЧ, указав на то, что суд незаконно использовал показания брата, вынужденного дать указанные показания, поскольку к нему были применены недозволенные методы следствия.

Рассмотрев жалобу Уразбаева, ЕСПЧ вынес своё решение, где отметил, что в ходе рассмотрения уголовного дела в отношении Уразбаева российскими властями было допущено нарушение п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции. Им было обращено внимание на то, что суд первой инстанции признал допустимым доказательством, подтверждающим виновность Уразбаева, заявление и показания брата осуждённого, в которых он 12 мая 2002 года, а потом 14 мая 2002 года изложил обстоятельства совершенного преступления. Вместе с тем Уразбаев заявил о том, что при проведении следствия к брату сотрудники милиции применили жестокое обращение. Данное обстоятельство подтвердил и брат осуждённого в судебном заседании. По мнению ЕСПЧ, российский суд, признав эти доказательства допустимыми, не провёл их

надлежащую проверку, оставил без внимания обстоятельства, при которых указанные доказательства получены. В приговоре приведено постановление о результатах проверки, которая проведена органами прокуратуры. В решении ЕСПЧ было отмечено, что при проведении проверки о жестоком обращении не получили оценки данные о наличии у свидетеля многочисленных повреждений на голове, образование которых совпадало с датой допроса. В тоже время суд не допросил сотрудников милиции, на которых указывал Уразбаев, как на лиц, применявших в отношении него недозволенные методы¹.

Проверив в пределах своих полномочий дело Уразбаева, Верховный Суд Российской Федерации отметил, что приговор в отношении Уразбаева основан на совокупности доказательств, которые были в полной мере исследованы в судебном заседании. Показания подозреваемого Уразбаева, которые им даны 12 мая 2002 года и заявление, обозначенное как чистосердечное признание, оценены судом в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Верховный Суд отметил, что в протоколе допроса от 12 мая 2002 года имеется отметка о разъяснении Уразбаеву его конституционных прав, в том числе и положения ст. 51 Конституции. После выполнения данных действий он заявил о желании воспользоваться услугами защитника, который был ему предоставлен, адвокат участвовал в следственном действии. По окончании допроса адвокат, осуществляя полноценную защиту, сделал несколько замечаний, внесённых в протокол, затем они вместе с Уразбаевым сделали отметки о том, что протокол ими полностью прочитан.

В своём чистосердечном признании, адресованном прокурору, брат осуждённого сообщил о том, что вечером 9 мая 2002 года Уразбаевы на лошадях совершили хищение коров. Однако были застигнуты участковым сотрудником милиции, который потребовал спешиться с лошадями. Когда

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 8 октября 2019 года «Дело «Уразбаев (Urazbaev) против Российской Федерации» (жалоба № 13128/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 4.

сотрудник милиции попытался надеть наручники на него, в это время Мухамеджан подскочил к милиционеру, выхватил у него автомат, опередив милиционера, который достал пистолет, выстрелил в участкового из автомата. Милиционер упал на спину и Мухамеджан выстрелил в участкового ещё несколько раз. К указанному заявлению приложена схема участка местности, маршрут их движения и место преступления.

В ходе обыска во дворе дома осуждённого осмотрен колодезь, в котором обнаружены патроны к автомату калибра 5,45 мм, аналогичные тем, которые выданы сотрудникам Катайского РОВД.

Президиум Верховного Суда решил, что нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции, на которое указал Европейский Суд, не влечёт признание приговора в отношении Уразбаева М.Р. неправосудным, который оставлен без изменения¹.

Как мы видим, конституционная реформа судебной системы значительно повысила роль Верховного Суда, его экстраординарные полномочия теперь задействованы только в исключительных случаях, к таким случаям отнесено приведённое уголовное дело.

Кассационные суды же не только устраняют значительную долю судебных ошибок, «разгружая» Верховный Суд. Они, конституционные суды, также оперативно разрешают юридический конфликт, тем самым своевременно восстанавливая взаимное доверие государства и общества, обеспечивая сбалансированность прав и обязанностей, защищая достоинства граждан, - именно то, что закреплено в преамбуле и в части 6 статьи 75, статье 75.1 Конституции Российской Федерации.

По этим причинам кассационная инстанция является реальным форпостом на защите конституционных прав граждан, это важная судебная

---

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2020 года по делу № 55П20 // <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-14102020-n-55p20/> (дата обращения 14 марта 2024 года).

инстанция, имеющая все возможности для эффективного устранения допущенных судами первой и апелляционной инстанциями нарушений закона. Мировая практика ничего подобного не знает.

Судебная ошибка в уголовном судопроизводстве по своей природе и значению существенно отличается от ошибок в иных видах судопроизводств. У этой ошибки – иные последствия для конституционного правопорядка, соответственно, особые конституционные правила экстраординарного устранения: 1) исключение уголовного преследования дважды за одно и то же преступление (часть 1 статьи 50 Конституции); 2) конституционно значимый запрет на поворот к худшему¹; 3) несоизмеримый с иными видами судопроизводств характер неблагоприятных последствий, которые претерпевает ошибочно осуждённый вследствие допущенной судебной ошибки². Судебная ошибка всегда есть нарушение статьи 55 Конституции³.

Несмотря на запрет повторной подачи жалобы в ту же кассационную инстанцию тем же лицом (конституционная функция защитника в уголовном судопроизводстве выражается в том, что он и его доверитель выступают как одно лицо и не могут иметь различных интересов⁴), обнаружение ранее не

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 года № 5-П по делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан // Сборник законодательства Российской Федерации. 2005. № 22. Ст. 2194.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2014 года № 8-П по делу о проверке конституционности ряда положений статей 401³, 401⁵, 401⁸, 401¹⁷ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других // Сборник законодательства Российской Федерации. 2014. № 14. Ст. 1690.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 года № 15-О по запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статьи 252, части первой статьи 389.13, части третьей статьи 389.20 и части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14012016-n-15-o-po/> (дата обращения 11 января 2024 года).

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2011 года № 1474-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Буциковой Татьяны Юрьевны, Волохонского Юрия Николаевича, Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав статьями 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://base.garant.ru/58204543/> (дата обращения 4 марта 2024 года) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2013 года № 556-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Михайловской Людмилы Васильевны на нарушение конституционных прав гражданина Наточия Николая Николаевича частями первой и третьей статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

выявленной судебной ошибки исключает отказ в рассмотрении даже повторной жалобы¹.

Как уже отмечалось, сейчас в Российской Федерации действуют две модели кассационной проверки дел: к первой модели отнесена кассация, являющаяся непосредственной, вторая модель кассационного производства действует в Верховном Суде и именуется опосредованной. Осуществляя кассационную проверку, судья изучает поступившую жалобу по копиям судебных решений, приложенных к ней, а в случае необходимости по материалам истребованного им дела. В компетенцию судьи входит принятие решения об отказе в удовлетворении жалобы или о её передаче на рассмотрение в судебном заседании кассационной инстанции.

Федерации // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=333850#geSEYEUhENiA1XJ5> (дата обращения 23 мая 2024 года) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2013 года № 1899-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бочкарева Вадима Дмитриевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/96_499066799 (дата обращения 29 мая 2024 года) Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71033584/?ysclid=lmrjvsnsng3566251864>. (дата обращения 14 января 2023 года).

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 года № 4-П по делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебрянникова // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 7. Ст. 701; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 1998 года № 5-П по делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части 1 статьи 187 и статьи 192 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 6. Ст. 784; Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2011 года № 1459-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ливерко Валерия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 7, 406, частью первой статьи 412, статьями 413 и 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьей 314 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=236295#5GpGYEU7E4ieMtF>; (дата обращения 29 мая 2024 года) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2011 года № 1460-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукашина Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=236296#20TLYEUstIYV2eMQ1> (дата обращения 5 марта 2024 года) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2011 года № 1465-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баушко Дмитрия Дмитриевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статей 48, 49, 301 и 303 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР во взаимосвязи со статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации // https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/96_902316299 (дата обращения 29 мая 2024 года), Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2011 года № 1468-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Минакова Евгения Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 403 и части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122188/ (дата обращения 29 мая 2024 года).

Предварительная процедура рассмотрения жалоб, определяющая дальнейшую процессуальную траекторию движения дела, отвечает правовой природе и предназначению конституционного производства, не умаляет права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Решение, принимаемое судьей единолично, не может быть произвольным: в нем должен содержаться анализ принятых решений, доводов жалобы, а всякое сомнение в законности и обоснованности этих решений обуславливать передачу жалобы для кассационного рассмотрения по существу. «По существу» - это очень важный момент, потому что на стадии предварительного рассмотрения жалобы нового решения по делу, иного определения прав и обязанностей сторон не происходит. Рамки конституционности выборочной кассации: единоличная процедура проверки приемлемости жалобы не должно затрагивать самого существа конституционного права на пересмотр судебного решения, у вводимых ограничений должна быть законная цель, и эта цель, средства, используемые для её достижения, должны быть соразмерны.

Таков конституционный смысл выборочной кассации, сформулированный Конституционным Судом Российской Федерации¹.

Уголовно-процессуальный закон не позволяет обжаловать решение, вынесенное в рамках предварительного контроля². Однако указанное обстоятельство не нарушает конституционного права участника процесса на дальнейшее движение дела. Законодатель предусмотрел дополнительные меры, направленные на устранение возможных судебных ошибок, позволив заинтересованному лицу обращаться к Председателю Верховного Суда и обжаловать не только состоявшиеся в отношении него судебные решения, но и оспорить выводы судьи, отказавшему в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании. Это дополнительный механизм возбуждения

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2014 года № 8-П. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160813/ (дата обращения 30 мая 2024 года)

² Пацация М.Ш. О темпоральном аспекте применения ч. 8 ст. 291.6 АПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 12-38.

кассационного производства по жалобе, позволяющий провести проверку законности и обоснованности постановления судьи Верховного Суда, вынесенного в предварительном порядке, обеспечить исправление судебной ошибки защитить нарушенное право в уголовном судопроизводстве¹. Экстраординарные полномочия Верховного Суда позволяют исправлять судебные ошибки, связанные с незаконным осуждением, без ограничения сроков².

Исправление судебной ошибки обязательно независимо от причин, которые привели к ее совершению. Это происходит и в том случае, если фактические обстоятельства исследуемого события приведены неверно или им судом дана неправильная юридическая оценка. Каждое нарушение, препятствующее независимому, беспристрастному и самостоятельному выбору судьей подлежащих по конкретному уголовному делу применению правовых норм, существенно противоречит охраняемым конституцией принципам справедливого суда.

---

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 года № 792-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гушиной Людмилы Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй и частью пятой статьи 401.10, а также статьей 412.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28032024-n-792-o/> (дата обращения 1 июня 2024 года) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 1941-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Залова Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 17, пунктом 2 статьи 401.7 и пунктом 1 части второй статьи 401.8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=440774#emsPYEU84rPEhZkD> (дата обращения 14 февраля 2024 года) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2021 года № 1419-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лашко Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также частью первой статьи 222, частью третьей статьи 228 и частью первой статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=680540#UuaQYEUmMNIZOpN82> (дата обращения 17 мая 2024 года) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 года № 1474-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шура Павла Викторовича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 401.10 и статьей 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=719462#wIRRYEUmyo16Mxzs> (дата обращения 11 марта 2024 года). Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 года № 1053-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воропаева Олега Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=765489#vhFSYEUIBjRhD0m> (дата обращения 20 марта 2024 года).

² Пацация М.Ш. О дискреционных полномочиях должностных лиц Верховного Суда РФ в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2015. N 5. С. 10 - 61.

Кассационное устранение судебной ошибки, связанной с использованием производных от пояснений подозреваемого, обвиняемого показаний сотрудников правоохранительных органов не всегда влечёт отмену состоявшихся судебных решений в целом. Кассационные суды обычно отмечают, что исключение данных доказательств из приговора не ставят под сомнение достаточность других доказательств, не влияют на квалификацию действий виновного и на назначение ему наказания. Так реализуется принцип правовой определённости. Устранение таких ошибок путем изменения, а не отмены состоявшихся судебных решений отвечает конституционному предназначению судебной защиты¹.

Правовая позиция о запрете подменять при доказывании показания задержанных лиц показаниями сотрудников полиции, иных правоохранительных органов, результатами следственного и оперативно-розыскного действия, произведённых на стадии досудебного производства, выраженная в 2004 году, неоднократно подтверждалась в последующих решениях Конституционного Суда². Кассационными судами общей юрисдикции приняты многочисленные решения, направленные на реализацию этой правовой позиции.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2022 года № 3492-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Артамонцева Павла Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьями 7, 75 и 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27122022-n-3492-o/?ysclid=lmrkyb947t226124494>. (дата обращения 25 февраля 2024 года).

² Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 N 234-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Поповича Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 92 и частью четвертой статьи 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=36785#VjTckEU7FlxczupM> (дата обращения 14 мая 2024 года). Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 1400-О-О от 17 ноября 2009 года Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2009 N 1400-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шмидт Елены Витальевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 50 и частью первой статьи 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" | ГАРАНТ // <https://base.garant.ru/1793497/> (дата обращения 31 мая 2024 года) Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2020 N 2617-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаджиева Аслана Эльдаровича на нарушение его конституционных прав подпунктом "а" пункта 3 части третьей статьи 49, частью третьей статьи 56 и частью пятой статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25112020-n-2617-o/> (дата обращения 29 мая 2024 года). Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 года N 853-О <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26042021-n-853-o/> (дата обращения 31 мая 2024 года).

Оценивая с этой же точки зрения, допустимость протоколов явки с повинной, «чистосердечных признаний», объяснений и т.п., кассационные суды придерживаются правил, которые изложены в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года «О судебном приговоре», согласно которому право не свидетельствовать против себя подлежит безусловному разъяснению¹. Нельзя признать допустимым доказательством высказывания подозреваемого в процессе задержания, поскольку эти слова, выкрики задержанного не могут быть оформлены процессуально². Нельзя и достоверно установить содержание сказанного при задержании³.

Признательные показания только тогда могут быть признаны допустимыми, исходя из конституционного смысла допустимости, при соблюдении следующих условий: 1) при допросе подозреваемого, обвиняемого необходимо соблюсти процессуальную форму следственного действия, подтвердить полномочия должностного лица, производившего допрос, выполнить требования по разъяснению процессуальных прав допрашиваемому лицу до начала его допроса⁴; 2) проведение осмотров (жилища, личного, места происшествия и т.д.) имеет своё конституционное

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924 - 1977. Ч. 2. М., 1978. С. 327.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2022 года № 3014-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карпова Валерия Анатольевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 56, частью пятой статьи 246 и частью третьей статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21112022-n-3014-o/?ysclid=lmrl2w9wtu703193602>. (дата обращения 17 января 2024 года) Определение Конституционного Суда РФ от 20 марта 2007 г. N 174-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефремова Романа Вячеславовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 42, 56 и 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://base.garant.ru/12153661/?ysclid=lmrdafeph670864569>. (дата обращения 17 января 2024 года).

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2022 года № 173-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скобеникова Михаила Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 56, частью пятой статьи 246 и частью третьей статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27012022-n-173-o/?ysclid=lmrl5klti162008606>. (дата обращения 17 декабря 2023 года).

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 года № 2172-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горшкова Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 46, статьями 189 и 190 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26102021-n-2172-o/?ysclid=lmrl8efimme49246638>. (17 декабря 2023 года).

предназначение и не должны подменять собой иные следственные действия, сопровождаемые специальными конституционными гарантиями¹.

Отдельно следует отметить роль судов кассационной инстанции при решении вопросов об интеграции судебных систем новых субъектов в судебную систему Российской Федерации. 4 октября 2022 года приняты в состав Российской Федерации Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Херсонская область и Запорожская область отдельным, специальным законом.

Осуществление правосудия в переходный период предусматривает процедуру интеграционного процесса, которая регулируется ранее цитированными Федеральными конституционными законами: здесь изложен порядок кассационного обжалования судебных решений «новых» регионов.

В порядке выборочной кассации подлежат обжалованию судебные решения только в период шести месяцев по истечении их вступления в законную силу до 30 сентября 2022 года, то есть до дня принятия новых субъектов в состав Российской Федерации. Обжалование судебных решений в кассационном порядке по уголовным делам, рассмотренным в новых субъектах Российской Федерации, вступивших в законную силу уже после 30 сентября 2022 года, должно осуществляться по правилам главы 47.1 УПК РФ, включая возможность рассмотрения дел по правилам сплошной кассации.

Таким образом, конституционные основы деятельности кассационных судов общей юрисдикции позволяют эффективно укреплять предусмотренные Конституцией Российской Федерации гарантии, включающие в себя право не свидетельствовать против себя. Исследование показало, что при наличии сформированных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций, направленных на реализацию

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 января 2023 года № 2-П по делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 4. Ст. 697.

конституционного права не свидетельствовать против себя, значительное число судей не применяют их на практике. Только за 9 месяцев 2022 года Вторым кассационным судом общей юрисдикции выявлено 109 судебных решений, в которых судами были допущены нарушения, связанные с ограничением конституционного права не свидетельствовать против себя¹.

Более того анализ судебных решений по конкретным делам показал, что подобные нарушения устраняются в кассационном порядке Верховным Судом Российской Федерации, экстраординарный характер полномочий которого нацелен исключительно на защиту любого необоснованно осуждённого лица, что позволяет в каждом случае восстанавливать нарушенную законность и социальную справедливость.

3.2. Анализ судебных ошибок при принятии итоговых судебных решений. Причины и условия, способствующие ограничению конституционного права не свидетельствовать против себя в судах общей юрисдикции, существующие проблемы и пути их решения

Главной задачей кассационных судов, является реальная судебная защита каждого гражданина и юридического лица². Верховный Суд Российской Федерации, обозначая приоритеты при реализации конституционных гарантий, рассматривает кассационную судебную инстанцию как эффективный механизм, обеспечивающий надёжную юридическую защиту лица при обжаловании им судебных актов, восстанавливающий беспрепятственный доступ к правосудию в случае его нарушения³.

---

¹ Матейкович М.С. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2004 года № 44-О и практика его применения по уголовным делам // Российский судья. 2022. № 12. С. 28-34.

² Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина и др.; отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2022, С. 448.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 471 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=389281>, (дата обращения 24 мая 2024 года).

Уникальность данного производства определяется тем, что основанием для внесения изменений в судебное решение или его отмены является только выявление компетентным органом в пределах своих полномочий существенных нарушений закона, которые в обычных условиях процессуального производства не позволили правильно разрешить дело¹.

Этому обстоятельству способствует понимание того, что при всей эффективности деятельности второй инстанции ошибки в решениях остаются. При этом в ряде случаев выявление и устранение подобных ошибок коренным образом влияет на исход дела. Некоторые учёные, объясняя ключевое значение кассационной инстанции и экстраординарного реагирования на выявленные нарушения, ссылаются на проблему необоснованного оставления без изменения неправосудных судебных решений в нижестоящих инстанциях. Ключевым моментом в этом вопросе считают отсутствие полноценной проверки судебных актов, которые не вступили в законную силу, то есть указывают на брак в работе апелляционной инстанции².

Этим можно объяснить возникший феномен недоверия к региональным апелляционным инстанциям после 1 октября 2019 года, когда в Российской Федерации заработали кассационные суды. Как показала судебная практика, участники процесса несогласные с судебным решением, искусственно пропуская срок апелляционного обжалования, спустя десять дней сразу направляли кассационные жалобы в окружные суды в надежде добиться правосудного решения. Правда, здесь стороны иногда ждало разочарование, поскольку полномочия судов кассационной инстанции весьма ограничены. Вмешательство в судебное решение возможно только при выявлении существенных нарушений закона, в том числе основополагающих принципов при рассмотрении дела, использовании при вынесении судебного акта недопустимых доказательств. Более того, в основном характер ревизии

---

¹ Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1946. С. 488 - 489.

² Морщакова Т.Г. Судебное правоприменение в России: о должном и реальном. М., 2010. С. 186.

судебных решений построен на выявлении нарушений, влекущих улучшение положения осуждённого. Принятие решения в сторону, ухудшающую положение осуждённого или оправданного, возможно лишь при установлении такого обстоятельства, которое будет свидетельствовать об искажении самой сути решения суда как правосудного акта. Приведённые правила базируются на конституционных принципах, согласно которым суду отведена исключительная функция правосудия, он не должен быть наделен полномочиями по уголовному преследованию.

В ряде случаев выявление и устранение ошибок коренным образом влияет на исход дела. Этим объясняется ключевое значение кассационной инстанции и оправданность существующей модели экстраординарного реагирования Верховным Судом РФ на выявленные нарушения закона при рассмотрении дела. Исследование на основе анализа судебных ошибок выявило основные причины и условия, способствующие ограничению конституционного права не свидетельствовать против себя в судах общей юрисдикции. Систематизация установленных нарушений закона при рассмотрении дел позволило обозначить существующие проблемы и наметить пути их решения.

Установлено, что при наличии сформированных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций, направленных на реализацию конституционного права не свидетельствовать против себя, значительное число судей не применяют их на практике.

П.А. Лупинская выразила мнение о том, что предназначение каждой судебной инстанции в уголовном судопроизводстве относительно предыдущей построено на принципах публичного интереса, в котором главенствующая роль отведена обязанности суда выявлять допущенные нарушения законности и быстрого их устранения. Каждое необоснованное судебное решение должно

быть отменено или изменено в этом заключается назначение проверочных судебных стадий¹.

Так, 30 августа 2017 года Евпаторийским городским судом Республики Крым Р. осуждён за разбой, его признали виновным в том, что 20 декабря 2016 года, находясь в автомобиле, с целью хищения денежных средств направил на водителя пневматический пистолет, высказал угрозу применения опасного для жизни насилия. Потерпевший, опасаясь осуществления этой угрозы, предполагая, что пассажир направил на него огнестрельное оружие, реально воспринял угрозу для своей жизни и здоровья. Однако Р. реализовать умысел не смог, так как его обезоружил потерпевший.

Обосновывая свой вывод о виновности, суд взял за основу приговора показания сотрудника полиции о том, как в разговоре с Р. он узнал, что тот использовал во время нападения на таксиста имеющийся у него пистолет. Приведённые показания сотрудника полиции суд признал допустимыми, подтверждающие обвинение Р. в инкриминируемом ему преступлении. Кассационный суд указал на то, что, принимая решение о виновности, суд не должен использовать недопустимые доказательства. При этом к недопустимым доказательствам законом отнесены показания оперуполномоченного К., воспроизводящие слова Р. об угрозах и о пистолете. По мнению суда кассационной инстанции, допустимые доказательства, приведённые судом в приговоре, не подтверждают вывод суда о том, что Р. напал на водителя такси с целью хищения и с использованием пистолета. По итогам рассмотрения дела приговор был изменён, действия осуждённого ВС РФ переквалифицированы с разбоя на угрозу убийством². По существу, принятое решение близко к реабилитации, так как вместо особо тяжкого

---

¹ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская // 2-е изд. г. Москва, 2010. С. 51, 52.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 января 2019 года по делу № 127-УД18-19 // <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15012019-n-127-ud18-19/?ysclid=lmrlhl1iy206483496>. (дата обращения 17 декабря 2023 года).

преступления Р. оказался виновен в преступлении небольшой тяжести, а это принципиально иные неблагоприятные последствия осуждения.

20 июля 2017 года Ж. был осуждён Савеловским районным судом г. Москвы за действия, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, включая покушение на их сбыт. Сторона защиты оспаривала доказанность вины осуждённого. В обоснование вывода о виновности суд сослался на показания сотрудников полиции Г. и Б., входивших в состав следственно-оперативной группы, которым со слов Ж. стали известны обстоятельства совершенного деяния. В ходе беседы Ж. рассказал о том, что он за вознаграждение распространял наркотические средства через тайники-закладки, после чего передавал приобретателю наркотические средства, за которые получал денежные средства.

Суд кассационной инстанции, сославшись на Определение Конституционного Суда от 6 февраля 2004 года № 44-О, исключил из числа доказательств показания свидетелей Г. и Б. в части, в которой они узнали со слов Ж. сведения о закладках, о приобретении им наркотических средств, которые впоследствии он намеревался сбывать. Действия Ж. были переквалифицированы, неблагоприятные последствия осуждения были сглажены смягчением назначенного наказания¹.

З. был осуждён за убийство двух лиц путём поджога, с целью скрыть другое преступление к длительному сроку лишения свободы. Потерпевшей был причинен также значительный материальный ущерб. Суд кассационной инстанции частично согласился со стороной защиты, которая обжаловала судебные решения, признав незаконным использование в качестве доказательства виновности протокол явки с повинной. В судебном заседании З. не подтвердил сведения, изложенные в этом протоколе. Иного признания вины со стороны З. уголовное дело не содержало. Суд апелляционной

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2018 года по делу № 5-УД18-183 <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19122018-n-5-ud18-183/> (дата обращения 11 ноября 2023 года).

инстанции, проверяя уголовное дело, установил, что протокол явки с повинной составлен без участия защитника. Перед оформлением протокола З. не были разъяснены права, в том числе право пользоваться услугами защитника и не изобличать себя. По мнению суда апелляционной инстанции, такой протокол явки с повинной не может подтверждать или опровергать обстоятельства, подлежащие доказыванию. Поэтому ссылка на протокол явки с повинной была исключена из приговора, исключён был из осуждения и признак особой жестокости, наказание снижено¹.

Важным условием для устранения ошибок является предоставление законодателем фактически неограниченного срока для обжалования судебных решений. Закон, надо сказать, позволяет восстанавливать пропущенный процессуальный срок на обжалование в кассационном производстве в порядке сплошной кассации и не ограничивает такой срок в порядке выборочной кассации.

По мнению Ю.А. Костанова, отсутствие лимитов процессуальных сроков для обжалования судебных решений в вышестоящие судебные инстанции фактически способствует решению вопроса о безграничной судебной защите конституционных прав граждан. Им выражена уверенность в том, что для своевременного выявления и принятия мер к устранению судебных ошибок и быстрого восстановления нарушенных прав следует не только не допускать ограничения доступа заинтересованных лиц к правосудию, а напротив решать вопросы об ускорении судебного производства².

Пройденное время со дня избрания меры пресечения, предъявления обвинения, постановления приговора до стадии кассационного производства может исчисляться месяцами, а иногда и годами, поэтому крайне важным

---

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 июня 2018 года по делу № 53-АПУ18-6 // <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20062018-n-53-apu18-6/> (дата обращения 11 ноября 2023 года).

² Костанов Ю.А. Пресекательный срок для сплошной кассации. Критический взгляд на предложение ВС РФ // Уголовный процесс. 2020. № 7. С. 89-90.

является ускорение прохождения кассационной жалобы в суде до принятия по ней судебного решения. По этим причинам актуальным является мнение П.А. Лупинской, которой предложен алгоритм действий в экстраординарном судебном производстве. В подобных случаях судья должен действовать исключительно «от противного», он должен изначально предполагать, что осуждённым, является лицо невиновное в преступлении. Изучение материалов уголовного дела должно его убедить в обратном¹. Эффективность кассационного производства связана с качественной проверкой судебных решений, а также с принципиальным подходом к оценке доказательств, на основе которых постановлен обвинительный приговор.

Выявление судебных решений, по которым вина лица установлена с использованием недопустимых доказательств, позволяет суду кассационной инстанции в каждом случае оценить достаточность совокупности доказательств, которых должно быть достаточно для решения вопроса о его виновности.

Так, М. признан виновным в том, что 6 сентября 2011 года, находясь в наркотическом опьянении, преследуя цель избавиться от уплаты алиментов, взяв малолетнюю дочь на прогулку, умышленно столкнул дочь в котлован, заполненный водой, где ребёнок утонул. Сторона защиты утверждала о том, что приговор постановлен на недопустимых доказательствах, а признательные показания осуждённого получены под физическим воздействием. Однако суд кассационной инстанции установил, что при оформлении явки с повинной были допущены нарушения Конституции и уголовно-процессуального закона, поэтому признательные показания, данные М., доказательством быть не могли. Дело было возвращено на новое рассмотрение².

---

¹ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд. г. Москва 2010, С. 102.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.01.2015 N 162П14 // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=484473#2sqwYEUq2fr2jnX> (дата обращения 12 сентября 2023 года).

18 июня 2018 года В. и М. были признаны судом виновными в незаконных действиях, связанных с нелегальным оборотом алкогольной продукции. Проверя судебные решения по кассационной жалобе, вышестоящая судебная инстанция указала на то, что, признавая доказательством протокол явки с повинной В., суд не учёл того, что при принятии заявления о явки с повинной сотрудник полиции обязан разъяснить подозреваемому лицу права, в том числе не избличать себя. Органы предварительного следствия данную обязанность не выполнили. Поскольку полученное незаконно доказательство не должно быть основой обвинения, уголовное дело было передано на новое судебное рассмотрение¹.

З. был осуждён за умышленное причинение потерпевшей тяжкого вреда здоровью в г. Соликамске в ноябре 2015 года, что повлекло её смерть. Суд кассационной инстанции не согласился с тем, что в приговоре были приведены показания оперуполномоченных И. и Д., которые рассказали об избранном способе причинения обвиняемым потерпевшей тяжких телесных повреждений. Данные сведения стали им известны со слов З., который в это время собственноручно писал явку с повинной.

Как указал суд кассационной инстанции, оперуполномоченные могли быть допрошены только по вопросам процессуального оформления следственного действия, когда решался вопрос о допустимости оспариваемого доказательства, но не с целью выяснения содержания ранее данных показаний обвиняемым. С учётом правовой позиции, сформулированной в Определении Конституционного Суда от 6 февраля 2004 года № 44-О, показания оперативных сотрудников И. и Д., касающихся обстоятельств дела, ставших им известными со слов З. при составлении явки с повинной, не могли быть

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2020 N 5-УД20-53 <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25062020-n-5-ud20-53/?ysclid=lmrlws5p2q788870938>. (дата обращения 14 ноября 2023 года).

приняты во внимание судом. Они были исключены из приговора. А сама явка с повинной осталась в приговоре как обстоятельство, смягчающее наказание¹.

Пристальное внимание к признанию вины, некогда «царице доказательств», как видим, заставляет по-иному посмотреть на выводы суда и значительно изменить негативные последствия, которые претерпевает лицо, осужденное с нарушениями требований Конституции и закона.

Следует сказать, что преклонение перед признанием долгие годы сохраняется у юристов-практиков. Использование разнообразных средств борьбы с преступностью, в том числе признания вины, позволяет оперативно раскрыть дело, но не всегда обеспечивает достижение важных конституционных критериев правоприменения – истинности результатов. Истинность всегда соседствует с другой конституционной категорией добросовестности любого сотрудника правоохранительного органа. Только так можно говорить о достижении конституционных целей доверия в уголовном судопроизводстве.

Самоизобличение (самооговор) в качестве одного из доказательства по уголовному делу может быть использован, только как распорядительный акт собственной воли самого обвиняемого по выражению своего отношения к предъявленному обвинению². Научные основы доказывания, информационные технологии, современные методы оперативно-розыскной деятельности позволяют и при отсутствии признательных показаний окончить производство по делу обвинительным приговором. Основной целью признания должно быть стимулирование обвиняемого к добросовестному посткриминальному поведению на основе значительного смягчения неблагоприятных последствий, которые он должен претерпеть за содеянное.

---

¹Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.10.2018 N 44-УД18-30 <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02102018-n-44-ud18-30/?ysclid=lmroh18mbj962785142>. (дата обращения 9 сентября 2023 года).

² Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография. М.: Проспект, 2010. С. 224.

25 ноября 2015 года М. был осуждён за убийство, которое он совершил в этом же году в Ханты-Мансийском автономном округе - Югре. В обоснование вывода о виновности М. суд сослался на показания участкового уполномоченного полиции о том, что при общении с задержанным М. рассказал об использовании им ножа в ходе конфликта с потерпевшим. Ссылка на эти показания была исключена из приговора судом кассационной инстанции, однако виновность М. в совершенном им убийстве потерпевшего это под сомнение не поставило, после исключения показаний сотрудника полиции из числа доказательств в остальной части судебные решения были оставлены без изменения¹.

9 октября 2014 года Ф. также был осуждён за убийство, совершенное в Москве. Суд вышестоящей инстанции отметил, что в обоснование вывода о виновности Ф. в убийстве суд привёл в приговоре показания оперуполномоченного С., в которых он подробно рассказал об обстоятельствах убийства и о непосредственном участии в убийстве осужденного. При этом сотрудник полиции показал, что знает об этом со слов Ф., который в деталях рассказал ему о совершенном преступлении в ходе беседы с ним на месте происшествия. Мотивируя изменение приговора, суд кассационной инстанции указал на недопустимость такого доказательства, поскольку Конституция исключает любую возможность прямого использования сведений, содержащихся в показаниях сотрудников полиции, для восстановления содержания показаний обвиняемых, запрещается также их опосредованное использование. Несмотря на исключение доказательства из приговора, обвинительный приговор отменен не был, поскольку иных доказательств оказалось достаточно для его постановления². Аналогичное

---

¹Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 года по делу № 69-УД19-12 // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09072019-n-69-ud19-12/> (дата обращения 11 ноября 2023 года).

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.02.2019 N 5-УД19-22 <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28022019-n-5-ud19-22/?ysclid=lmropyk5g262906382>. (дата обращения 9 сентября 2023 года).

решение было принято по делу Р., осуждённому за умышленное причинение смерти потерпевшему в г. Самаре 12 сентября 2016 года¹, по делу П. и З., осуждённых за убийство. В последнем случае из приговора была исключена необоснованная ссылка на результаты опросов, которые были осуществлены оперативными работниками при включённой скрытой камере, фиксирующей их беседу².

Таким образом, изучение судебных решений показало, что допущенные судебные ошибки приводят к использованию при доказывании недопустимых сведений, ограничивающих право каждого на отказ от самоизобличения. Не всегда такие ошибки порождают необоснованное претерпевание осуждёнными неблагоприятных последствий, обусловленных постановлением обвинительного приговора. Однако значимость исключения указанных ошибок, их влияние на состояние конституционного правопорядка очевидны.

3.3. Исследование вопросов конституционного правосознания судей (в контексте применения или неприменения положений статьи 51 Конституции Российской Федерации)

Важности признательных показаний, данных обвиняемым на стадии предварительного расследования, придаётся большое значение. Вместе с тем можно встретить суждения о том, что развитие института презумпции невиновности не отвечает интересам общества и государства. Указывается, что данный правовой институт усиливает линию защиты обвиняемых, но одновременно уменьшает возможность правоохранительных органов обеспечивать неотвратимость наказания, тем самым осуществлять защиту жертв преступлений³.

---

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.12.2018 N 46-УД18-55<https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27122018-n-46-ud18-55/?ysclid=lmrot85je4402781>. (дата обращения 15 ноября 2023 года).

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.02.2018 N 73-О18-1<https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-07022018-n-73-o18-1/?ysclid=lmrow8qwq404411103>. (дата обращения 15 декабря 2023 года).

³ Ефимичев С.П. Уголовно-процессуальное законодательство и проблемы борьбы с организованной преступностью // Коррупция в России: состояние и проблемы. М., 1996. С. 116-123.

Согласиться с подобными утверждениями нельзя, так как ответственность лица перед законом будет всегда справедливой, когда достигнут в обществе баланс интересов. Обеспечение защиты интересов потерпевших не должно признаваться законным, если при этом попираются права обвиняемых. Таким образом, предупреждается возможность осуществления репрессий в отношении ошибочно заподозренных лиц, презумпция невиновности даёт возможность привлечь к уголовной ответственности именно тех, кто действительно причастен к преступлению. В ходе проведения исследования было проведено анкетирование, в котором приняли участие мировые судьи, судьи районных (городских) судов, судьи областных (городских) судов. Анкетирование проведено с участием судей г. Москвы, Ивановской, Рязанской, Тверской, Владимирской, Тамбовской, Костромской, Ярославской, Смоленской областей. В анкетировании приняли участие 1 453 судьи.

Вопрос № 1 к судьям.

Как вы считаете, оказывают ли влияние признательные показания обвиняемого, данные им на досудебной стадии на формирование мнения судьи о виновности подсудимого?

Да - ответили 828 судьи или 57 %

Нет - ответили 585 судей или 40,3%

Затруднились ответить - 40 судей или 2,7 %.

Следовательно, можно увидеть, что 57 % судей высказались о том, что признательные показания обвиняемого, данные им на досудебной стадии, оказывают влияние на формирование мнения о виновности подсудимого.

Здесь уместно привести и результаты проведённого анкетирования адвокатов о том, какое значение на практике имеют признательные показания обвиняемого: 70% из них высказались, что такому признанию судом придаётся главное значение¹.

Ответы судей и адвокатов показали практически одинаковый результат, который свидетельствует о том, что признательные показания способны формировать позицию судьи, а потому получение таких показаний с учётом соблюдения конституционных гарантий не свидетельствовать против себя является вынужденной необходимостью.

Признание, сделанное обвиняемым не может считаться основным или главным доказательством, а, напротив, оно может быть признано как менее ценное доказательство, однако в целом этот подход не отражал реального на тот момент положения дел². М.С. Строгович также утверждал, что признание обвиняемого представляется рядовым доказательством, его сила заключается в доказательной силе наряду с другими доказательствами. Он считал, что

¹ Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография. М.: Проспект, 2010.С. 224.

² Чельцов-Бебутов М.А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. М., 1947. С. 46.

убедительность и достоверность этого доказательства зависит от того, подтверждены ли эти показания иными доказательствами¹.

Насколько ознакомление с признательными показаниями, содержащимися в материалах уголовного дела, поступившего в суд, влияет на выводы суда? Соотноится ли реальная действительность с установленным Конституцией и процессуальным законом порядком доказывания виновности обвиняемого при наличии его признательных показаний.

Следует сказать, что к работе органов правопорядка во все времена со стороны средств массовой информации и общественности было приковано повышенное внимание. Действительно, сотрудники полиции в своей повседневной работе ежечасно, ежеминутно общаются с населением, работают с криминальными личностями, занимаются профилактической работой с детьми и молодёжью. Все это способствует тому, что деятельность сотрудников полиции неразрывно связана с жизнью общества и их взаимоотношения строятся на основе Федерального закона «О полиции» и на том доверии, которое полиция заслужила в глазах общественности.

Соответственно под понятием «общественное доверие» необходимо понимать положительное отношение общества к отдельной её группе - полиции².

В этой связи следует вспомнить результаты проведённого Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2017 году изучения уровня доверия, которое испытывают россияне к сотрудникам полиции. Результаты проведённого опроса жителей регионов России показали, что о доверии к сотрудникам правоохранительных органов в своём регионе заявили две трети россиян, то есть 67%. При этом социологи ВЦИОМа (пресс-выпуск ВЦИОМ № 3510) отметили, что этот показатель составил рекорд по

---

¹ Строгович М.С. Сознание обвиняемого как судебное доказательство // Советская юстиция. 1957. № 8. С. 16.

² Титаренко А.П. Общественное доверие к полиции как фактор, способствующий индивидуальной профилактической работе с гражданами // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 393. С. 167 - 170.

сравнению с результатами прошлых лет. Они отметили, что в 2015 - 2016 годах уровень такого доверия составлял 46 - 47%.

Вопрос № 2 к судьям.

Можно ли доверять показаниям сотрудников полиции об обстоятельствах, ставших им известными со слов подозреваемых?

Да - ответили 492 судьи или 33,8 %;

Нет - ответили 789 судей или 54,3 %;

Затруднились ответить на этот вопрос 172 судьи или 11,9 %.

Соответственно можно увидеть, что в отличие от мнения репрезентативно отобранной для всероссийского опроса части общества только 492 судьи из 1 453 опрошенных, или 33,8 % твердо выразили доверие к сотрудникам полиции в части достоверности их показаний относительно того, что им стало известно со слов подозреваемых. Выраженные сомнения у 172 судей также свидетельствуют об отсутствии кредита доверия к сотрудникам полиции относительно правдивости их показаний. Утвердительное «нет», высказанное 789 судьями (54,3 %), показывает, что в большинстве случаев судьи с высокой степенью недоверия относятся к показаниям сотрудников полиции.

Необходимо данное обстоятельство учитывать в работе судебной системы, о чем и показали результаты опроса судей¹.

Вопрос № 3 к судьям.

Подлежат ли оценке на общих основаниях показания сотрудников полиции в части сведений, ставших им известными со слов подозреваемого о его причастности к преступлению?

Да - 709 судей или 48,7 %

Нет - 684 судей или 47,1%

Затруднились ответить - 60 судей или 4,2 %.

Как уже отмечалось, уголовно-процессуальный закон лишает всякой юридической силы доказательства, полученные путём допроса обвиняемого или подозреваемого, если это лицо допрошено без участия адвоката и если им данные показания не подтверждены в суде (ч. 2 ст. 50 Конституции, ч. 1 ст. 75 УПК РФ).

Почему же повторяются одни и те же ошибки, известные ещё с дореволюционных времён? Подобное можно объяснить широко известной практикой дублирования содержания обвинительного заключения в приговор,

¹ Борисов С.В., Вилинский Г.О. Критерии доверия сотруднику органов внутренних дел и военной полиции в аспекте противодействия экстремистской деятельности и ее финансированию // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 7. С. 109 - 113.

что делается для упрощения изготовления процессуального документа путём простого программного алгоритма (команда копирования текста). Перенос показаний сотрудников полиции из обвинительного заключения осуществляется с одновременным дублированием стилистики, использованной следователем, пунктуации и орфографии¹. Следует упомянуть, что само по себе включение подобных показаний в обвинительное заключение свидетельствует о том, что следственные органы считают такие показания допустимым доказательством, поскольку строят на них обоснование выдвинутого обвинения.

Нет единства в осознании важности поднятой проблемы и среди судей, что показал как проведённый нам опрос, так и данные судебной статистики.

Вопрос № 4 к судьям.

При признании достоверными показаний сотрудника полиции, допрошенного в качестве свидетеля, в части сведений, ставших ему известными со слов подозреваемого, подлежат ли они признанию допустимыми доказательствами?

Да - 520 или 35,9 %

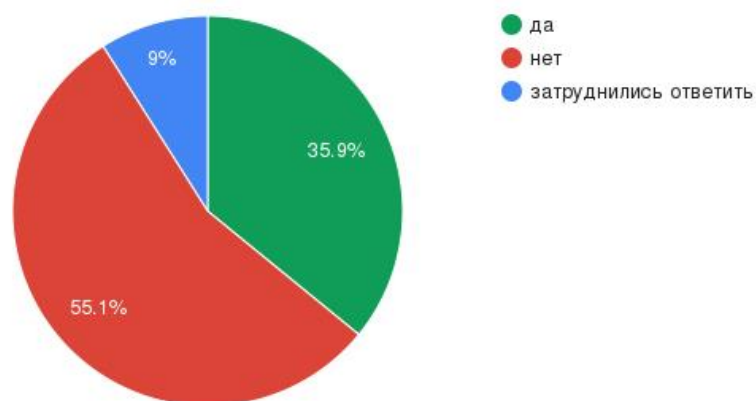
Нет - 802 или 55,1%

Затруднились ответить - 131 или 9 %

---

¹ Багаутдинов Ф.Н. Флеш-правосудие: допустимость и пределы // Российский судья. 2021. N 4. С. 62 - 64. URL: <http://doi.org.10.18572/1812-3791-2021-4-62-64> ; Колоколов Н.А. Цитирование в приговоре материалов уголовного дела // Российский судья. 2021. N 4. С. 56 - 61. URL: <http://doi.org.10.18572/1812-3791-2021-4-56-61>.

Как видно, 520 судей из 1 453 высказались за то, что следует признавать подобные показания сотрудников полиции допустимыми доказательствами, при этом 131 судья затруднились высказать свою позицию по этому вопросу, 802 судьи или 55,1%, то есть почти половина судей высказала мнение, разделяющее позицию Конституционного Суда.

Полагаем, что данный подход в позициях судей, с учётом массовости судебных решений, в которых показания сотрудников полиции, знающих об исследуемых событиях со слов подозреваемых, признаются допустимыми доказательствами, свидетельствует о том, что причина, возможно, связана с отсутствием законодательного закрепления в уголовно-процессуальном законе правил оценки данного доказательства.

Лицо, подвергнутое допросу в ходе первоначального сбора доказательной базы, не в силах предугадать, какой стратегии будет придерживаться следователь, а потому ему достаточно сложно оценить сложившуюся ситуацию и построить линию своей защиты. Подозреваемый не знает планы следствия и не может знать, как будут в дальнейшем использоваться показания, которые он даст на первом допросе или в беседе с сотрудником полиции по вопросам имеющихся в отношении него подозрений. Поэтому при использовании данных показаний в качестве доказательства

виновности обвиняемый, давший ранее эти показания, может быть поставлен в неравные относительно стороны обвинения условия, а это прямо нарушает принципы справедливости и состязательности.

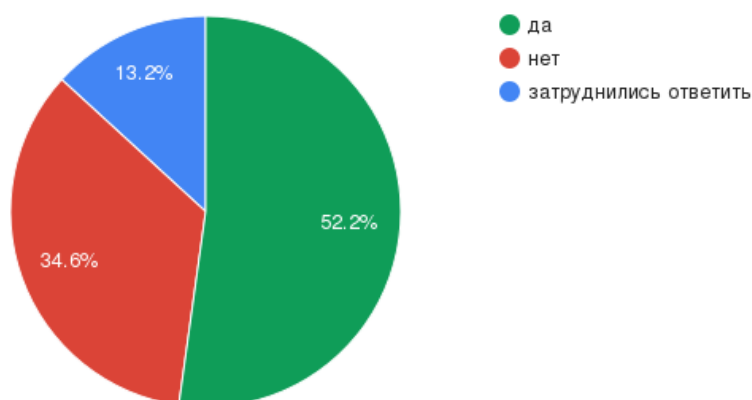
Вопрос № 5 к судьям.

Должно ли быть обязательным условием установление факта разьяснения подозреваемому права не свидетельствовать против себя для признания допустимым доказательством показаний сотрудников полиции в части сведений, ставших им известными со слов подозреваемого?

Да - 758 или 52,2 %;

Нет - 503 или 34,6 %;

Затруднились ответить - 131 или 13,2 %.

Интересен тот факт, что 758 из 1453 судей допустили возможность использования показаний сотрудников полиции при условии соблюдения требований закона о разьяснении прав подозреваемому лицу, то есть 52,2 % от общего числа опрошенных судей. 13,2%, или 131 судей, посчитали этот вопрос спорным, не выразили по нему своего мнения. Вместе с тем только 34,6 %, или 503 судьи, выразили мнение о том, что для оценки допустимости в качестве доказательств показания сотрудников полиции этот вопрос не имеет существенного значения.

Критерий доверия общества к сотрудникам полиции, а равно к осуществлению ими деятельности по охране общественного порядка в основном складывается из уверенности граждан в нерушимости гарантий безопасности, а также из желания испытывать эту уверенность.

Отдельные факты внедрения в работу полиции недозволенных методов ведения следствия омрачают общую картину.

Интересным в этой связи является результат исследования, которое проведено Т.В. Жуковой среди судей Австрии. Там работа по повышению доверия к сотрудникам полиции построена таким образом, что судья и прокурор вправе присутствовать при повседневной работе полицейских, убедиться в применяемых методах работы полиции. Подобное взаимодействие способствует закреплению доверительных отношений и понимания складывающегося между государственными органами, что положительно влияет на доверие друг к другу. При этом и адвокаты тоже вправе самостоятельно посмотреть подобную работу, чтобы сформировать собственное мнение о методах работы правоохранительной системы¹.

Англо-саксонская система не позволяет процессуально документировать полицейское расследование, это всегда требует судебного разбирательства, где все доказательства подлежат непосредственному исследованию, в том числе и путём допроса сотрудников полиции, которыми данные доказательства предоставляются².

Данные примеры позволяют иначе посмотреть на результат анкетирования судей.

Вопрос № 6 к судьям.

Подлежат ли признанию недопустимым доказательством показания сотрудника полиции в части сведений, ставших ему известными со слов

---

¹ Жукова Т.В. Противодействие незаконному обороту наркотиков в Австрии как одно из условий обеспечения ее национальной безопасности // Международное публичное и частное право. 2006. № 5. С. 36.

² Пилюк А.В. Правовое положение следователя в современном уголовном процессе // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 33-37.

подозреваемого о его участии в преступлении по мотивам заинтересованности в исходе дела?

Да – 749, или 51,6 %;

Нет – 510, или 35,1 %;

Затруднились ответить 194, или 13,3 %.

Как видно из результатов анкетирования, 749 судей, или 51,6%, выразили мнение о том, что независимо от обстоятельств, сотрудник полиции является лицом, заинтересованным в исходе дела, поэтому к его показаниям следует относиться с осторожностью. Напротив, 510 судей, или 35,1 % от общего их количества, выразили мнение о том, что автоматически нельзя признавать недопустимым доказательством показания сотрудника полиции, только потому, что он заинтересован в исходе дела. Достаточно большое количество судей, а именно 13,3 % от общего их числа или 194 судьи, затруднились ответить на этот вопрос. Это обстоятельство свидетельствует о том, что вопрос доверия к сотруднику полиции как к возможно заинтересованному в исходе дела лицу является актуальным.

В практике судов возникают случаи, когда между обвиняемым и следователем возникают отношения, способные выйти за пределы обычных, ограниченных уголовно-процессуальным законом. Предметом рассмотрения

Конституционного Суда Российской Федерации 29 сентября 2015 года стала жалоба Марочкина В.А. о нарушении положений ст. 61 УПК РФ и его конституционных прав. Как указал в жалобе Марочкин, в ходе расследования уголовного дела следователь проявлял заинтересованность в исходе дела, необоснованно отклонял заявленные ходатайства, за что в его адрес были высказаны оскорбления, это повлекло возбуждение дела, признание следователя потерпевшим. По этим причинам Марочкин утверждал, что уголовно-процессуальный закон не соответствует Конституции, так как не относит к заинтересованным в исходе дела лицам следователей.

Конституционный Суд отметил, что уголовно-процессуальный закон к обстоятельствам, ставящим под сомнение объективность, относит такие основания, которые дают возможность полагать, что следователь лично, прямо, косвенно заинтересован в исходе дела. О таких обстоятельствах могут свидетельствовать действия и решения следователей, которые указывают на предвзятость или необъективность. Соответственно сам закон такие ситуации регулирует и изложенные в жалобе доводы не могут расцениваться как нарушающие его конституционные права¹.

Вопрос № 7 к судьям.

Подлежат ли признанию недопустимыми доказательствами показания следователя или дознавателя в части сведений, ставших им известными со слов подозреваемого, в чьих производствах находятся уголовные дела?

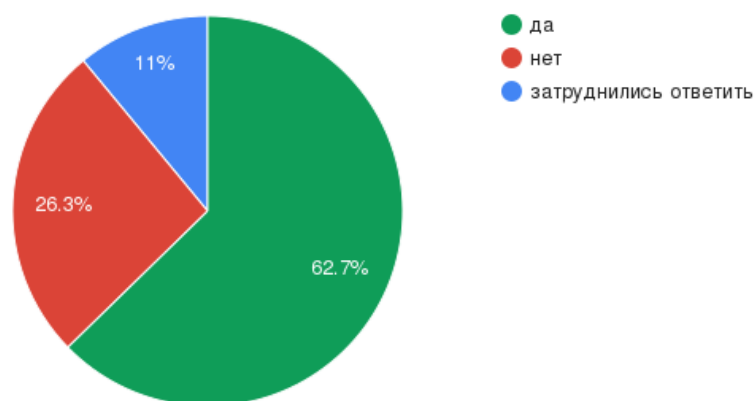
Да – 911, или 62,7 %;

Нет – 383, или 26,3 %;

Затруднились ответить – 159, или 11 %.

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 N 1855-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Марочкина Владимира Алексеевича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 61 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=440248#HUr2ZEUYnAf74Rpq> (дата обращения 7 февраля 2023 года).

Как видно из ответов, в отличие от обычных сотрудников полиции следователи и дознаватели, которые непосредственно расследуют дела, не пользуются доверием у большинства судей, на этот счёт высказали сомнение 62,7 % от общего их числа. Всего 383 судей, или 26,3 %, выразили мнение о том, что расследование дела не влияет на заинтересованность лица, проводящего следствие. Достаточно высокий процент, или 11 % судей, - это не определившиеся с тем, могут ли они поставить под сомнение показания следователя и дознавателя только лишь по одному этому основанию. Один только факт признания недопустимым доказательством не решает проблему определения критериев доказательной базы и доказывания по делу.

Как известно, недопустимое доказательство не может оцениваться в совокупности с другими доказательствами.

Рассуждая по данному вопросу, В.Д. Спасович утверждал, что при соблюдении условий обязательному следованию закона в процессе получения и оценке доказательств, равно как и при получении любого иного доказательства, должен быть установлен проверенный и достоверный источник¹.

---

¹ Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством //Спб.-1861. - С.45

Понятным является и утверждение Н. Колоколова, отметившего, что единственное совершенное с точки зрения законности доказательство позволяет затмить собой все другие несовершенные¹.

Некоторые авторы считают оправданным безоговорочное исключение доказательств, полученных с нарушением закона, особенно если подобные нарушения затрагивают прямо или косвенно конституционные гарантии прав обвиняемых. В.В. Золотых, являющийся активным сторонником данной теории, утверждает, что изъятие полученных с нарушением доказательств будет способствовать минимизации противоправного поведения сотрудников полиции. По его мнению, подобная практика будет являться профилактикой таких нарушений в правоохранительных органах и в любом случае станет реальным препятствием скатывания судебных органов в рядовые пособники нарушителям Конституции².

Заслуживает внимания позиция Е.П. Гришиной о том, что безоговорочный запрет на использование доказательства должно быть увязано с реальным, а не формальным нарушением требований закона. Необходимо выявить, что при выполнении данного процессуального действия нарушены конституционные предписания, тем самым допущено существенное посягательство на охраняемые Конституцией права и свободы участников процесса³.

Таким образом, ни в научной среде, ни среди судей консенсуса не сложилось.

Вопрос № 8 к судьям.

В случае признания показаний сотрудников полиции в части сведений, ставших им известными со слов подозреваемого об участии в совершении

---

¹ Колоколов Г.Е. Курс уголовного судопроизводства //М.-1888.- Литографическое издание - С.13

² Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе //Ростов н/Д - Феникс- 1999.-С.68.

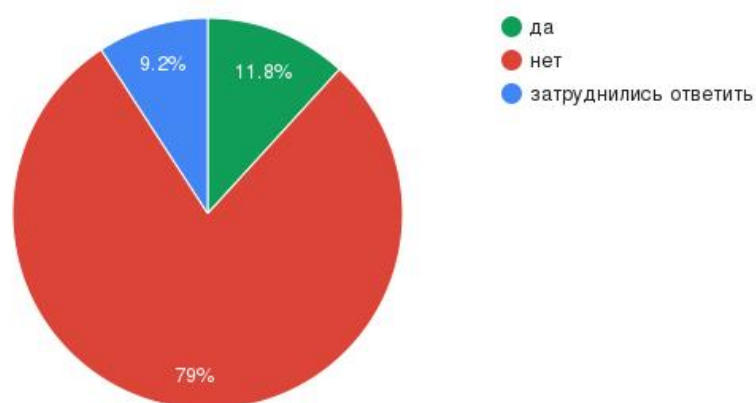
³ Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном судопроизводстве //М. - РИО РТА.-2001.-С.45.

преступления недопустимыми доказательствами, влияют ли эти показания на внутреннее убеждение судьи в виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности?

Да -172, или 11,8 %

Нет – 1148, или 79 %

Затруднились ответить – 133, или 9,2 %.

Ответы на поставленные вопросы показали, что 1148 судей из 1453 (79 %), принявших участие в опросе, высказались, что признанное недопустимое доказательство не повлияет на убеждение судьи в виновности обвиняемого. Вместе с тем 172 судьи ответили, что хотя решение о признании доказательства недопустимым будет принято, данное доказательство окажет влияние на убеждение судьи, а это 11,8 % от общего числа судей. Более того почти столько же, а именно 133 судьи (9,2 %) выразили сомнение в том, как они примут решение в подобной ситуации.

По смыслу закона, понятой - не заинтересованное лицо - привлекается следователем и дознавателем для необходимости удостоверения факта произведённого следственного действия, его хода и содержания, а также результатов, полученных в ходе следственного действия.

Уголовно-процессуальный закон не позволяет привлекать в качестве понятых стороны. Это правило является гарантией того, что понятой будет объективным и честным при удостоверении хода и результатов произведённого следственного действия. Этим в полной мере обеспечивается незаинтересованность понятого¹.

Положения закона не предполагает возможность привлечь в качестве понятого лиц, каким-либо образом заинтересованных в исходе рассматриваемого дела. В противном случае данное обстоятельство противоречило бы самому принципу уголовного производства, что могло бы поставить под сомнение беспристрастность и объективность привлечённых к участию в деле понятых. Это прямо влияет на достижение максимальной достоверности восстановления обстановки в момент проводимого процессуального действия и полученных результатов проводимого следственного действия².

Одно лишь участие понятого в одном или нескольких следственных действиях автоматически не возводит его в ранг заинтересованного в исходе дела лица и не может лишить его способности быть беспристрастным и объективным для удостоверения факта проводимого следственного действия, его хода и полученных результатов. Закон чётко определяет основания для признания доказательства, полученного с нарушением закона, ничтожным и не позволяет ни при каких обстоятельствах учитывать это доказательство, когда решается вопрос о виновности. Это является безусловной гарантией законности принимаемого решения³.

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2009 N 1525-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зинченко Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 58 статьи 5 и пунктом 2 части второй статьи 60 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"<https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=134929> (дата обращения 29 мая 2024 года).

² Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 N 587-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Литвинова Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 58 статьи 5, пунктом 2 части второй статьи 60, частью пятой статьи 164 и главой 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=273118> (дата обращения 29 мая 2024 года).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 N 527-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горбунова Геннадия Викторовича на нарушение его конституционных прав статьёй 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

Соблюдение конституционных прав участников процесса отчасти зависит от объективности и беспристрастности понятых, привлечённых к участию в деле¹.

Вопрос № 9 к судьям.

Следует ли признать допустимым доказательством показания понятого, при котором подозреваемый после разъяснения ему права не свидетельствовать против себя, но без участия защитника, рассказал о своём участии в преступлении, а впоследствии отказался от признательных показаний?

Да – 650, или 44,9 %;

Нет – 681, или 46,7%;

Затруднились ответить -122, или 8,4 %.

<https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=79512> (дата обращения 22 ноября 2023 года), Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 N 886-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семилетко Виталия Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 75 и 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

<https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=119123> (дата обращения 26 мая 2024 года), Определение Конституционного Суда РФ от 23.09.2010 N 1190-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мальцева Вячеслава Павловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17 и статьей 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

<https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=162530> (дата обращения 27 мая 2024 года), Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 N 849-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Макарова Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 46, частью второй статьи 75 и частью первой статьи 223.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

<https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=205929> (дата обращения 27 мая 2024 года), Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 N 1200-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Карачакова Сергея Егоровича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктами 2 и 3 части второй статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

<https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=229859> (дата обращения 26 мая 2024 года),

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2013 N 935-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Архипова Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктом 2 части второй статьи 60, частью первой и пунктом 3 части второй статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

<https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=341268> (дата обращения 23 мая 2024 года).

Результаты анкетирования судей показали, что абсолютно нет единства во мнениях судей. Мы видим, что 650 судей, или 44,9 %, выразили мнение, что понятые, являясь незаинтересованными лицами, при соблюдении конституционных гарантий подозреваемого, которому разъяснены его права, могут восстановить показания подозреваемого. Против этого высказался 681 судья, или 46,7 %, что также меньше половины опрошенных судей. Затруднились ответить на этот вопрос 122 судьи, или 8,4 %, что также свидетельствует о том, что правильного ответа для себя они не видят.

Достаточно дискуссионным остаётся у правоприменителей вопрос использования в качестве допустимого доказательства заявления, сделанного подозреваемым при проведении осмотра места происшествия или иных следственных действий, которые осуществляются сразу после выявления преступления, но ещё до возбуждения дела. Конституционный Суд не видит разницы между производными показаниями сотрудника полиции и пояснениями в ходе следственного действия, внесёнными в его протокол¹.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2014 N 518-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брамма Виталия Викторовича и Навального Алексея Анатольевича на нарушение их конституционных прав пунктом 43 статьи 5, статьями 144 и 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=161356> (дата обращения 28 мая 2024 года), Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 N 2-П "По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-

Вопрос № 10 к судьям.

Подлежит ли признанию допустимым доказательством внесённое в протокол осмотра места происшествия заявление подозреваемого о своей причастности к преступлению после разъяснения ему права не свидетельствовать против себя, сделанное им без участия защитника, если впоследствии он отказался от заявления о признании в совершении преступления?

Да – 471, или 32,4 %

Нет -867, или 59,7 %

Затруднились ответить 115, или 7,9 %.

В настоящее время повсеместно следователи и судьи используют в качестве допустимых доказательств заявления, сделанные подозреваемым при проведении осмотра места происшествия, вписанные в бланк процессуального документа. Как показал опрос судей, только 59,7 % считают недопустимым использовать данное доказательство для установления виновности обвиняемого. Достаточно много (7,9 %) затруднились выразить свою позицию по этому вопросу. При этом 32,4 % посчитали, что подозреваемый, которому

разъяснены права, вправе делать подобные заявления, которые следователь обязан внести в протокол следственного действия.

Обсуждая ответы на 11 вопрос проведённой анкеты, необходимо обратиться к особенностям природы проводимых оперативными сотрудниками негласных мероприятий, которые по своей сути не предполагают предоставление адвокатов лицам, в отношении которых эти мероприятия проводятся, поскольку они осуществляются в режиме секретности и конспирации¹.

Нужно понимать, что любые проводимые в отношении граждан мероприятия розыскного характера не должны нарушать права этих граждан, так как никакой публичный интерес не может ограничивать действие Основного закона. Поскольку в ходе осуществления негласных мероприятий в виде записи переговоров, опросов с использованием записывающих устройств по понятным причинам невозможно гарантировать обвиняемому обеспечение его права не изобличать себя или принять решение об отказе давать показания, подобные доказательства нельзя признать допустимыми.

Вопрос № 11 к судьям.

Являются ли допустимыми доказательствами пояснения подозреваемого о своей причастности к преступлению, о которых стало известно при прослушивании телефонных переговоров, при опросе в ходе проведения ОРМ в соответствии Федеральным законом от 12 декабря 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», учитывая, что право не свидетельствовать против себя в этих случаях не разъясняется?

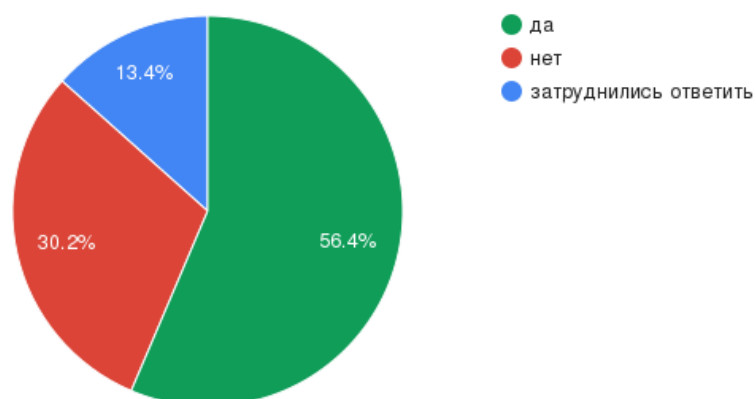
Да – 820, или 56,4 %;

Нет – 438, или 30,2 %;

Затруднились ответить 195, или 13,4 %.

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2007 г. N 342-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жерноклеева Павла Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=40661> (дата обращения 11 апреля 2024 года).

Как мы видим, правовую позицию Конституционного Суда не разделяют большинство опрошенных судей, а именно 820 из 1453, принявших участие в анкетировании. Всего 438, или 30,2 % судей, высказались за то, что такие доказательства нельзя признавать допустимыми. Достаточно большое число судей – 195 - затруднились ответить на этот вопрос, что подчёркивает особую дискуссионность проблемы.

Борьба с преступлениями, которые представляют собой существенную угрозу государственной безопасности, требует особого подхода к применяемым приёмам и методам в реализации поставленных перед специальными службами задач.

Важным в этой борьбе должно оставаться неукоснительное обеспечение гарантий реализации конституционного права. Это важно, поскольку в противном случае государство может оказаться среди стран, где попрание Основного закона является нормой.

Примером тому является 5 поправка к Конституции США, составляющая часть Билля о правах, действующая с 15 декабря 1791 года. Данная поправка предоставляет обвиняемому не изобличать себя. Как мы знаем, применение указанной поправки в США ограничено категорией расследуемых преступлений, сложностью их раскрытия. Своим решением

Верховный суд США создал прецедент, которым ограничил действие указанной поправки в Конституции. Рассматривая дело «Бразвилль против США» в марте 1988 года, суд, посчитав, что дело представляет повышенную общественную опасность в сфере экономической безопасности государства, принял решение, что проведение расследования таких дел без документов не представляется возможным и обязал подозреваемого выдать требуемые следственными органами документы.

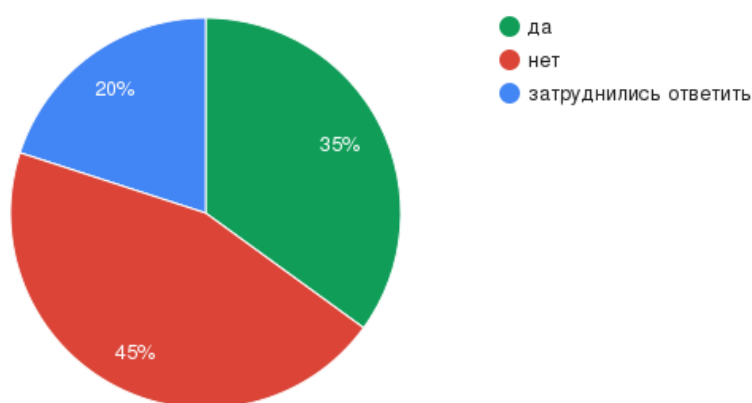
Вопрос № 12 к судьям.

Считаете ли Вы, что по делам, связанным с террористической деятельностью, бандитизмом, организацией или участием в преступных сообществах, с учётом повышенной опасности таких преступлений, сложности их раскрытия и расследования, целесообразно признавать допустимыми доказательствами показания сотрудников полиции об обстоятельствах, ставших им известными со слов подозреваемых (обвиняемых)?

Да – 507, или 35 %;

Нет – 641, или 45 %;

Затруднились ответить 305, или 20 %.

Как видно, 641 судья, или 45 % высказался за то, что конституционные гарантии, предоставляемые государством, должны являться незыблемым

правилом. 507 судей, или 35 %, высказались за то, что в целях защиты общества и государства от терроризма и экстремизма оправданным будет некоторое отступление от принятых норм и правил.

Справедливым будет отметить, что именно этот вопрос, один из 12 заданных, стал для судей самым спорным, поскольку наибольшее число судей затруднились на него ответить, это самый высокий процент, когда правильность ответа вызвало столь явные внутренние противоречия.

Проведённый эксперимент путём опроса действующих судей, работающих в девяти субъектах Российской Федерации, по вопросам непосредственного применения конституционных норм в уголовном судопроизводстве, доказал отсутствие единого подхода при применении положений ст. 51 Конституции Российской Федерации, выявил существующие дефекты правосознания судей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог диссертационного исследования, мы видим, что конституционное право не свидетельствовать против себя относится к фундаментальным, личным, неотчуждаемым правам и свободам, является конституционной гарантированной возможностью лица отказаться от раскрытия информации о своей причастности или непричастности к совершенному преступлению без претерпевания неблагоприятных последствий такого отказа.

Проведённое исследование показало, что статья 51 Конституции Российской Федерации является уникальной правовой нормой, эталоном прямого действия конституционных норм, которая не требует специальных механизмов для ее применения. Принцип прямого действия конституционных положений напрямую зависит от применения на практике правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации, которые обеспечивают ценностный характер права не свидетельствовать против себя. Вместе с тем установлено, что применению принципа прямого действия Конституции Российской Федерации препятствует ограниченное применение правовых позиций, сформированных Конституционным Судом Российской Федерации и направленных на реализацию конституционного права не свидетельствовать против себя.

Исследование показало, что правовые позиции Конституционного Суда, сформированные ещё два десятилетия назад, до настоящего времени не нашли полной поддержки на практике, их развитию препятствуют ряд выявленных причин. До настоящего времени приговоры содержат ссылки на показания сотрудников полиции, которыми воспроизводятся сведения, полученные от обвиняемых при их задержании в отсутствие защитника.

В первой главе работы мы пришли к выводу о том, что игнорирование права на отказ от самоизобличения влечёт не только нарушение требований части 1 статьи 51 Конституции, но и является следствием нарушения

конституционных принципов, включающих презумпцию невиновности недопустимость использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

Во второй главе диссертационного исследования мы сконцентрировали внимание на то, что развитию конституционного права не свидетельствовать против себя способствует работа Конституционного Суда Российской Федерации, которым сформировано ряд правовых позиций, направленных на создание условий для соблюдения конституционных гарантий. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях разъяснил, что сотрудники полиции не вправе восстанавливать признательные показания обвиняемых путем их воспроизведения; допрос подозреваемого и обвиняемого может быть осуществлён только по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом. Протоколы осмотра, личного досмотра не могут подменять собой следственное действие допрос обвиняемого. Сказанное подозреваемым при задержании не может являться явкой с повинной, так как принятие явки оформляется в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона отдельным процессуальным документом. Доказательное значение может иметь только результат оперативно-розыскной деятельности, а тайный опрос подозреваемого лица при проведении оперативно-розыскных мероприятий не может быть признан допустимым доказательством. Изучение судебных решений Верховного Суда Российской Федерации свидетельствует о том, что правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации данным вопросам в целом применяются, но они не нашли своего отражения в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В третьей главе исследования путём проведения анализа судебных ошибок, связанных с нарушением конституционных прав обвиняемых, установлено, что подобные нарушения носят массовый характер. Доказано, что отсутствие единой практики по применению принципа прямого действия

Конституции Российской Федерации, ограничивает конституционные права обвиняемых, влияет на использование судами недопустимых доказательств, что влечёт, как правило, постановление приговора на основе незаконно полученных доказательств. Следствием подобного подхода является принятие судебных решений с завышенной квалификацией и назначением более сурового наказания.

Результаты проведённого эксперимента показали, что значительное число судей не применяют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации на практике. Причинами ограниченного применения положений Основного закона, являются выявленные дефекты профессионального правосознания российских судей судов общей юрисдикции относительно восприятия показаний обвиняемого, воспроизведённых сотрудниками полиции. Этому также способствует отсутствие в программах обучения судей достаточного количества часов для освоения теории конституционного права. Например, при обучении судей в ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Курганский филиал в 2019 году программа предусматривала 200 учебных часов. При этом, учебный план предусматривал только одно занятие, в котором проходившие обучение судьи изучали роль постановлений Конституционного Суда Российской Федерации в работе судьи, а также одно занятие, где изучалась деятельность Конституционного Суда Российской Федерации. Таким образом, из 200 часов занятиям по учебной дисциплине «конституционное право» было отведено всего 8 часов или 4 % от общего числа учебного времени, что недостаточно учитывая значение конституционного права для осуществления правосудия.

Выявленные дефекты конституционного правосознания российских судей судов общей юрисдикции, касающиеся восприятия показаний обвиняемого, воспроизведёнными сотрудниками полиции, могут быть устранены углублённым изучением междисциплинарных вопросов

правосудия, направленных на более глубокое освоение теории конституционного права, конституционной юстиции, прав и свобод человека и гражданина в ходе прохождения профессиональной переподготовки впервые назначенных на должность судей, а также при повышении квалификации судей до 30% учебной программы.

Результаты исследования в перспективе могут быть использованы для дальнейшего изучения темы развития конституционного права не свидетельствовать против себя, включающего в себя разные направления его реализации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

в т. ч. – в том числе

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации

ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения

ДТП – дорожно-транспортное происшествие

ЕСПЧ – Европейский Суд по правам человека

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации

и т. д. – и так далее

ООН – Организация Объединённых Наций

ООО – общество с ограниченной ответственностью

ОРД – оперативно – розыскная деятельность

ОРМ – оперативно – розыскные мероприятия

П – Постановление

ПП – Постановление Пленума

п. пункт /пункты/

п. п. – подпункт /подпункты/

руб.- рубль /рубли/

РГУП – Российский государственный университет правосудия

РОВД – районный отдел внутренних дел

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ – Российская Федерация

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ст. – статья /статьи/

США – Соединенные Штаты Америки

УК – Уголовный кодекс

УПК – Уголовно-процессуальный кодекс

ФЗ – Федеральный закон

ФКЗ – Федеральный конституционный закон

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ч. - часть

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно правовые акты

1. Конституция Российской Федерации офиц. текст. Ст. 51 https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lmqfyjldh722512285. (дата обращения 11 января 2023 года).
2. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6930.
3. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Луганской Народной Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6931.
4. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Запорожской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6932.
5. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Херсонской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6933.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном

заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

7. Резолюция 37/194 Генеральной Ассамблеи ООН "Принципы медицинской этики" (Принята 18.12.1982 на 37-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=INT&n=4201> (дата обращения: 26 мая 2024 года).

8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года. Начало действия в Российской Федерации – 1 сентября 1998 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

9. Федеральный закон от 28.02.2023 N 43-ФЗ "О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы" // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=440539> (дата обращения: 28 мая 2023 года).

10. Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации. Официальное издание. М.: Юридическая литература, 2023.

Постановления (определения) Конституционного Суда Российской Федерации

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.1998 N 19-П "По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации". <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=19163> (дата обращения 11 октября 2023 года).

12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2001 N 6-П "По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова" //

<https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=31409> (дата обращения 28 ноября 2023 года).

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=48286> (дата обращения 5 декабря 2023 года).

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 N 2-П "По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан"// Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 932.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 N 27-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда"// <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=155428>, (дата обращения 16 мая 2024 года).

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.03.2014 N 8-П "По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других" [.https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160813/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160813/) (дата обращения 30 мая 2024 года).

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71033584/?ysclid=lmrjvsnsng3566251864>. (дата обращения 14 января 2023 года).

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 N 12-П "По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина" // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=294013>, (дата обращения 29 сентября 2023 года).

19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.01.2023 N 2-П "По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=437511> (дата обращения 25 мая 2024 года).

20. Определение Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 N 18-О "По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=8328> (дата обращения 4 мая 2024 года),

21. Определение Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. N 211-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав

частью четвёртой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" // СЗ РФ. 2000. N 10. Ст. 1164. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26657/?ysclid=lmreaiff6u162372486. (дата обращения 28 ноября 2023 года)

22. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. N 44-О по жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1253479/?ysclid=lmrfykxohf646586582>. (дата обращения 27 декабря 2022 года).

23. Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. N 327-О "По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" // <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=85420&ysclid=lmrelzs2g3605859448>. (дата обращения 28 ноября 2023 года).

24. Определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2005 г. N 473-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: Дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати. 2006. N 5. С. 36 - 41. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12044882/?ysclid=lmrefbnej7544314500>. (дата обращения 28 ноября 2023 года).

25. Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 N 234-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Поповича

Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 92 и частью четвертой статьи 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=36785#VjTckEU7FIxczurM> (дата обращения 14 мая 2024 года).

26. Определение Конституционного Суда РФ от 20 марта 2007 г. N 174-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефремова Романа Вячеславовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 42, 56 и 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://base.garant.ru/12153661/?ysclid=lmrdafehph670864569>. (дата обращения 17 января 2024 года).

27. Определение Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2007 г. N 342-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жерноклеева Павла Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=40661> (дата обращения 11 апреля 2024 года).

28. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2007 года № 799-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01112007-n-799-o-o-ob/> (дата обращения 27 мая 2024 года).

29. Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 N 527-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горбунова Геннадия Викторовича на нарушение его конституционных прав

статьей 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=79512> (дата обращения 22 ноября 2023 года).

30. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 N 886-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семилетко Виталия Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 75 и 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=119123> (дата обращения 26 мая 2024 года)

31. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. N 970-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=92536> (дата обращения 25 мая 2024 года).

32. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 1400-О-О от 17 ноября 2009 года N 1400-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шмидт Елены Витальевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 50 и частью первой статьи 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" | ГАРАНТ // <https://base.garant.ru/1793497/> (дата обращения 31 мая 2024 года).

33. Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2009 N 1525-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зинченко Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 58 статьи 5 и пунктом 2 части второй статьи 60 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=134929> (дата обращения 29 мая 2024 года).

34. Определение Конституционного Суда РФ от 23.09.2010 N 1190-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мальцева Вячеслава Павловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17 и статьей 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=162530> (дата обращения 27 мая 2024 года).

35. Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2010 N 1487-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клещ Елены Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 75 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=168902> (дата обращения 27 августа 2023 года).

36. Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 N 849-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Макарова Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 46, частью второй статьи 75 и частью первой статьи 223.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=205929> (дата обращения 27 мая 2024 года).

37. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 N 1200-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Карачакова Сергея Егоровича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктами 2 и 3 части второй статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=229859> (дата обращения 26 мая 2024 года).

38. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2011 года № 1460-О-О об отказе в принятии к рассмотрению

жалобы гражданина Лукашина Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=236296#20TLYEUstIYV2eMQ1> (дата обращения 5 марта 2024 года).

39. Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2011 года № 1459-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ливерко Валерия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 7, 406, частью первой статьи 412, статьями 413 и 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьей 314 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР// <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=236295#5GpGYEUUp7E4ieMtF>; (дата обращения 29 мая 2024 года)

40. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2011 года № 1474-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Буциковой Татьяны Юрьевны, Волохонского Юрия Николаевича, Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав статьями 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://base.garant.ru/58204543/> (дата обращения 4 марта 2024 года)

41. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2011 года № 1465-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баушко Дмитрия Дмитриевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статей 48, 49, 301 и 303 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР во взаимосвязи со статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации // https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/96_902316299 (дата обращения 29 мая 2024 года)

42. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2011 года № 1468-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Минакова Евгения Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 403 и части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122188/ (дата обращения 29 мая 2024 года)

43. Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. N 64-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Еременко Анатолия Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 1.5 и примечанием к статье 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=258831> (дата обращения 14 ноября 2023 года).

44. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 N 167-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лункина Вячеслава Владимировича и Лункина Виталия Владимировича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 11 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", пунктом 4 части второй статьи 38, частью первой статьи 86 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=254797> (дата обращения 21 марта 2023 года),

45. Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 N 587-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Литвинова Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 58 статьи 5, пунктом 2 части второй статьи 60, частью пятой статьи 164 и главой 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

<https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=273118> (дата обращения 29 мая 2024 года)

46. Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 N 1112-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агаева Руслана Солтанбековича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части первой статьи 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=284180> (дата обращения 11 июля 2023 года),

47. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2013 года № 556-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Михайловской Людмилы Васильевны на нарушение конституционных прав гражданина Наточия Николая Николаевича частями первой и третьей статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [//<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=333850#geSEYEUhENiA1XJ5>](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=333850#geSEYEUhENiA1XJ5) (дата обращения 23 мая 2024 года).

48. Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2013 N 935-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Архипова Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктом 2 части второй статьи 60, частью первой и пунктом 3 части второй статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=341268> (дата обращения 23 мая 2024 года).

49. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2013 года № 1899-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бочкарева Вадима Дмитриевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда статей Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации // https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/96_499066799 (дата обращения 29 мая 2024 года)

50. Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 N 1937-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Технюка Владислава Васильевича на нарушение его конституционных прав частью восьмой статьи 56, частью пятой статьи 164 и статьей 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=374098> (дата обращения 28 ноября 2023 года).

51. Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 N 286-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тененбаума Алексея Константиновича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=383201> (дата обращения 7 августа 2023 года),

52. Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2014 N 518-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брамма Виталия Викторовича и Навального Алексея Анатольевича на нарушение их конституционных прав пунктом 43 статьи 5, статьями 144 и 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=161356> (дата обращения 28 мая 2024 года),

53. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 N 1198-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Пронкиной Марины Владимировны на нарушение её конституционных прав пунктами 4 и 6 части первой и частью третьей статьи 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=401281> (дата обращения 29 сентября 2023 года),

54. Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 N 2513-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габдрахманова Рамиля Равилевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 222 Уголовного кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=160569> (дата обращения 28 ноября 2023 года).

55. Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2014 N 2557-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мязиной Марии Юрьевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 6 и 15 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" и статей 170, 176, 177 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=412954> (дата обращения 25 июля 2023 года),

56. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 N 1507-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусака Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6, статьей 7 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=432681> (дата обращения 14 ноября 2023 года),

57. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 N 1855-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Марочкина Владимира Алексеевича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 61 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=440248#HUr2ZEUYNaf74Rrq> (дата обращения 7 февраля 2023 года).

58. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 1941-О об отказе в принятии к рассмотрению

жалобы гражданина Залова Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 17, пунктом 2 статьи 401.7 и пунктом 1 части второй статьи 401.8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации //

https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=440774#em_sPYEU84rPEhZkD (дата обращения 14 февраля 2024 года)

59. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 года № 15-О по запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статьи 252, части первой статьи 389.13, части третьей статьи 389.20 и части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации //

<https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14012016-n-15-o-po/> (дата обращения 11 января 2024 года).

60. Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2020 N 2617-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаджиева Аслана Эльдаровича на нарушение его конституционных прав подпунктом "а" пункта 3 части третьей статьи 49, частью третьей статьи 56 и частью пятой статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"// <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25112020-n-2617-o/> (дата обращения 29 мая 2024 года)

61. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2021 года № 390-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лешукова Анатолия Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьей 189, частью пятой статьи 193, статьями 202 и 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=660982> (дата обращения 12 октября 2023 года).

62. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2021 года № 1419-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы

гражданина Лашко Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также частью первой статьи 222, частью третьей статьи 228 и частью первой статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=680540#UuaQYEUmMNIZOpN82> (дата обращения 17 мая 2024 года)

63. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июля 2021 года № 1354-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зубкова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частями первой и четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и правоприменительной практикой судов общей юрисдикции // Где опубликовано <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24062021-n-1354-o/> (дата обращения 10 апреля 2024 года)

64. Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 N 2172-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горшкова Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 46, статьями 189 и 190 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26102021-n-2172-o/?ysclid=1mrl8efmme49246638>. (17 декабря 2023 года).

65. Определение Конституционного Суда РФ от 27.01.2022 N 173-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скобенникова Михаила Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 56, частью пятой статьи 246 и частью третьей статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27012022-n-173-o/?ysclid=1mrl5klti162008606>. (дата обращения 17 декабря 2023 года).

66. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 года № 1474-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шура Павла Викторовича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 401.10 и статьей 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=719462#wlRRYEUmyo16Mxzs> (дата обращения 11 марта 2024 года).

67. Определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2022 N 3014-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карпова Валерия Анатольевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 56, частью пятой статьи 246 и частью третьей статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21112022-n-3014-o/?ysclid=lmrl2w9wtu703193602>. (дата обращения 17 января 2024 года).

68. Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 N 3492-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Артамонцева Павла Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьями 7, 75 и 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27122022-n-3492-o/?ysclid=lmrkyb947t226124494>. (дата обращения 25 февраля 2024 года).

69. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 года № 1053-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воропаева Олега Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [/https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=765489#vhFSYEUIBjpRhD0m](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=765489#vhFSYEUIBjpRhD0m) (дата обращения 20 марта 2024 года)

70. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 года № 788-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Строганова Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью четвёртой статьи 401.3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [https://
https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28032024-n-788-o/](https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28032024-n-788-o/) (дата обращения 11 апреля 2024 года)

71. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 года № 792-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гуцинской Людмилы Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй и частью пятой статьи 401.10, а также статьёй 412.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // [https://
https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28032024-n-792-o/](https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28032024-n-792-o/) (дата обращения 1 июня 2024 года)

Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации

72. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июля 1969 г. «О судебном приговоре» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924 - 1977. Ч. 2. М., 1978. С. 327.

73. Постановление Пленума ВС РФ от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия.» // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=176027> (дата обращения 9 октября 2023 года).

74. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 августа 2014 года № 8 «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 8.

75. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 471 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».
<https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=389281>, (дата обращения 24 мая 2024 года).

76. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.01.2015 N 162П14
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=484473#2sqwYEUq2fr2jnX> (дата обращения 12 сентября 2023 года).

77. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 14.10.2020 N 55П20 <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-14102020-n-55p20/?ysclid=lmrk19lqik573673181>. (дата обращения 14 марта 2024 года)

78. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второе полугодие 1997 г. (по уголовным делам). Определение N 1-Д97-16 по делу Незнамова (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 14 января 1998 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. N 4. С. 15.

79. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 2 (2022) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации в сети Интернет https://vsrf.ru/documents/international_practice/31504 (дата обращения: 25 мая 2024 года).

80. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1962. N 8. С. 10.

81. Вестник Верховного Суда СССР. 1991. N 8. С. 17.

82. Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. N 33. Ст. 1313.

83. Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов ООН, действующих в сфере защиты

прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на уважение личной и семейной жизни. Подготовлено Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации // Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в сети Интернет https://vsrf.ru/documents/international_practice/33501 (дата обращения: 28 мая 2024 года).

84. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2006 г. N 47-О06-17 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации в сети Интернет. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=139220 (дата обращения: 20 июня 2023 года).

85. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 мая 2007 г. по делу N 81-О06-131 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации в сети Интернет. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=172934 (дата обращения: 20 июня 2023 года).

86. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.12.2018 N 46-УД18-55 <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27122018-n-46-ud18-55/?ysclid=lmrot85je4402781>. (дата обращения 15 ноября 2023 года).

87. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.02.2018 N 73-О18-1 <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-07022018-n-73-o18-1/?ysclid=lmrow8qwq404411103>. (дата обращения 15 декабря 2023 года).

88. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.01.2019 N 127-УД18-19 <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot->

[15012019-n-127-ud18-19/?ysclid=lmrlih1iy206483496](https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28022019-n-5-ud19-22/?ysclid=lmrlih1iy206483496). (дата обращения 17 декабря 2023 года).

89. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.02.2019 N 5-УД19-22 <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28022019-n-5-ud19-22/?ysclid=lmropyk5g262906382>. (дата обращения 9 сентября 2023 года).

90. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 октября 2021 г. N 13-УД21-6-К2 // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=688948> (дата обращения 7 ноября 2023 года).

91. Определение Верховного Суда РФ от 1 марта 2004 г. по делу Молодидова, Павлова, Быкова и др. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. N 1. С. 16 - 17.

92. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 июля 2004 г. N 89-о04-29сп // БВС РФ. 2005. N 6. С. 30.

93. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 июня 2010 г. N 83-Д10-2. <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=177969&dst=100001>, (дата обращения 3 февраля 2024 года).

94. Определение Верховного Суда РФ от 20 августа 2014 г. N 10-КГПР14-3.// <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=406933&dst=100004>, (дата обращения 28 октября 2023 года).

95. Определение Верховного Суда РФ от 25 ноября 2014 г. N 78-КГ14-36.// <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=413501>, (дата обращения 28 октября 2023 года).

96. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.10.2018 N 44-УД18-30 <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02102018-n-44-ud18-30/?ysclid=lmroh18mbj962785142>. (дата обращения 9 сентября 2023 года).

97. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2018 года по делу № 5-УД18-183 <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19122018-n-5-ud18-183/> (дата обращения 11 ноября 2023 года).

98. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 года по делу № 69-УД19-12 // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09072019-n-69-ud19-12/> (дата обращения 11 ноября 2023 года).

99. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2020 N 5-УД20-53 <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25062020-n-5-ud20-53/?ysclid=lmrlws5p2q788870938>. (дата обращения 14 ноября 2023 года).

100. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2022 года по делу № 67-УД22-12 // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=720456>, дата обращения (3 февраля 2023 года).

101. Надзорное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2011 года по делу № 86-Д10-8 [.https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100642/](https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100642/) (дата обращения 12 апреля 2024 года).

102. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 июня 2018 года по делу № 53-АПУ18-6 // <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie->

verkhovnogo-suda-rf-ot-20062018-n-53-aru18-6/ (дата обращения 11 ноября 2023 года)

103. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.10.2019 N 42-АПУ19-5СП // <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09102019-n-42-aru19-5sp/> (дата обращения 31 мая 2024 года).

104. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.10.2019 N 14-АПУ19-7СП// <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=605318> (дата обращения 21 декабря 2023 года).

105. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. по делу N 6-УД21-1-А1 // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=664402&dst=100003>, (дата обращения 24 сентября 2023 года).

106. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2021 г. N 5-УД21-27-К2 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1988812 (дата обращения: 26.06.2023).

107. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2021 г. N 7-УД21-10-К2 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2065074 (дата обращения: 26 июня 2023 года).

Судебная практика областных судов

108. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Тюменского областного суда по делу № 22-271/2017 // размещено Интернет информационной автоматизированной системой «Актофакт» //

<https://actofact.ru/case-72OS0000-22-271-2017-2017-01-24-2-1/>. (Дата обращения: 26 мая 2024 года).

Постановления ЕСПЧ

109. Постановление ЕСПЧ дело "Миранда против штата Аризона" 384 U.S. 436 (13 июня 1966) // <http://caselaw.lp.findlaw.com/scripts/getcase.pl?court=US&vol=384&invol=436>

(дата обращения -01 июня 2023 года).

110. Постановление Европейского суда по правам человека от 25 февраля 1993 г. по делу "Функе (Funke) против Франции" (жалоба N 10828/84). § 44 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 790.

111. Постановление ЕСПЧ от 17 декабря 1996 г. по делу "Саундерс (Saunders) против Соединённого Королевства" (жалоба N 19187/91). Отдельное совпадающее мнение судьи Уолша. URL: http://european-court.ru/uploads/ECHR_Saunders_v_the_United_Kingdom_17_12_1996.pdf (дата обращения: 23 мая 2024 года).

112. Постановление ЕСПЧ от 17 декабря 1996 г. по делу "Саундерс (Saunders) против Соединённого Королевства" (жалоба N 19187/91). Особое мнение судьи Валтикоса. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461492/>, (дата обращения 15 января 2024 года).

113. Постановление ЕСПЧ от 17 декабря 1996 г. по делу "Саундерс (Saunders) против Соединённого Королевства" (жалоба N 19187/91). Особое мнение судьи Мартенса <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461492/>. (дата обращения 15 января 2024 года).

114. Постановление ЕСПЧ от 2 октября 1997 г. "Сервес (Serves) против Франции" (жалоба N 20225/92). URL: http://european-court.ru/uploads/ECHR_Serves_v_France_20_10_1997.pdf (дата обращения: 15 января 2024 года).

115. Постановление ЕСПЧ от 5 ноября 2002 г. по делу "Аллан (Allan) против Соединённого Королевства" (жалоба N 48539/99) // Бюллетень ЕСПЧ. 2003.N 4.
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=19169&ysclid=lmrjilih15433919061#JFw6OqTHwXZAdcy9>. (дата обращения 23 мая 2024 года).
116. Пункты 89 и 90 Постановления ЕСПЧ от 1 марта 2007 г. по делу «Геглас (Heglas) против Чехии» (жалоба № 5935/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2007. № 9.
117. Постановление ЕСПЧ от 25 октября 2007 г. по делу "Ван Вондел (Van Vondel) против Нидерландов" (жалоба N 38258/03). URL.: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82962> (дата обращения: 27 июля 2023 года).
118. Постановление ЕСПЧ от 09.10.2008 "Дело "Абрамян (Abramyan) против Российской Федерации" (жалоба N 10709/02) [.https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=115835&ysclid=lmrkrxr7b2788703540#9YoFOqTWAAnPyjMNC](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=115835&ysclid=lmrkrxr7b2788703540#9YoFOqTWAAnPyjMNC). (дата обращения 23 мая 2024 года).
119. Постановление Европейского суда по правам человека от 8 октября 2015 г. по жалобе N 38887/09 "Фартушин против России" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. N 4. С. 41.
120. Постановление ЕСПЧ от 21 декабря 2000 г. "Хини и Макгиннесс (Heaney and McGuinness) против Ирландии" (жалоба N 34720/97). URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":\["001-59097"\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{), дата обращения 15 января 2024 года).
121. Промежуточная резолюция ResDH (2006)1 от 8 февраля 2006 года, принятой Комитетом министров Совета Европы <https://e-ecolog.ru/docs/EPggcSjhmI6DJ78reZxDJ> (дата обращения 28 мая 2024 года).
122. Постановление ЕСПЧ от 2 ноября 2006 года дело «Нелюбин против Российской Федерации» (жалоба 14502/04)

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2465011/> (дата обращения 28 мая 2004 года).

123. Постановление ЕСПЧ от 18 января 2007 года дело «Кот против Российской Федерации» (жалоба № 20887/03) <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2466360/>. (дата обращения 28 мая 2024 года).

124. Постановление Большой палаты Европейского суда от 29 июня 2007 г. по делу "О'Халлоран и Фрэнсис против Соединенного Королевства" (O'Halloran and Francis v. United Kingdom). § 53 - 63 // <https://base.garant.ru/5732391/>, (дата обращения 15 января 2024 года).

125. Постановление ЕСПЧ от 25 октября 2007 г. по делу "Ван Вондел (Van Vondel) против Нидерландов" (жалоба N 38258/03). URL.: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82962> (дата обращения 22 мая 2024 года).

126. Постановление ЕСПЧ от 11 июля 2006 года по делу «Яллох (Jalloh) против Германии» (жалоба № 54810/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 2.

Книги, журналы

127. Бирюков П.Н. Международное право: Учебник: В 2 т. 10-е изд., перераб. и доп. Серия: Бакалавр. Академический курс / П.Н. Бирюков. - М., 2018. т. 2. С.133 – 134.

128. Бондар А.В. Соглашательская позиция судей с органами следствия недопустима // Уголовный процесс. 2014. № 12. С. 22.

129. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: Общая и Особенная / Л.Е. Владимиров. - 3-е изд. СПб., 1910. С. 285

130. Головенков П., Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия: науч.-практ. комментарий и пер. текста закона / П. Головенков, Н. Спицына. - Потсдам, 2012. Ст. 12 URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4->

<ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf> (дата обращения 24 апреля 2023 года).

131. Жуйков В.М., Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам / Е.А. Борисова, С.А. Герасименко, Б.А. Горохов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. 2-е изд., перераб. и доп. Ст. 54 URL: <https://g.eruditor.one/file/684301/?ysclid=lmrdqwpds398591804> (дата обращения 24 апреля 2023 года).

132. Зорькин В.Д., Комментарии к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2013. Ст. 51 <https://znanium.com/catalog/document?id=159486&ysclid=lmqjf70qhw85394479> (дата обращения 24 апреля 2023 года).

133. Катков Д.Б., Корчиго Е.В. Конституционное право России: учебное пособие / отв. ред. Ю.А. Веденеев. М., 1999. С. 224.

134. Кипнис Н.М. Глава 8 // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2003. С. 115;

135. Колоколов Г.Е. Курс уголовного судопроизводства /Г.Е. Колоколов.- М.-1888.- Литографическое издание - С.13

136. Комаров С.А. Теория государства и права: Учеб.-метод. Пособие С.А. Комаров, А.В. Мальков.- М.: Норма, 1999. С. 440.

137. Лазарева В.А. Защита прав личности в уголовном процессе России: Учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. / В.А. Лазарева, В.В. Иванов, А.К. Утарбаев. - М.: Юрайт, 2015. С. 172 - 175.

138. Лебедев В.М., Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева на IX Всероссийском съезде судей // Судья. 2017. № 1. С. 2-8.

139. Лебедев В.М.: в системе СОЮ появятся кассационные и апелляционные суды округов // Портал ПРАВОру. 2016. 10 ноября. <https://pravo.ru/news/view/135456> (дата обращения: 29 мая 2024 года).
140. Мазунин Я. Уголовная ответственность подозреваемых (обвиняемых, подсудимых) за заведомо ложные показания /Я. Мазунин.- Уголовное право. 2004. N 3. С. 49.
141. Маклаков В.В. Конституции зарубежных стран / В.В. Маклаков.- учебное пособие 8 - е издание М., 2012. С. 554-555
142. Новгородская судная грамота 1471 г. // Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 305.
143. Новиков В. Некоторые вопросы уголовной ответственности за заведомо ложный донос о совершении преступления (ст. 306 УК РФ) / В. Новиков.- Уголовное право. 2003. N 1. С. 47.
144. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополн. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова.- М., 1999. С. 169.
145. Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. Т. 4. М., 1986. С. 415.
146. Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. Т. 8. М., 1991. С. 160 - 194.
147. Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. Т. 2. М., 1985. С. 214.
148. Семенцов В.А. О недопустимости использования в доказывании сведений, полученных при негласном опросе подозреваемого, обвиняемого / В.А. Семенцов.- Уголовное право. 2018. N 4. С. 118 - 121.
149. Случевский В.А. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 1. Судостроительство / В.А. Случевский. - СПб., 1891. С. 18.
150. Смирнов А.В. Глава 5 Уголовный процесс: Учебник для вузов. 2-е изд. / Под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2005. С. 133.

151. Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. Т. 3. М., 1985. С. 236.
152. Строгович М.С. Уголовный процесс / М.С. Строгович. - М., 1946. С. 488 - 489.
153. Судебник 1550 года // Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. Т. 2. М., 1985. С. 106.
154. Указ Петра I от 21 февраля 1697 г. "Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах" <https://www.garant.ru/article/588641/?ysclid=lmqiuofnss599910540> (дата обращения 24 апреля 2023 года).
155. Трефилов А.А. Новый Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии: комментарий и перевод / А.А. Трефилов. - М.: НИПЦК Восход-А, 2011. С. 83.
156. Ушаков Д.Н., Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Д.Н. Ушаков. - М., 1935 - 1940. С. 67.
157. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. Т. 1. /И.Я. Фойницкий. - СПб., 1996. С. 35.
158. Цыганенко С.С. Уголовный процесс: Учебник. Общая часть / Под ред. Ю.А. Ляхова. Ростов-н/Д.: Изд-во АкадемЛит, 2008. С. 190.
159. Черепнин Л.В. Медынский губный наказ 1555 года // Памятники русского права / Л.В. Черепнин. - Вып. 4. М., 1956. С. 179 - 185.
160. Чиркин В.Е. Современная модель конституции: прежние и новые приоритеты / В.Е. Чиркин. - Изв. вузов. Правоведение. 2003. N 2 (47) С. 50 - 57
161. Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006. С. 30.
162. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. / С.М. Шахрай. - М.: Статут, 2017. С. 62.

163. Яркова Е.Н.. История и методология юридической науки: учебное пособие. Тюмень / Е.Н. Яркова. - Издательство Тюменского государственного университета, 2012. – С. 61-73.

Статьи

164. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян // М. Сашко, 2000. С. 34 - 37 <https://studfile.net/preview/16815613/>.(дата обращения 23 апреля 2023 года)

165. Алешкова И.А. Конституция как особый вид нормативного правового акта / И.А. Алешкова, Т.В. Власова, В.М. Дуэль // Вестник Моск. городского педагог. ун-та. Сер. "Юридические науки". 2014. N 2 (14). С. 14 - 22.

166. Алешкова И.А. Применение конституционных норм судами в России /И.А. Алешкова, В.М. Дуэль // Применение национальных конституций судами в Российской Федерации и Франции: сравнительно-правовой аспект // Материалы «круглого стола». М.: РГУП, 2015. С. 87 - 98.

167. Анишина В.И. Правовые позиции Конституционного Суда России / В.И. Анишина // Российская юстиция. М., 2000. N 7. С. 11;

168. Арановский К.В. Исполнение актов ЕСПЧ в позициях конституционного правосудия: любой ценой или с нюансами / К.В. Арановский, С.Д. Князев // Закон. 2019. N 6. С. 38.

169. Аснис А.Я. О некоторых вопросах, связанных с конституционным правом не свидетельствовать против себя, в российской уголовной правоприменительной практике/ А.Я. Аснис, Д.В. Кравченко // Адвокат. 2015. N 5. С. 5 - 9.

170. Бабкин А.И. Формирование и последовательное применение правовых позиций /А.И. Бабкин // Российский судья. 2017. N 3. С. 3 - 9.

171. Багаутдинов Ф.Н. Вопросы проведения процессуальной проверки по заявлению о применении недозволённых методов следствия или дознания /Ф.Н. Багаутдинов // Законность. 2021. N 4. С. 25 - 29.

172. Багаутдинов Ф.Н. Флеш-правосудие: допустимость и пределы /Ф.Н. Багаутдинов // Российский судья. 2021. N 4. С. 62 - 64. URL: <http://doi.org.10.18572/1812-3791-2021-4-62-64> (дата обращения 20 апреля 2023 года).
173. Багдасаров Р.В. Принцип состязательности в уголовном процессе России и стран Европейского союза / Р.В. Багдасаров // М.: Юрлитинформ, 2008. С. 140.
174. Баландюк О.В. Избрание, применение и исполнение мер уголовно-процессуального принуждения: соотношение понятий / О.В. Баландюк // Российский следователь. 2015. N 4. С. 3 - 7.
175. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях /Ч. Беккариа // М., 2004. С. 110.
176. Бентам И. О судебных доказательствах / И. Бентам // Пер. с франц. И. Горонович. Киев, 1876. С. 386.
177. Бирюков П.Н. Европейский защитный ордер / П.Н. Бирюков // Академический юридический журнал. 2017. Т. 1. N 1 (67). С. 41.
178. Блинников В.А. Лжесвидетельство: уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты / В.А. Блинников, В.С. Устинов // Ставрополь, 1999. С. 52.
179. Борисов С.В. Критерии доверия сотруднику органов внутренних дел и военной полиции в аспекте противодействия экстремистской деятельности и ее финансированию / С.В. Борисов, Г.О. Вилинский // Право в Вооруженных Силах. 2018. N 7. С. 109 - 113.
180. Брежнев О.В. Реформа судебной системы России 2018 г.: конституционно-правовое измерение / О.В. Брежнев // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 1. С. 43 - 47.
181. Брежнев О.В. Реформирование судебных инстанций в России: конституционно-правовые аспекты / О.В. Брежнев // Конституционное и муниципальное право. 2011. N 6. С. 70 - 74.

182. Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса при расследовании преступлений / А.Н. Васильев, Л.М. Карнеева // М., 1970. С. 115.
183. Великий Д.П. Практика применения норм о допустимости доказательств в уголовном процессе / Д.П. Великий // Журнал российского права. 2014. N 6. С. 95 - 100.
184. Витрук Н.В. Конституционализм - философско-правовое осмысление конституции. Конституционное правосудие в России (1991 - 2001 гг.): Очерки теории и практики. / Н.В. Витрук // М., 2001. С. 154, 155.
185. Витрук Н.В. Верность Конституции / Н.В. Витрук // М., 2008. С. 162.
186. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс / Н.В. Витрук // М.: Юристъ, 2005. С. 122.
187. Волосова Н.Ю. К вопросу об ответственности обвиняемого за заведомо ложные показания и оговор заведомо невиновного лица. Право и общество: истоки, современность и перспективы / Н.Ю. Волосова // Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, ноябрь 2006 г. Новокузнецк: НФ КемГУ, 2007. С. 42.
188. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств / А.Я. Вышинский // М., 1950. С. 264.
189. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права / Г.А. Гаджиев // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. 1999. N 3. С. 82.
190. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации / Г.А. Гаджиев // Северо-Кавказский юридический вестник. 1997. N 3. С. 5.
191. Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов / Г.А. Гаджиев // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. N 2. С. 14.

192. Гаджиев Г.А. Предприниматель - налогоплательщик - государство: Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации / Г.А. Гаджиев, С.Г. Пепеляев // М., 1998. С. 56, 64.
193. Гатауллин Р.А. Правовые позиции Верховного Суда РФ, направленные на реализацию прав в гражданском судопроизводстве (Гатауллин Р.А.)
[//https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=СЖ&n=147688&dst=100017](https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=СЖ&n=147688&dst=100017),
(дата обращения 26 мая 2024 года).
194. Головкин Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям / Л.В. Головкин // Государство и право. 2020. № 6. С. 107 - 118.
195. Гончаров М. Заведомо ложный донос - не способ защиты / М. Гончаров // Законность. 2009. № 8. С. 31 - 32.
196. Горбулин С.Б. Проблемы ответственности за умышленный обман суда некоторыми участниками уголовного судопроизводства / С.Б. Горбулин // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Материалы Междунар. науч.-практич. конф. г. Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 205
197. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова // СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2005. С. 261.
198. Гриценко Е.В. Формирование доктрины прямого действия Конституции в российском конституционном праве / Е.В. Гриценко // Государство и право. 2015. № 6. С. 5 - 18.
199. Гурвич Г.Д. Теория источников права Ойгена Эрлиха и идея социального права / Г.Д. Гурвич // СПб., 2011. С. 656.
200. Давлетов А.А. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского

уголовного процесса / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. N 6. С. 31 - 37.

201. Дворянсков И.В. Преступления, нарушающие процессуальные условия получения доказательств / И.В. Дворянсков // "Черные дыры" в российском законодательстве. 2003. N 3. С. 235.

202. Доля Е.А. Конституционность п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ / Е.А. Доля // Законность. 2007. N 5. С. 4 - 11.

203. Ершов В.В. Прямое действие Конституции Российской Федерации / В.В. Ершов // Российская юстиция. 1998. №№ 9, 10 С. 6-7.

204. Ершова Е.А. Юридическая природа правовых позиций Конституционного Суда РФ / Е.А. Ершова // Российский судья. 2005. N 2. С. 12.

205. Ефимичев С.П. Уголовно-процессуальное законодательство и проблемы борьбы с организованной преступностью. Коррупция в России: состояние и проблемы. / С.П. Ефимичев // М., 1996. С. 116 - 123.

206. Жилин Г.А. Обжалование судебных актов как средство обеспечения эффективности гражданского судопроизводства / Г.А. Жилин // Журнал конституционного правосудия. 2009. N 5. С. 16 - 25.

207. Жукова Т.В. Противодействие незаконному обороту наркотиков в Австрии как одно из условий обеспечения национальной безопасности / Т.В. Жукова // Международное публичное и частное право. 2006. N 5. С. 36.

208. Занькин Д.В. Истина и справедливость - методология судебного разбирательства / Д.В. Занькин // Российский судья. 2018. N 3. С. 44 - 46.

209. Зеленин С. Пределы допустимой защиты / С. Зеленин // Российская юстиция. 1998. N 12. С. 27.

210. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе / В.В. Золотых // Ростов н/Д - Феникс- 1999. С. 68.

211. Зорькин В.Д. Цивилизация права: современный контекст / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. 2014. N 5. С. 1 - 15.
212. Ильютченко Н.В. Принцип *nemo tenetur se ipsem accusare*: сравнительно-правовой анализ / Н.В. Ильютченко // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. N 3. С. 45 - 46
213. Каламкарян Р.А. Принцип добросовестности в современном международном праве / Р.А. Каламкарян // М., 1991. С. 10.
214. Калугин. О подозреваемом и обвиняемом / О. Калугин // Сов. юстиция. 1937. N 10 - 11. С. 54
215. Кальницкий В.В. Участие следователя в судебном разбирательстве / В.В. Кальницкий, А.В. Павлов // Российская юстиция. 2019. N 3. С. 44 - 47.
216. Кипнис Н.М. Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности, утверждены решением Совета ФПА РФ от 30 ноября 2009 г. (протокол N 3) / Н.М. Кипнис. М. // Американская ассоциация юристов, 2011. С. 501.
217. Кийко Н.В. История становления и развития категории «законные интересы осужденных к лишению свободы» / Н.В. Кийко // Уголовно-исполнительное право. 2013. N 2. С. 75 - 78.
218. Кийко Н.В. Проблема интереса как категории права / Н.В. Кийко // Человек: преступление и наказание. 2013. N 1. С. 69 - 72.
219. Ключников А.Ю. Право не свидетельствовать против себя самого как стандарт международного правосудия / А.Ю. Ключников // Администратор суда. 2018. N 3. С. 53 - 56.
220. Кожохин Б.И. Некоторые особенности реализации российской Конституции / Б.И. Кожохин // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология, право. СПб., 1996. Вып. 2. С. 87 - 93.

221. Кокорев Л.Д. Этика уголовного процесса / Л.Д. Кокорев, Д.П. Котов // Воронеж, 1993. С. 88.
222. Кокотов А.Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации / А.Н. Кокотов // Актуальные проблемы российского права. 2013. N 12. С. 1511 - 1516.
223. Колоколов Н.А. Цитирование в приговоре материалов уголовного дела / Н.А. Колоколов // Российский судья. 2021. N 4. С. 56 - 61. URL: <http://doi.org.10.18572/1812-3791-2021-4-56-61> (дата обращения 20 апреля 2023 года).
224. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / А.Ф. Кони // Уголовный процесс: нравственные начала. 3-е изд. М., 2008. С. 9.
225. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы / А.Ф. Кони // М., 1914. С. 16, 94.
226. Корнев В.Н. Толкование и применение конституционных предписаний судами в Российской Федерации: интегративный подход / В.Н. Корнев, И.А. Алешкова // Государство и право. 2015. N 10. С. 5 - 11.
227. Коробеев А.И. Лжесвидетельство: наболевшие проблемы правовой ответственности / А.И. Коробеев, Ю.И. Кулешов // Российский судья. 2005. N 7. С. 36 - 39.
228. Костанов Ю.А. Пресекательный срок для сплошной кассации. Критический взгляд на предложение ВС РФ / Ю.А. Костанов // Уголовный процесс. 2020. N 7. С. 89 - 90.
229. Кошель П. История российского сыска / П. Кошель // М., 2005. С. 11 - 13.
230. Кряжков В.А. Конституционная юстиция в Российской Федерации / В.А. Кряжев, Л.В. Лазарев // М., 1998. С. 246 - 248;
231. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации / Ю.И. Кулешов // Хабаровск, 2001. С. 85;

232. Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России / А. Куницын // СПб., 1843. С. 113 - 115.
233. Курченко В.Н. Лакуны уголовного судопроизводства в контексте правовых позиций Европейского суда / В.Н. Курченко // Уголовное судопроизводство. 2021. N 1. С. 20 - 25.
234. Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту / Р. Куссмауль // Российская юстиция. 2003. N 2. С. 33 - 35.
235. Кутафин О.Е. Российский конституционализм / О.Е. Кутафин // М.: Норма, 2008. С. 192.
236. Лазарев В.В. Доктрина имплементации решений судебных органов в законодательство / В.В. Лазарев // Журнал российского права. 2019. N 7. С. 5 - 16.
237. Лазарев В.В. Место и роль суда в правовой системе / В.В. Лазарев // Журнал российского права. 2014. N 10. С. 17 - 30.
238. Лазарев В.В. Учёт решений Конституционного Суда Российской Федерации в законодательной деятельности / В.В. Лазарев // Формула права, 2001. С. 93.
239. Лапа Н.Н. Охраняемые законом публичные интересы как объект защиты гражданского процесса / Н.Н. Лапа // Сибирский юридический вестник. 2009. N 4. С. 56 - 59.
240. Ларин А. Дело наркома Ежова: реабилитации не подлежит / А. Ларин // Российская юстиция. 1998. N 8. С. 24 - 25.
241. Лебедев В.М. Конституция Российской Федерации - основа совершенствования правозащитной деятельности суда / В.М. Лебедев // Антология научной мысли. К 15-летию Российской академии правосудия. М., 2013. С. 11 - 15.

242. Лебедев В.М. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева на IX Всероссийском съезде судей / В.М. Лебедев // Судья. 2017. N 1. С. 2 - 8.

243. Лебедев В.М.: в системе СОЮ появятся кассационные и апелляционные суды округов // Портал ПРАВОру. 2016. 10 ноября. <https://pravo.ru/news/view/135456> (дата обращения: 29 мая 2024 года).

244. Ли Генри-Чарльз. История инквизиции в Средние века / Пер. с франц. А.В. Башкирова: В 3 т. Т. 1. СПб., 1911. С. 251 - 270.

245. Линовский В. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. Линовский // Одесса, 1849. С. 96 - 97.

246. Lupinская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Lupinская // 2-е изд г. Москва, 2010. С. 51, 52.

247. Маврин С.П. Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации / С.П. Маврин // Журнал конституционного правосудия. 2010. N 4. С. 12 - 18.

248. Малахова Л.И. Свидетельский иммунитет в уголовном судопроизводстве РФ: проблемы правовой регламентации / Л.И. Малахова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2017. N 1. С. 246 - 252.

249. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малеин // М., 1985. С. 33.

250. Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая оценка заведомо ложного доноса обвиняемого / Н.Э. Малеин // Труды Академии управления МВД России. 2008. N 1 (5). С. 77.

251. Матейкович М.С. Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве / М.С. Матейкович // Журнал российского права. 2018. N 5. С. 26 - 35.

252. Матейкович М.С., Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2004 года № 44-О и практика его применения по уголовным делам // Российский судья. 2022. № 12. С. 28-34.

253. Матейкович М.С., Конституционное право на пересмотр судебных решений по уголовным делам: содержание, новые реалии /Матейкович М.С., Сентякова Е.С. // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 3. С. 23-28.

254. Мельниченко Р.Г. Адвокатам разрешили давать показания против своих клиентов? / Р.Г. Мельниченко // Адвокат. 2008. N 7. С. 3 - 6.

255. Минаков Г.Л. Законные интересы и их защита уголовно-правовыми средствами / Г.Л. Минаков // Современное общество и право. 2014. N 1. С. 51 - 55.

256. Момотов В.В. Принципы справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правопорядков / В.В. Момотов // Российское правосудие. 2018. N 1. С. 35 - 48.

257. Момотов В.В. Рынок судебного представительства: из опыта континентальной и англосаксонской правовой традиции / В.В. Момотов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. N 4. С. 43 - 47.

258. Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание / В.В. Момотов // Журнал российского права. 2018. N 10. С. 134 - 146; 2019. N 12. С. 68 - 89.

259. Момотов В.В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования / В.В. Момотов // Журнал российского права. 2022. N 1. С. 29 - 35.

260. Морщакова Т.Г. Судебное правоприменение в России: о должном и реальном / Т.Г. Морщакова // М., 2010. С. 186.

261. Нафиев С. Право на защиту - не беспредельно / С. Нафиев, А. Васин // Законность. 1999. N 4. С. 5 - 7;

262. Невинский В.В. Конституция Российской Федерации: Испытание мировым опытом / В.В. Невинский // Журнал российского права. 2003. N 11. С. 73, 74.
263. Нерсесянц В.С. У российских судов нет права творческих полномочий / В.С. Нерсесянц // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 107 - 112.
264. Николаев М. Привлечение к уголовной ответственности за заведомо ложный донос / М. Николаев // Законность. 2000. N 8. С. 25
265. Панюшин Д.Б. Допустимость доказательств, содержащих самоизобличающие показания, полученных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий / Д.Б. Панюшин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. N 13. С. 28 - 30.
266. Пацация М.Ш. О дискреционных полномочиях должностных лиц Верховного Суда РФ в гражданском и арбитражном процессах / М.Ш. Пацация // Вестник гражданского процесса. 2015. N 5. С. 10 - 61.
267. Пацация М.Ш. О темпоральном аспекте применения ч. 8 ст. 291.6 АПК РФ / М.Ш. Пацация // Вестник гражданского процесса. 2017. N 4. С. 12 - 38.
268. Петелина М. Кто хозяин адвокатской тайны? / М. Петелина // Американская ассоциация юристов, 2011. С. 90.
269. Пиюк А.В. Правовое положение следователя в современном уголовном процессе / А.В. Пиюк // Российская юстиция. 2011. N 3. С. 33 - 37.
270. Покровский И.А. Естественно-правовые течения в истории гражданского права / И.А. Покровский // СПб., 1909. С. 53.
271. Ролз Дж. Теория справедливости. Перевод с англ. В. Целищев, В. Карпович, А. Шевченко. Новосибирск: Изд.НГУ, 1995. С. 532.
272. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса / А.В. Смирнов // СПб., 2000. С. 120.

273. Смолькова И.В. Доказательственное значение допроса следователя в качестве свидетеля в суде / И.В. Смолькова // Российский судья. 2013. N 6. С. 11 - 14.
274. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В.Д. Спасович // Избранные труды и речи. Тула, 2000. С. 29.
275. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В.Д. Спасович // Спб.-1861. - С. 45
276. Спасович В.Д. Сочинения / В.Д. Спасович // Т. VI.-СПб.. 1894. С. 31.
277. Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность / Ю.И. Стецовский // М., 2000. С. 320.
278. Стрекозов В.Г. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации / В.Г. Стрекозов, Т.В. Астахова // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: Сб. науч. тр. Казань, 2006. С. 47, 48.
279. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М.С. Строгович // М., 1955. С. 47.
280. Строгович М.С. Сознание обвиняемого как судебное доказательство / М.С. Строгович // Советская юстиция. 1957. N 8. С. 16.
281. Субочев В.В. Законные интересы: основы теории / В.В. Субочев // Государство и право. 2009. N 5. С. 15 - 22.
282. Султанов А.Р. О возможности применения естественно-правового подхода к источникам гражданского процессуального права / А.Р. Султанов // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. N 5. С. 3 - 8.

283. Султанов А.Р. О противопоставлении Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ / А.Р. Султанов // Сборник научных трудов. Казань: Офсет-сервис, 2021. Вып. XVI. С. 199 - 208.
284. Таран А.С. Допрос адвоката об обстоятельствах производства следственных действий в свете позиции Конституционного Суда РФ / А.С. Таран // Адвокатская практика. 2016. N 2. С. 49 - 54.
285. Титаренко А.П. Общественное доверие к полиции как фактор, способствующий индивидуальной профилактической работе с гражданами / А.П. Титаренко // Вестник Томского государственного университета 2015. N 393. С. 167 - 170.
286. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право / Ю.А. Тихомиров // М.: Юринформцентр, 2000. С. 73.
287. Умнова И.А. Новые тенденции и особенности применения Конституции РФ российскими судами / И.А. Умнов // Материалы круглого стола. М.: РГУП, 2015. С. 53.
288. Фарбер Е.И. Правосознание как форма общественного сознания / Е.И. Фарбер // М., 1963. С. 123.
289. Фаргиев И. Заведомо ложный донос, актуальные вопросы судебной практики / И. Фаргиев // Уголовное право. 2007. N 5. С. 64.
290. Федоров А.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации) / А.В. Федоров // Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2004. С. 151.
291. Халафян Р.М. К вопросу о добросовестности применения международных норм Конституционным Судом России / Р.М. Халафян // Российский юридический журнал. 2020. N 2. С. 23 - 37.
292. Цветков Ю.А. Следователь в апелляции / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство. 2014. N 4. С. 27 - 32.
293. Цветков Ю.А. Следователь в судебном производстве / Ю.А. Цветков // Российская юстиция. 2013. N 3. С. 58 - 60.

294. Чебуренков А.А. Проблемы определения в юридической науке пределов действия презумпции невиновности / А.А. Чебуренков, С.В. Штанов // Российский судья. 2016. N 11. С. 31 - 36.

295. Чельцов-Бебутов М.А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе / М.А. Чельцов-Бебутов // М., 1947. С. 46.

296. Червонная Т.М. О возможности допроса дознавателей и следователей в качестве свидетелей по уголовным делам / Т.М. Червонная, Н.Ю. Волосова // Российская юстиция. 2008. N 9. С. 57 - 59.

297. Чурилов Ю.Ю. Проблемы оговора в судебной практике / Ю.Ю. Чурилов // Мировой судья. 2008. N 11. С. 18 - 21.

298. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / А. Шайо // М., 2001. С. 15.

299. Шамшурин Л.Л. Об участии прокурора в разбирательстве гражданских дел: вопросы теории и практики / Л.Л. Шамшурин // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. N 3. С. 11 - 17.

300. Шнитенков А.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос / А.В. Шнитенков // Российская юстиция. 2007. N 12. С. 44 - 45.

Монографии

301. Антонович Е.К. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина // 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2022. С. 448.

302. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография / Н.А. Власенко // М.: ИНФРА-М, 2015. С. 11.

303. Есаков Г.А. Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. 1866 - 1916. Систематический и хронологический указатели. Комментарии избранных решений: монография / Г.А. Есаков // М.: Проспект, 2022. С. 43.

304. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке: монография / В.Д. Зорькин // 2-е изд., доп. М.: Норма, 2008. С. 59.
305. Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография / С.А. Касаткина // М.: Проспект, 2010. С. 34, 75, 224.
306. Морщакова Т.Г. Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике: Международная коллективная монография / Т.Г. Морщакова // 2-е изд., перераб. М.: Статут, 2010. С 215-258
307. Умнова (Конюхова) И.А. Применение Конституции Российской Федерации судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики: монография / И.А. Умнова (Конюхова), И.А. Алешкова // М.: РГУП, 2016. С. 184.
308. Чиркин В.Е. Современная модель конституции: прежние и новые приоритеты // Изв. вузов. Правоведение. 2003. № 2 (47) С. 50-57.
309. Companies Act 1985. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/6/contents> (дата обращения 14 января 2024 года).

Авторефераты диссертаций

310. Богомолов А.Б. Применение судами общей юрисдикции норм Конституции Российской Федерации (теоретико-правовой анализ) / А.Б. Богомолов // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 18.
311. Бородинова Т.Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации / Т.Г. Бородинова // автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 4.
312. Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования / И.С. Дикарев // автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016. С. 5, 16.

313. Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном судопроизводстве / Е.П. Гришина // автореферат канд. юрид.наук /М. - РИО РГА.-2001. С. 45.

314. Добровольская Т.Н. Показания обвиняемого как доказательство в советском уголовном процессе / Т.Н. Добровольская // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1950. С. 34 .

Диссертации

315. Воронцова И.В. Нормы международного права как источник гражданского процессуального права / И.В. Воронцова // Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 75.

316. Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе /Н.А. Козловский // Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 51.

317. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности /Л.В. Лобанова // Дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2000. С. 106 - 107.

318. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права / Л.Х. Мингазов // Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2000. С. 259.

319. Пантелеев И.А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России / И.А. Пантелеев // Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 106.

320. Параскевов Н.Н. Уголовно-правовая охрана законных интересов / Н.Н. Параскевов // дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2010. С. 14.